

Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова

На правах рукописи

НЕСТЕРЕНКО Светлана Петровна

**ГАРНИТУРА ШРИФТА КАК ФАКТОР РЕГУЛЯЦИИ
ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность 10.02.19 — теория языка

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель —
доктор филологических наук,
профессор В. А. Пищальникова

Барнаул — 2003

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	4
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1 Научно-теоретические и практические аспекты проблемы исследования регулирующей функции гарнитуры шрифта.....	12
1.1 Определение понятия «гарнитура шрифта». Графема как языковой инвариант печатного знака	12
1.2 Прагматический и эстетический аспекты проблемы.....	32
1.2.1 Функции гарнитуры шрифта с позиций прагматики и эстетики	32
1.2.2 Классификации гарнитур шрифта	35
1.2.3 Факторы, позволяющие гарнитуре шрифта регулировать восприятие печатного текста	41
1.3 Психологический аспект проблемы	59
1.3.1 Регулирующая функция гарнитуры шрифта в аспекте теории деятельности	59
1.3.2 Роль формального компонента печатного текста в процессе регуляции восприятия	75
1.4 Психолингвистический аспект проблемы	101
1.4.1 Психолингвистическая интерпретация гарнитурно-шрифтовых регулирующих факторов.....	101
1.4.2 Концептуальная модель регулирующего воздействия гарнитуры шрифта	107
1.5 Выводы	114
ГЛАВА 2 Экспериментальное исследование регулирующей функции гарнитуры шрифта	117
2.1 Методика экспериментального исследования: научные предпосылки, общая характеристика	117

2.2	Ход экспериментального исследования.....	133
2.2.1	Первый этап экспериментального исследования: предварительный отбор гарнитур для анализа	133
2.2.2	Второй этап экспериментального исследования: проверка регулирующей функции фактора ассоциативности.....	144
2.2.3	Третий этап экспериментального исследования: проверка регулирующей функции фактора соотнесенности с графемой.....	153
2.2.4	Четвертый этап экспериментального исследования: проверка регулирующей функции фактора эстетизированной эмоции.....	161
2.3	Выводы	167
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
	БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	175
	ПРИЛОЖЕНИЯ.....	199
	Приложение 1. Компонентный анализ буквы: градация меризмов по степени сложности (рангам).....	199
	Приложение 2. Наиболее активно использующиеся в полиграфии шрифты, поддерживающие русский алфавит	200
	Приложение 3. Структурные элементы печатной литеры.....	202
	Приложение 4. Анкеты для экспериментального исследования.....	203

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ГШ — гарнитура шрифта

ГШВ — гарнитурно-шрифтовой вариант

КС — ключевое(ые) слово(а)

ВВЕДЕНИЕ

Работа является экспериментальным психолингвистическим исследованием регулирующего воздействия гарнитуры шрифта на восприятие формы (графического облика) и содержания печатного текста: исследуется характер перцептивных процессов, происходящих в результате контакта реципиента с гарнитурно-шрифтовым компонентом речевого высказывания, и их влияние на восприятие текста в целом.

Актуальность избранной темы определяют следующие факторы:

1. *Включенность работы в общее направление психолингвистического исследования регулирующей функции высказывания в процессе речевой деятельности.* В последнее время все большее внимание уделяется способности воспринимаемого речевого произведения регулировать деятельность реципиента, как перцептивную, так и мыслительную. В этом аспекте исследуются, как правило, единицы двух языковых уровней — фонетического [Журавлев, 1987, 1991; Балаш, 1997] и лексического [Василевич, 1987; Мягкова, 1990; Кинцель, 2000] либо рассматривается высказывание (текст) в целом [Психолингвистические проблемы массовой коммуникации, 1974; Белянин, 1988].

2. *Недостаточное внимание к графической оболочке в рамках исследований проблемы воздействия разных компонентов воспринимаемого текста на процесс его восприятия и понимания.* В психолингвистических исследованиях факторами регуляции восприятия признаются как формальная, так и содержательная стороны языкового знака: его звуковая оболочка, понятийное ядро и эмоциональная нагрузка как компоненты, формирующие личностный смысл в процессе речемыслительной деятельности, т. е. определяющие «пристрастность человеческого сознания» [А. Н. Леонтьев, 1972]. Однако за пределами внимания психолингвистов остается *графическая оболочка* речевого произведения. Вопрос о ее регулирующем влиянии в настоящее время ставится, как правило, лишь в специальной технической литературе и решается

в утилитарно-эстетическом аспекте. Между тем графическая оболочка является важным компонентом воспринимаемого печатного текста, принимающим активное участие в формировании личностного смысла и способным внести коррективы в процесс речевосприятия с самого первого момента перцепции.

3. *Значимость исследования регулятивного потенциала графической оболочки как компонента речевой культуры носителей языка.* В отечественной лингвистике проблема культуры языка носит прикладной характер и традиционно соотносится с «лингвистической технологией» — наукой о «технике речи» [Винокур, 1984], т.е. об организации и изобретении всех возможных языковых средств, которые «находят свое своеобразное применение в зависимости от внутренней телеологии того или иного социально-речевого задания» [Винокур, 1984, с. 167]. Оценка уровня культуры напрямую зависит от качества его репрезентации; в случае восприятия печатного либо рукописного текста первичным оценочным критерием является внешняя форма: «Всякий литературный документ, в самом широком смысле этого термина, — будь то письмо, афиша, газета, дневник — вне зависимости от того, грамотным или полуграмотным человеком документ этот составлен, неизбежно носит следы осознания, своезаконной интерпретации организующих моментов языка в их системе» [Винокур, 1990, с. 14]. В связи с этим характер визуальной репрезентации печатного текста стоит считать неотъемлемым компонентом целостного впечатления о речевом произведении и, в частности, о характере речевой культуры продуцента.

4. *Научная и прагматическая востребованность исследования регулирующей функции графической текстовой оболочки.* Решение указанной проблемы в психолингвистическом аспекте представляет определенную ценность не только для психолингвистики, но и для ряда сфер человеческой деятельности, связанных с текстом как носителем информации (реклама, издательское дело, дизайн, искусствоведение, шрифтовое программирование,

психология, лингвистика), поскольку создаст научные предпосылки для осуществления более *эффективного воздействия* на читателя с помощью *текста*.

Выделенные факторы позволяют говорить о перспективности изучения регулирующей функции графической оболочки воспринимаемого текста, необходимости работы в этом направлении и, в частности, об актуальности проведения психолингвистического исследования. Психолингвистический подход в данном случае представляется оптимальным, поскольку позволяет провести комплексный анализ, т. е. учесть как характеристики графической оболочки в контексте системы языка, так и личностно обусловленные, проявляющиеся в процессе речевой деятельности субъекта; иными словами, ценность психолингвистического исследования в подобном случае состоит в том, что «компоненты значения рассматриваются как функциональные, а не морфологические единицы» [Петренко, 1988, с. 43].

Объектом исследования послужила графическая сторона речевого высказывания как способ репрезентации внешней формы языкового знака, в частности, — гарнитура шрифта печатного текста. Под *г а р н и т у р о й ш р и ф т а* (ГШ) в работе понимается *эстетически окрашенный способ передачи смысла печатного текста, непосредственно осознаваемый реципиентом в стадии визуальной перцепции и регулирующей процесс восприятия и декодирования речевого высказывания*. С точки зрения языкового знака единицей регуляции является *гарнитурно-шрифтовой вариант* (ГШВ), в котором «означающее» представлено художественными особенностями конкретной гарнитуры, а «означаемое» — соотносительностью со смысловоразличительной языковой единицей графемой. Интерпретация понятия «графема», принятая в данной работе, расходится с существующей лингвистической традицией [Бодуэн де Куртенэ, 1963; Ахманова, 1969; Розенталь, Теленкова, 1976; Зиндер, 1987 и др.] Под *г р а ф е м о й* здесь подразумевается *абстрактная визуальная инвариантная модель графического знака, аккумулирующая ми-*

нимальный набор его дифференциальных признаков, выполняющая смысло-различительную функцию и представленная в речи рядом позиционно и непозиционно чередующихся буквенных вариантов (в том числе гарнитурно-шрифтовых). Основанием для расхождения с лингвистической традицией стал, с одной стороны, выявленный автором работы *функциональный параллелизм фонемы и графемы*, позволяющий, в частности, говорить о наличии у графемы лингвистического содержания, а с другой — данные ряда исследований, ставящие под вопрос вторичность письменной речи по отношению к речи звучащей [Каптелинин, 1983; Кузнецов, Хромов, 1983; Андреев, Хромов, 1991; Лобок, 1995 и др.]

Предмет исследования — регулирующая функция ГШ печатного текста. Теоретический психолингвистический анализ указанной проблемы позволил предположить, что реализация этой функции в тексте зависит по крайней мере от трех факторов:

- 1) *соотнесенности с графемой* как способности различать смысл воспринимаемой языковой единицы;
- 2) *эстетизированной эмоции*, возникающей как следствие апелляции к эмоционально-эстетическим ценностям реципиента;
- 3) *ассоциативности* (взаимной адекватности формы и содержания, осмысляемой путем ассоциаций).

По результатам эксперимента выяснилось, что указанные факторы действительно обладают регулирующим потенциалом, реализующимся, во-первых, в зависимости от структурно-художественных особенностей ГШ, а во-вторых — от понятийного (смыслового) компонента печатного текста.

Целью работы является, с одной стороны, исследование регулирующего воздействия ГШ на восприятие формы и содержания речевого высказывания в аспекте основных постулатов современной психолингвистики, а с другой стороны, — выявление факторов этого воздействия.

Достижение цели работы потребовало решения следующих **задач**:

- 1) исследование научного и практического контекстов проблемы;
- 2) выдвижение гипотезы о существовании специфических факторов, позволяющих ГШ выполнять регулируемую функцию при восприятии формального и смыслового компонентов речевого произведения;
- 3) разработка методики экспериментального психолингвистического исследования регулирующей способности ГШ;
- 4) экспериментальная проверка гипотезы, обработка результатов;
- 5) определение специфики регулирующего потенциала каждого из гипотетически сформулированных факторов регуляции;
- 6) классификация исследуемых ГШ по степени проявления регулирующего потенциала каждого из гипотетически сформулированных факторов регуляции.

Для решения поставленных задач в работе использованы следующие **научные методы**: моделирование, элементы компонентного анализа и статистического метода, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, а также метод психолингвистического эксперимента.

Поскольку предметом исследования является регулирующая функция ГШ, в качестве **материала исследования** нами были избраны тексты с соответствующей коммуникативной целью, т.е. ориентированные на оказание регулирующего воздействия: тексты рекламных объявлений, специфическое воздействие которых начинается уже в момент перцепции за счет использования разнообразных выразительных средств, в числе которых оказывается и ГШ печатного текста. В работе были приняты во внимание только те гарнитуры, которые содержат символы русского алфавита (ГШ, созданные для отечественной полиграфии либо русифицированные, т. е. разработанные за рубежом на базе иномязычных алфавитов, но дополненные русскими буквами), поскольку, во-первых, для экспериментального исследования использовались только русскоязычные тексты, и, во-вторых, они были предложены тем реципиентам, для которых русский язык является родным.

Научная новизна исследования состоит:

- 1) в рассмотрении ГШВ как единицы особого — графемного уровня иерархической системы языка, обуславливающей качество и особенности восприятия печатного текста;
- 2) в выявлении специфики регулирующего влияния ГШ посредством теоретического и экспериментального исследования;
- 3) в разработке методики анализа регулирующей способности ГШ печатного текста;
- 4) в проведении психолингвистического эксперимента, характеризующего компоненты ГШ, оказывающие регулирующее воздействие на процесс восприятия печатного текста;
- 5) в создании классификации ГШ на основе специфики проявления их регулирующих свойств.

Научную значимость работы составляют, во-первых, применение психолингвистического подхода к анализу регулирующей роли ГШ и к гипотетическому выдвижению факторов регуляции; во-вторых, методика экспериментального исследования; в-третьих, его результаты. Кроме того, результаты исследования могут иметь **практическую значимость** для всех областей деятельности человека, связанных с созданием, оформлением и восприятием печатного текста: реклама, издательское дело, дизайн, искусствоведение, шрифтовое программирование и др.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложений. В первой главе рассматривается научный контекст проблемы исследования регулирующей функции ГШ и гипотетически формулируются и моделируются факторы, позволяющие ГШ воздействовать на процесс восприятия печатного текста. Во второй главе разрабатывается методика экспериментального исследования, проводится многоэтапный психолингвистический эксперимент и подводятся его итоги. В заключении обобщаются основные результаты исследования.

Библиографический список содержит 311 наименований трудов, к которым мы обращались в процессе работы над диссертацией. В приложениях наглядно представлены, во-первых, примеры членения структуры графемы и печатной литеры; во-вторых, ряд наиболее часто используемых в полиграфии шрифтовых гарнитур; в-третьих, — анкеты, предложенные реципиентам на каждом из этапов экспериментального исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Гарнитура шрифта оказывает регулирующее влияние на процесс восприятия печатного текста.

2. Единицей воздействующего регулятора является *гарнитурно-шрифтовой вариант* — речевой представитель абстрактной единицы языка — *графемы*.

3. Факторами, осуществляющими регуляцию, являются соотнесенность ГШВ с графемой, вызываемая им эстетизированная эмоция и ассоциативность как способность графических особенностей ГШ соотноситься с содержанием текста.

4. Каждая ГШ обладает специфическим набором регулирующих свойств.

5. Регулирующий потенциал ГШ зависит, во-первых, от ее структурно-эстетических особенностей, а во-вторых, — от понятийного (смыслового) компонента печатного текста.

6. Возможна типология ГШ в психолингвистическом аспекте на основании специфики их регулирующего потенциала.

ГЛАВА 1

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ГАРНИТУРЫ ШРИФТА

1.1 Определение понятия «гарнитура шрифта».

Графема как языковой инвариант печатного знака

Рассмотрение регуливающей роли гарнитуры шрифта, как правило, ограничивается рамками специальной технической литературы, где ГШ исследуется, во-первых, с точки зрения ее способности обеспечивать восприятие печатного текста, т.е. в прагматическом аспекте, а во-вторых, в аспекте ее эстетической ценности для реципиента.

Определение понятия ГШ в отечественной и зарубежной технической литературе унифицировано. Под ГШ понимается «комплект шрифтов одного рисунка, но с различными наклонами букв, насыщенностью штрихов и расстояниями между основными штрихами» [Бельчиков, 1965, с. 20], «комплект шрифтов различных размеров, начертаний и плотности, но одинаковых по характеру рисунков» [Шульмейстер, 1978, с. 25–26], «набор художественных решений, отделяющих один шрифт от другого» [Ярмола, 1994, с. 9] либо «совокупность шрифтов, объединенных общими стилевыми признаками, отличными от других шрифтов, т.е. совокупность начертаний, объединенных общим характером графического построения знаков и решением их элементов» [Барышников, Бизяев, Ефимов и др., 1997, с. 17]. В последнее время в технической литературе наметилась тенденция к отождествлению понятий «гарнитура шрифта» и «шрифт»: ГШ определяется как «наборный шрифт, взятый в конкретности его рисунка и состава по знакам, кеглям, начертаниям» [Кричевский, 2000, с. 36; см. также: Ярмола, 1994]. Более того, американский дизайнер Р. Паркер вместо понятия ГШ использует понятие «шрифт гарнитуры», подразумевая под ним «полный набор символов алфавита (или

литер), имеющих общий рисунок и отличающихся определенной насыщенностью (например, полужирный шрифт), наклоном (например, курсив) и размерами» [Паркер, 1998, с. 74]. В профессиональном жаргоне работников сферы полиграфии вместо термина ГШ регулярно употребляется термин «шрифт». Однако эта идентификация носит метонимический характер, *осознаваемый* носителями профессионального жаргона: понятия «гарнитура» и «шрифт» находятся в отношениях «часть — целое», т.е. гарнитура как набор специфических формально-визуальных черт является одной из характеристик шрифта, представляющего собой «набор символов, кодирующих текстовую информацию» [Ярмола, 1994, с. 8]. Наряду с гарнитурой, шрифт обладает следующими характеристиками:

1) переменными (параметры можно изменять произвольно):

— *кегель* — высота площадки, на которой расположен символ. Кегль шрифта задается в *пунктах* — специальных единицах измерения: один пункт по системе Дидо равен 0,376 мм, по системе Пика — 0,352 мм;

— *пропорциональность* — отношение длины горизонтальных штрихов к длине вертикальных: по этому параметру шрифты можно разделить на узкие, нормальные и широкие.

2) частично переменными (для некоторых шрифтов параметр не может быть задан или изменен):

— *насыщенность* печатных элементов краской: шрифты могут быть ультратонкими («волосьяными»), светлыми (нормальными), полужирными и жирными;

— *начертание* — комплект строчных и прописных знаков, характеризующийся определенной степенью наклона вправо и, в связи с этим, изменением формы элементов. Начертание бывает прямым, наклонным и курсивным (наклонным с некоторым округлением штрихов);

— *регистр* символов — строчные, прописные буквы или капители (малые прописные);

3) постоянными: *контрастность*, т. е. соотношение толщины горизонтальных и вертикальных (соединительных и основных) штрихов: шрифты бывают как неконтрастные, так и сверхконтрастные. Этот параметр не варьируется в пределах одного шрифта.

Гарнитура относится к переменным параметрам шрифта: *тексту произвольно может быть назначен тот или иной гарнитурный параметр*. Это означает, что, представая перед реципиентом в разных гарнитурно-шрифтовых обликах, один и тот же печатный текст способен обусловить качественно иной процесс восприятия.

Роль ГШ среди прочих переменных параметров шрифта является решающей, поскольку структура и рисунок буквы, задаваемые гарнитурой, служат основой для возможных модификаций с остальными параметрами.

Термин «ГШ» логически корректен, поскольку отражает соотношение понятий «гарнитура» и «шрифт». Большинство приведенных выше определений ГШ, в свою очередь, логически верно отражают сущность этого термина, однако не могут быть достаточными для психолингвистического исследования регулирующей функции гарнитуры шрифта, поскольку носят узко специальный характер, основываясь только на технических характеристиках. Необходима такая формулировка определения ГШ, которая отражала бы сущность этого понятия в психолингвистическом аспекте, т.е. показывала бы отношение ГШ как неязыкового факта к системе языка, а через нее — к речевой деятельности субъекта, в частности, — к процессу восприятия печатного текста.

Мы считаем возможным дать такое определение ГШ через понятие «графема». Термин «графема» используется как в лингвистической литературе, так и в работах, содержащих теоретическую информацию о шрифте в техническом и эстетическом аспектах, при этом он истолковывается по-разному.

Термин «графема» в техническую литературу пришел из лингвистики: он был сформулирован в 1881 г. И. А. Бодуэном де Куртенэ. Графему, т.е. «представление простейшего, дальше не делимого элемента письма, или писанно-зрительного языка» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 290], ученый характеризовал как *некое абстрактное представление о знаке письменной речи*, общее для всех вариантов начертания букв. При этом, как считал Бодуэн де Куртенэ, графему невозможно изобразить, поскольку «обнаруженная графема становится буквою, точно так же, как и обнаруженная фонема становится звуком» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 214]. Буква же понимается как «остающийся во внешнем мире оптический результат обнаруживания существующей в индивидуальной психике графемы» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 290]. Однако, проводя параллель между графемой и фонемой, Бодуэн де Куртенэ *не признает за графемой статуса языковой единицы*: «Письмо и язык, взятые в отвлечении, как *две разнородные группы явлений* внешнего мира, представляют из себя чуждые друг другу, *несоизмеримые* величины» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 210] (Курсив наш — С. Н.) Ученый исходил из того, что «действительная связь между письмом и языком может быть связью единственно психической» [там же], поэтому графема может быть связана с системой языка только опосредованно — через фонему, хотя «для большинства фонем русского языкового мышления нет подходящих графем, которые ассоциировались бы с ними без остатка (без излишка), но и без недостатка» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 213], т.е. ряд фонем может соответствовать одной графеме и наоборот. При этом Бодуэн де Куртенэ не закреплял за графемой как за психическим образованием каких-либо определенных формальных характеристик, напротив — говорил о возможности «альтернатив»: от разных начертаний (прописных, строчных, курсивных) до разных буквенных реализаций (например, буквы «е» и «³» он считал вариантами одной и той же графемы).

Для современной лингвистики характерны два направления интерпретации термина «графема».

Во-первых, вслед за Бодуэном де Куртенэ, графема понимается как языковое явление, однако оно носит не психический, а субстанциальный характер: это «основная структурная единица, входящая в систему письменного варианта данного языка» [Ахманова, 1969, с. 117], «единица письма, выступающая в различных вариантах в зависимости от стиля письма, места в слове или в предложении» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 83] либо «минимальная единица письменного языка, служащая для обозначения фонемы» [Зиндер, 1987]. При таком понимании графемы становится нечетким отличие ее от буквы: «будучи элементом кода — знаком, буква... имеет две стороны: означающее и означаемое. Означающее — это начертание, оптический образ буквы, означаемое — языковая функция и в первую очередь передача на письме фонемы или сочетания фонем» [Зиндер, 1987, с. 63]. Из этого следует, что для данного направления лингвистики оппозиция «графема — буква» нерелевантна: эти понятия синонимичны, поскольку и графема, и буква предстают как структурные единицы, выполняющие функцию передачи фонем на письме. Иногда понятие «графема» не используют вообще: достаточным считается понятие буквы [Ветвицкий, Моисеев, Иванова, 1974].

В рамках другого лингвистического направления — графической лингвистики, рассматривающей письменный текст с точки зрения языковой системы и развивающейся в работах З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной, Т. М. Николаевой [1964] и Т. А. Амировой [1977, 1985], графеме не отказывается в статусе *психического* образования: это «абстрактная единица», имеющая «различные формы или варианты выражения» [Амирова, 1977, с. 88]. Исследователями акцентируется ее отличие от буквы: «Графема — это понятие теоретической лингвистики, а не конкретно наблюдаемый объект. Буквы — это единицы алфавита» [Амирова, 1977, с. 97]. Понятие «буква» при этом тождественно понятию «аллограф» [Волоцкая, Молошная, Николаева, 1964].

Графема признается наименьшей единицей языка, обладающей значимостью — она выполняет «формо- и смыслоразличительную функцию» [Амирова, 1977, с. 90]. Но эта функция графемы, по мнению исследователей, не сближает ее в рамках системы языка с фонемой: напротив, несмотря на то, что «графема имеет некоторый коррелят в системе звукового уровня» [Амирова, 1977, с. 90], «оказывается невозможно установить прямые корреспонденции или даже трансформации от графем к фонемам. Графема нередко может соотноситься с дифференциальным признаком, двумя-тремя фонемами одновременно, нулем фонемы или морфемой» [Амирова, 1977, с. 168–169]. Более того, речь идет о *самостоятельной*, не зависимой от фонемного языкового уровня *системе письменного языка*. Основанием для подобного утверждения служит возможность установления в рамках письменного текста *собственных системных отношений*. Как отмечает Т. А. Амирова, «письменные знаки, создаваемые первоначально для передачи... единиц звукового языка, будучи наделены новыми семиологическими свойствами и собственными системными отношениями, служат формированию дополнительной, новой культурнозначимой знаковой деятельности. В итоге возникает относительно автономный вид коммуникативной деятельности, именуемый письменным языком» [Амирова, 1985, с. 46]. При этом «соотнесенность звукового и письменного языка осуществляется не на уровне субстанции материала, из которого строятся устные и письменные тексты, а... на уровне структурно-функционального моделирования языкового мышления» [Амирова, 1977, с. 38]. Конкретным основанием для выделения письменного языка в аспекте моделирующей способности мышления служит, во-первых, способность графем корреспондировать с единицами более высоких уровней (выделяют «графическую морфему», «графическое слово», «графическую фразу» и т. д.), а во-вторых, членимость аллографов, подобно аллофонам, на более мелкие единицы — «единицы шрифтов» и «единицы почерков» [Волоцкая, Молошная, Николаева, 1964].

Однако подобный взгляд на графему и ее место в системе языка полностью ориентирован на субстанциальный компонент, т. е. на форму выражения языковой функции. Выделяя графему, графическую морфему, графическое слово и т. д., исследователи не отрицают их полного тождества с аналогичными единицами фонетического уровня языка: оно прослеживается в плане содержания, где письменный и звуковой языки характеризуются «субстанцией одной и той же природы» [Амирова, 1985, с. 45]. Указанное совпадение возможно только в русле *единого* языка, вариативностью знаков которого (их формальной стороны) объясняется наличие двух относительно коррелирующих друг с другом форм выражения. Тем не менее признание за графемой статуса языковой единицы представляется аргументированным в рамках данной лингвистической концепции.

В лингвистике предпринимались другие попытки выявления в иерархической структуре языка еще одного уровня — графемного, исходящие из того, что «описание письменной формы слов вскрывает особую от устной формы морфологическую систему письменного языка» [Зиндер, 1987, с. 27], но не претендующие при этом на выделение самостоятельной языковой разновидности (письменного языка). Основным доводом в пользу включения графемного уровня в систему языка при этом считалась возможность анализа по дифференциальным признакам, позволяющего систематизировать отношения между единицами этого уровня. Целью этого анализа было обнаружение внутрисистемных отношений единиц графемного уровня с целью выявления функционального и структурного параллелизма между фонемой и графемой. Еще Бодуэн де Куртенэ, отказывая графеме в статусе языковой единицы, говорил о главном ее отличии от фонемы: «характеристическим признаком фонем следует считать их разложимость, характеристическим же признаком графем — их неразложимость» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 213]. Опровержение этого постулата послужило бы лингвистическим основанием для того, чтобы квалифицировать графему как языковую единицу.

Однако Л. Р. Зиндер, используя метод доказательства от противного, говорит о неправомерности попыток систематизации отношений между единицами гипотетически выделяемого графемного уровня, представленных, в частности, в работах З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной и Т. М. Николаевой [1964], и, следовательно, о невозможности его выделения вообще: «Если взять русскую печатную азбуку (строчные буквы), то в ней буквы складываются из вертикальных, горизонтальных, косых и закругленных элементов; кроме того, в ней имеются неполноформатные элементы в виде небольших черточек и крючков... Вертикальная черточка, расположенная снизу, релевантна в букве Щ, так как отличает ее от Ш. Если же она расположена наверху, как в буквах Г, Т, то она нерелевантна, так как нет сходных букв без такой черточки... Как из всего этого можно вывести систему букв, что может явиться основанием для объединения букв в одни группы, противопоставленные другим группам?» [Зиндер, 1987, с. 27–28]. По принципу наличия/отсутствия противопоставленных дифференциальных признаков в рамках графемного уровня невозможно выявить аналогичные фонемным системные отношения между графемами, но, поскольку исследователь понимает статус графемы как статус «минимальной единицы письменного языка, служащей для обозначения фонемы» [Зиндер, 1987, с. 80], он допускает существование определенной аналогии фонемы и графемы в аспекте их речевой реализации: говорит о существовании «аллографов» — обусловленных позицией вариантов (например, Л и диграф ЛЬ). Еще одним аргументом против установления системных отношений между графемами на основании наличия/отсутствия противопоставленных дифференциальных признаков является то, что «за всеми этими различиями не кроется никакое лингвистическое содержание» [Зиндер, 1987, с. 28].

На наш взгляд, лингвистическое содержание различий между графемами можно обнаружить, если совместить в определении понятия «графема» ее

лингвистические и технические характеристики на основе критерия смысло-различительной способности печатного знака.

В отечественной технической литературе в большинстве случаев под термином «графема» понимается некий гарнитурно-шрифтовой инвариант, скелет буквы вне ее гарнитурно-шрифтовых наслоений [Тагиров, 1959, 1976; Шицгал, 1985; Ярмола, 1994], «“скелет” знака, который дает возможность отличить один знак от другого» [Барышников, Бизяев, Ефимов и др., 1997, с. 16]. Мнение зарубежных исследователей аналогично: немецкий художник А. Капр определяет графему с учетом ее лингвистической функции: это «основная форма видимого образа букв, которые в данном языке соответствуют определенной фонетической единице (звуку)» [Капр, 1979, с. 19]; немецкий разработчик компьютерных шрифтов П. Каров понимает графему как «архетипическую форму» отдельной буквы [Каров, 2001]. С другой стороны, художник Ю. Я. Герчук отмечает, что понимание графемы как графического инварианта является неточным применительно к самой теории шрифта, поскольку «заставляет предполагать в основе любого шрифта одну и ту же неизменяемую схему знаков», в то время как «художественное решение некоторых шрифтов целиком сводится к варьированию самого “скелета”, а не к его “одеванию”» [Герчук, Об искусстве шрифта, 1977, с. 9]. При этом автор считает, что гарнитурные трансформации шрифта «зависят от узнаваемости знаков, а не от формальной верности схеме» [там же], однако, вслед за В. А. Истриным [Истрин, 1965], предлагает понимать графему как «структурную единицу данной системы письма, характеризуемую как ее языковым значением, так и типовой графической формой» [Истрин, 1965, с. 52], т.е. не отрицает наличия определенного графического типа как основной отличительной характеристики графемы. Если учесть, что типичность и инвариантность обуславливают «узнаваемость» буквы и что «варьирование» ее скелета не предполагает кардинального изменения, то можно обнаружить близость позиции Ю. Я. Герчука к традиционному для технической литературы понима-

нию графемы как графического инварианта. Характерно, что в определении В. А. Истрина прослеживается тенденция к лингвистическому осмыслению графемы: говорится о наличии у нее «языкового значения», под которым понимается передача фонемы на письме.

Понимание графемы, предлагаемое в данной работе, также синтетично, поскольку нами учитываются и лингвистические, и технические аспекты определения этого термина. При этом *графему* мы рассматриваем не просто как некий графический инвариант, реализующий адекватную передачу звучащей речи, а как *абстрактную языковую единицу особого уровня иерархической системы языка — графемного*, т. е. определяем графему как *визуальную инвариантную абстрактную модель графического знака, аккумулирующую минимальный набор его отличительных признаков и в силу этого помогающую различать смысл морфем и слов*. Иначе говоря, графема, подобно фонеме, выполняет *смыслоразличительную функцию* — в этом состоит ее лингвистическое содержание. Речевая реализация графемы — *буква* — служит строительным материалом для речевых единиц более высокого порядка — морфов; на уровне абстрактных языковых единиц соотношение аналогичное: план содержания графемы входит в план содержания морфемы. В речи графема может быть представлена рядом *буквенных вариантов*, которые в рукописном тексте обладают индивидуальными чертами почерка, а в печатном — зависят от перечисленных ранее характеристик шрифта, в том числе от гарнитур.

Буквенные варианты графемы способны вступать не только в синтагматические отношения, т.е. сочетаться друг с другом в том порядке, который диктует орфография, но и в парадигматические отношения, т.е. чередоваться как позиционно, так и непозиционно. При позиционном чередовании выбор варианта зависит от окружения: например, *курсивом* обычно набирается все слово, а не его часть, и в пределах этого слова курсивное начертание буквы обусловлено курсивным начертанием соседних. При непозиционном чередо-

вании, напротив, окружение не влияет на выбор варианта: здесь роль играют особые коммуникативные цели. Например, в словах «кулинария», «встречАТЬся», «Алтайская правда» отличия в насыщенности, кегле и регистре обусловлены, соответственно, стремлением: 1) обозначить ударный гласный (при отсутствии технической возможности сделать это при помощи специального знака «акут»); 2) указать способ общения (через чат по Интернету) и 3) прорекламирровать широкий тематический диапазон информации в газете: от «а» до «я». Зачастую достижение подобных коммуникативных целей базируется на способности речевых представителей графемы вызывать определенные ассоциации, что также функционально сближает графему с фонемой (например, принцип звукописи).

Графема, как и любая другая языковая единица, в речевой реализации может подвергаться не только операции субституции, но и распадаться на сегменты, или, пользуясь термином Э. Бенвениста, «меризмы» — различительные признаки, поддающиеся только операции субституции и вступающие только в парадигматические отношения [Бенвенист, 1974, с. 130–131]. «Меризмами» графем служат штрихи, позволяющие, во-первых, вычленить из окружающей действительности данную совокупность линий как букву вообще, а во-вторых, отличить одну букву от другой. Так, неповторимое и конвенционально закрепленное сочетание двух наклонных, зеркальных по отношению друг к другу вертикальных штрихов и одного соединяющего их горизонтального дает букву «А», а положение горизонтальной перемычки позволяет отличить «П» от «Н».

Не каждый меризм несет функциональную нагрузку, в отличие от самих графем (единственное проявление функциональности «нефункциональных» меризмов состоит в том, что они отличают букву от другого графического знака, который буквой не является). Однако этот факт не может быть достаточным для отказа графеме в статусе языковой единицы.

Во-первых, те меризмы, которые по отдельности не несут функциональной (смыслоразличительной) нагрузки, все-таки несут ее, будучи объединенными с еще одним или несколькими меризмами (причем их сумма не равна всему графическому облику буквы, например, «М» отличается от «Н» комплексом меризмов, состоящим из двух сходящихся вертикальных наклонных штрихов), т.е. можно говорить о *меризмах разной степени сложности* как основании для установления системных отношений между графемами. Наше понимание степени сложности меризмов близко введенному З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной, и Т. М. Николаевой понятию «ранга буквы»: «буквы, состоящие из одного и того же числа элементов, считаются буквами одного ранга» [Волоцкая, Молошная, Николаева, 1964, с. 12], где исходными (основными) элементами являются: 1) вертикальная прямая; 2) наклонная прямая; 3) горизонтальная прямая; 4) дуга. Принятое в нашей работе понимание меризмов и их комплексов проиллюстрировано Приложением 1.

Во-вторых, противопоставление меризмов не обязательно должно обосновываться лингвистически: достаточно внешних графических различий буквенных вариантов, поскольку *противопоставление фонем внутри фонемного уровня базируется также на экстралингвистических характеристиках*: фонемы упорядочены в зависимости от акустических особенностей их речевых представителей — звуков.

В-третьих, не является непреложным для меризмов и принцип объединения их в группы, противопоставленные друг другу: достаточно того, что каждый меризм (либо комплекс) отличается от другого визуально и позволяет говорить о том, что перед реципиентом та, а не иная буква (в рамках фонемного уровня также существуют *непарные* признаки, дифференцирующие данный конкретный звук).

Допустимо вычленение синтагматического ряда графемных меризмов, однако, в отличие от фонемных, они ограничены в возможностях парадигматических отношений (особенно это касается меризмов строчных букв), в силу

чего сложно судить о возможности существования особого языкового уровня графемных меризмов, т.е. уровня, стоящего ниже, чем графемный.

Таким образом, единицы графемного уровня являются носителями определенного лингвистического содержания и вступают между собой в системные отношения, основанные на наличии ряда дифференциальных признаков. Это позволяет квалифицировать графемный уровень как полноправную часть иерархической системы языка.

Еще одним фундаментальным доводом лингвистов против выделения графемного уровня системы языка является устойчивое традиционное признание вторичности письменной речи по отношению к речи звучащей: «Письмо — лишь отражение звучащей речи... Буква — только “тень”, отражение звука» [Панов, 1964, с. 59] и, как следствие, понимание графемы лишь в качестве *средства реализации фонемы на письме*. Это представление основано, с одной стороны, на том, что, как отмечает А. А. Залевская, «в онтогенезе первичным для становления яруса поверхностного лексического компонента речевой способности человека является подъярус звуковых форм слова. Возможно, поэтому значение слова увязывается именно со звуковым образом, а воспринимаемые при чтении слова “озвучиваются” во внутреннем проговаривании, присутствием начинающим чтецам и читающим текст в начале освоения иностранного языка» [Залевская, 1990, с. 135]. С другой стороны, то, что ведущим принципом русской орфографии является фонематический принцип, также позволяет понимать письменную речь как некий придаток речи звучащей. Однако, на наш взгляд, фонема и графема не находятся в отношениях подчинения: между ними существует *функциональный параллелизм*.

Во-первых, если исходя из традиционной лингвистической дихотомии «язык — речь», речь по способу выражения разделить на устную (звучащую) и письменную (графическую), то закономерным представляется не только отнесение звуков (конкретных, материальных единиц) к речевой сфере, а фо-

нем (абстрактных единиц) — к языковой, но и аналогичная дифференциация буквы и графемы: буква может пониматься как материальная единица речи, а графема — как абстрактная единица языка.

Во-вторых, помня о том, что связь между означаемым и означающим в рамках языкового знака в звучащей речи носит условный характер (за исключением звукоподражательных единиц), отсутствие «естественной связи» (термин И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1963) между графическим обликом единицы и ее содержанием нельзя, вслед за Бодуэном де Куртенэ, считать основанием для вынесения графемы за рамки системы языка. С этой позиции закономерным выглядит отмеченное ученым «случайное сцепление», которое происходит «между психическими элементами языка, т.е. произносительно-слухового мышления, и между психическими элементами письма, т.е. писанно-зрительного языкового мышления» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 210–211], поскольку письмо и звучащая речь — это два разных способа речевой реализации языковых значений.

В-третьих, основанием для установления функционального параллелизма является тождественность лингвистических функций фонемы и графемы (при разных способах ее реализации) — обе языковые единицы служат для смысловоразличения.

В-четвертых, значима и аналогия схем включения плана выражения и плана содержания фонемы и графемы в состав единиц более высокого уровня иерархической системы языка: субстанциальный план как звука, так и буквы входит в состав морфов, а план содержания фонемы и графемы — в план содержания морфемы.

В-пятых, аналогично звукам, буквы, как было отмечено выше, вступают между собой в синтагматические и парадигматические отношения и сегментируются на элементы более низкого порядка — меризмы, противопоставленные друг другу.

Графема и фонема занимают равноправное положение в иерархической системе языка, поскольку обе являются минимальными языковыми единицами. С точки зрения дихотомии «язык — речь» выстраивается следующий ряд соотношений:

$$\frac{\text{графема}}{\text{буква}} = \frac{\text{фонема}}{\text{звук}} = \frac{\text{морфема}}{\text{морф}} = \frac{\text{лексема}}{\text{слово}} = \frac{\text{структурная схема предложения}}{\text{предложение}}$$

буквенный вариант
аллофон
алломорф
форма слова
высказывание

Кроме того, в последнее время в лингвистике встает вопрос о правомерности понимания письма только как средства репрезентации фонем. Так, Н. Д. Голев пишет: «Способна ли письменная речь быть не косвенным продуктом речевой деятельности, а включаться в процесс речепорождения более непосредственно, приближаясь к базовым этапам данного процесса?» [Голев, 1997, с. 107]. Аргументированного ответа (в лингвистическом аспекте указанной проблемы) на данный момент нет, однако решение этого вопроса стало возможным в иной сфере — в рамках *психологических* исследований порождения и восприятия речи.

Во-первых, были предприняты попытки выявления участия/неучастия графемы (в лингвистической интерпретации термина «графема») в процессе понимания речевого произведения. Существуют три основные гипотезы опознания слов в процессе чтения — гипотезы графемного, фонематического кодирования и кодирования смешанного типа, т.е. протекающего на базе идентификации как фонем, так и графем [Солсо, 1996, с. 342]. Есть основания полагать, что гипотеза графемного кодирования более актуальна при анализе восприятия печатного текста. Имеются экспериментальные подтверждения приоритета роли графического облика слов в процессе их распознавания. Так, психолог В. Н. Каптелинин эмпирическим путем пришел к выводу о том, что «возможен семантический анализ зрительно воспринимаемых слов без всякого участия фонологических процессов» [Каптелинин, 1983, с. 150]. Способность графического облика слова независимо от фонем раскоди-

ровать содержание текста, по мнению исследователя, обусловлена следующими факторами. Во-первых, это «эффект знакомости при восприятии буквенных последовательностей» [Каптелинин, 1983, с. 148], заключающийся в том, что при восприятии слова читатель может использовать имеющиеся у него знания о внешнем окружении слова (семантическом и синтаксическом контекстах), о слове как целостном объекте (уникальной последовательности букв) и о его внутренней структуре (знакомости образующих слово элементов — букв, буквосочетаний — и правил их композиции). Во-вторых, это «эффект контекста»: «если предъявлению слова предшествует семантически связанный с ним материал (картинка, предложение, изолированное слово), восприятие этого слова облегчается» [Каптелинин, 1983, с. 148]. В-третьих, это «эффект частотности слова» — «высокочастотные слова распознаются быстрее и точнее, чем низкочастотные... Искажение зрительных признаков слова незначительно уменьшает величину эффекта частотности» [там же]. Наконец, это «эффект превосходства слова»: «конфигуративные признаки знакомых слов распознаются лучше, чем конфигуративные признаки бессмысленных последовательностей букв» [там же]. Исследователь не исключает участия фонемного кодирования при восприятии, однако оговаривает его вторичность: «При восприятии слова семантическая идентификация осуществляется дважды — приблизительное распознавание смысла происходит на основании чисто зрительного анализа, причем параллельно разворачивается автоматический, но относительно медленный процесс графемно-фонемной трансформации, по завершении которого происходит вторичное, более точное распознавание значения слова» [Каптелинин, 1983, с. 150]. Иными словами, визуальные характеристики текста, и, в частности, графический облик буквы, являются достаточным основанием для распознавания смысла слова, по крайней мере на начальной стадии восприятия.

Психологами был поставлен вопрос о *возможности минимизации участия фонемного кодирования воспринимаемого текста в процессе чтения.*

Л. Н. Хромов [Кузнецов, Хромов, 1983; Андреев, Хромов, 1991] в качестве основного препятствия для минимизации называет стереотипный навык взаимосвязи видимого и произносимого слова, носящий условно-рефлекторный характер: «Сначала ребенок произносит слово по буквам, потом по слогам и, наконец, читает вслух все слово целиком. В результате между видимым и произносимым словом устанавливается рефлекторная связь и формируется стереотипный навык проговаривать текст сначала вслух, позже шепотом, а затем про себя... Даже если читатель заявляет, что артикуляции у него нет, специальными измерениями удастся ее обнаружить» [Андреев, Хромов, Техника быстрого чтения, 1991, с. 27]. С точки зрения структуры процесса речевосприятия фонологическое кодирование происходит на стадии развернутой внутренней речи: «В зависимости от степени выражения внутренней речи подразделяется на две формы: развернутую и сокращенную. При медленном чтении возникает развернутая внутренняя речь — своеобразное внутреннее говорение, протекающее примерно с такой же скоростью, с какой мы читаем текст вслух. При таком чтении читают не столько глазами, сколько “ушами и губами”, так как считываемая информация передается в мозг, где она обрабатывается с участием речеслухового канала, пропускная способность которого, как известно, во много раз меньше зрительного» [там же].

В качестве варианта решения проблемы минимизации фонологического кодирования при чтении Л. Н. Хромов использует широко применяемую при обучении быстрому чтению *методику искусственного подавления артикуляции* (выстукивание ритма в процессе чтения). В результате читатель воспринимает смысл прочитанного на стадии, предшествующей фонемному кодированию и развернутой внутренней речи — на стадии сокращенной внутренней речи: «Искусственный прием подавления артикуляции заметно сокращает внутреннюю речь. В этом случае читатель оперирует уже не всеми словами исходного текста, а лишь немногими из них или даже целыми образами.

Только при сокращенной внутренней речи появляется возможность быстрого, почти мгновенного схватывания смысла» [там же].

Еще одним доводом в пользу равноправия единиц письменной и звучащей речи по отношению к системе языка вообще и к их смыслоразличительной функции в частности являются экспериментальные исследования порождения письменной речи [Красиков, 1990; Лобок, 1995].

Ю. В. Красиков, рассматривая психолингвистические закономерности процесса порождения письменного текста, выявляет взаимосвязь между границами смысловых отрезков фразы и паузами, возникающими в ходе речепорождения: «В случае членения текста мы обнаружили выделение отрезков, постоянной особенностью которых было наличие законченной смысловой информации или отсутствие бессмысленного членения письменного текста субъективными паузами» [Красиков, 1990, с. 200]. Это позволило исследователю констатировать такое явление, как «органическая слитность процессов семантизации и формализации порождаемого текста, имеющая основанием общность генезиса обоих процессов» [Красиков, 1990, с. 204]. Иными словами, порождение письменной речи понимается ученым как процесс, непосредственно ориентированный на семантику речевых единиц независимо от участия/неучастия в нем фонологического кодирования.

В серии экспериментов, проведенных лингвистом А. М. Лобком [Лобок, 1995] и моделирующих процесс обучения детей письменной речи минуя этап обучения чтению вслух, освоение навыков письма было структурировано как «принципиально авторское поэтическое самовыражение ребенка» [Лобок, 1995, с. 2], т.е. как перевод произвольного или тематически заданного содержания в письменную форму. При этом графический облик слова ассоциировался у испытуемых не столько со звуковым, сколько с понятийным компонентом слова. Исследователь отмечает: «Если мы хотим, чтобы ребенок действительно выучился писать, следует тренировать у него... некую интеллектуальную способность переводить образы своего сознания и фигуры

внутренней речи в письменный план» [там же]. В аспекте вопроса о приоритете фонемы по отношению к графеме в процессе речевой деятельности реципиента это означает, что «письменная речь — не более высокая ступень в развитии речи; она просто-напросто другая форма речи, и эти две формы речи отнюдь не выстроены в затылок друг к другу, и одна из них не является основанием для другой — они обладают как бы равнозначной ценностью» [Лобок, 1995, с. 3].

Таким образом, роль письма не может быть ограничена фиксацией звучащей речи: работая с письменным/печатным текстом, субъект речевой деятельности выражает свои мысли и может получать информацию через органы зрения независимо от наличия фонемного кодирования/декодирования сообщения. Нельзя полностью отрицать онтогенетически сформировавшейся условнорефлекторной связи между графическим и звуковым обликом языковых единиц, однако приведенные аргументы позволяют говорить о письменной речи как о самостоятельном средстве реализации языковых значений. Графемный уровень предстает в связи с этим как полноправная часть иерархической системы языка, а графема — как полноценная минимальная языковая единица.

Обобщая вышесказанное, определим графему как *абстрактную визуальную инвариантную модель графического знака, аккумулирующую минимальный набор его дифференциальных признаков, выполняющую смыслоразличительную функцию и представленную в речи рядом позиционно и непозиционно чередующихся буквенных вариантов.*

Исходя из предложенного лингвистического понимания термина «графема» сформулируем комплексное определение ГШ, т.е. такое определение, которое объединяло бы, во-первых, лингвистический и технический аспекты.

ГШ в данной работе понимается как *комплект символов алфавита и служебных знаков (пунктуационных и прочих), обладающих общим рисунком, т.е. набором эстетических характеристик, остающихся постоянными вне*

зависимости от кегля, начертания, регистра, насыщенности и ширины знаков и вариативно репрезентирующих соответствующие языковые единицы — графемы — в виде их буквенных коррелятов. При этом одним из способов речевой реализации графемы в печатном тексте является ГШВ.

Во-вторых, с психолингвистической точки зрения, и в частности — в аспекте восприятия речевого высказывания, ГШ — это *эстетически окрашенный способ передачи смысла печатного текста, непосредственно осознаваемый реципиентом в стадии визуальной перцепции и регулирующий процесс восприятия и декодирования речевого высказывания*. Соответственно, знаковой единицей регуляции является ГШВ, поскольку он соотносится как со смыслоразличительной способностью графемы («означаемое»), так и с художественными особенностями гарнитуры («означающее»). Служебные символы (цифры, пунктуационные знаки и прочие), рассматриваемые как часть ГШ, также выполняют регулирующую функцию, однако они не принадлежат графемному уровню, т.е. не обладают статусом единиц языка, поскольку не входят в состав единиц более высокого уровня (морфем и слов), а существуют лишь как маркеры их границ и отношений друг с другом (знаки пунктуации) либо являются графическим упрощенным аналогом логических операций и лексических единиц (цифры, математические символы, знак авторского права ©, параграф §, номер №, доллар \$ и др.) По этим же соображениям в данной работе не анализируются те гарнитуры, которые полностью состоят из специальных пиктографических символов, т.е. знаков-картинок (гарнитуры *Animals, Arrows, Borders, Dixiland, Food, Furniture, Medicine, Military, Ornament, People, Plants, Science, Shapes, Stars, Symbol, Tracks, Wingdings* и др.)

1.2 Прагматический и эстетический аспекты проблемы

1.2.1 Функции гарнитуры шрифта с позиций прагматики и эстетики

В отечественной литературе по технической эстетике прагматический и эстетический аспекты анализа ГШ традиционно являются взаимодополняющими и взаимозависимыми. Как отмечал в этой связи советский искусствовед К. М. Кантор, «Понятия “красота” и “польза” берутся как равноправные, одно определяется через другое. Не раскрыв содержания понятия “польза”, невозможно постичь понятие “красота”» [Кантор, 1967, с. 24]. Эта позиция радикальна, но взаимосвязь эстетического и утилитарного аспектов становится актуальной, когда рассматриваются выразительные средства набора и, в частности, ГШ. Так, В. Б. Валуенко называет две главные задачи, которые решаются с помощью выразительных средств набора. Это *функциональная задача*, смысл которой в том, чтобы «облегчить пользование книгой, поиск, усвоение и запоминание информации, повышение коэффициента полезного действия книги, совершенствование ее как приспособления для чтения» [Валуенко, 1976, с. 30] и *художественная интерпретация* — «выявление нюансов... содержания и формы, художественное “прочтение” средствами набора» [там же]. Говоря о назначении шрифта, С. И. Смирнов отмечает: «выполняя одновременно утилитарную и эстетическую функцию, шрифт имеет: *предметное значение* (обозначаемые объекты: буквенным знаком — звук речи, комбинацией знаков — слова и предложения) и экспрессивно-смысловое значение (чувства, передаваемые зримыми образами этих объектов человеческой речи)» [Смирнов, 1990, с. 52]. И. Н. Табашников, исходя из того, что «в любом... виде прикладного искусства сочетаются утилитарная и эстетическая функция» [Табашников, 1994, с. 48], видит сущность утилитарной функции в том, чтобы «облегчить восприятие», «руководить вниманием читателя, быть зрительным, визуальным комментатором» [там же]. Эстетиче-

ская функция, как отмечает он вслед за болгарским исследователем Д. Георгиевым [Георгиев, 1978], проявляется в рамках пяти наметившихся за последние десятилетия тенденций оформления полиграфической продукции. Это, во-первых, *технизм*, пренебрегающий красотой оформления и стремящийся к максимальному упрощению; во-вторых, *эстетизм* — стиль оформления, которому свойственна самоцельная погоня за красотой; в-третьих, *декоративизм*, подменяющий подлинную красоту оформления внешним украшательством; в-четвертых, *функционализм*, при котором самоудовлетворяющее значение имеет утилитарная функция, не допускающая эмоциональной окраски внешней формы; и, наконец, *функционально-художественное направление*, объединяющее в себе все наиболее ценное из функционализма, эстетизма и декоративизма, проповедующее единство красоты и пользы и признаваемое наиболее перспективным. Однако в рамках этой классификации недостаточно четко проведена грань между техницизмом и функционализмом, а также не указаны критерии, отличающие «подлинную красоту» от «внешнего украшения». Это связано с субъективностью представлений о прекрасном, зависящей от многих факторов, в качестве которых выступают, как справедливо отмечал еще в 60-е гг. минувшего столетия искусствовед И. Л. Маца, «культурный уровень, эстетическое воспитание, темперамент, даже возраст человека, национальные и прочие традиции, индивидуальные (часто совершенно случайные) ассоциации» [Маца, 1963, с. 69]. При этом, как отмечает С. И. Смирнов, «эстетическое чувство человека редко его обманывает. Зритель, не вдаваясь в тонкости искусства шрифта, всегда отличит красивое от некрасивого, наглядное от неприглядного» [Смирнов, 1990, с. 52].

В связи с тем, что ГШ выполняет прагматическую функцию, возникает проблема определения места ГШ в эстетическом освоении действительности. Как отмечает А. Капр, «в рамках общей эстетики мы говорим о практически-эстетическом и эстетико-практическом или художественном освоении дейст-

вительности. Вопрос в том, что является первичным, а что — вторичным...
Существование шрифта в качестве материального образа с потенциальными эстетическими свойствами приближает его к прикладному искусству. Тот факт, что он вместе с тем выступает и в виде носителя мысли, сближает его со свободными искусствами, поскольку любое произведение искусства заключает в себе также и ассоциативный аспект» [Капр, 1979, с.11].

Вопрос о доминирующей функции ГШ остается открытым и в настоящее время; варианты его решения обусловлены аспектом исследования. Так, немецкий разработчик шрифтов П. Каров в качестве приоритетной выдвигает прагматическую функцию ГШ: «Шрифт, несомненно, является продуктом творчества и, следовательно, вызывает такие же вопросы, как музыка, поэзия или живопись. Может ли искусство быть оценено, и если да, то кто лучший судья? Во-первых и прежде всего, шрифт является предметом повседневного пользования, что делает его похожим скорее на стул, а не на поэму» [Каров, 2001, с. 203].

Однако субъективность эстетической оценки не является достаточным основанием для признания второстепенности красоты по отношению к пользе, поскольку, во-первых, сфера эмоций, в том числе эстетически окрашенных, является мощным регулятором деятельности человека, а во-вторых, критерии пользы той или иной гарнитуры тоже являются субъективными, т. е. зависят от предпочтения автора или реципиента печатного текста. Не случайно А. Капр предлагает отказаться от «поспешного фиксирования места искусства шрифта» в рамках общей эстетики и оставить этот вопрос открытым для других сфер науки: «Решение наших проблем невозможно без сотрудничества с физиологией кортикальной сферы, с психологией, теорией информации, лингвистикой, семиотикой и кибернетикой» [Капр, 1979, с. 11] (Курсив наш — С. Н.) На наш взгляд, решение вопроса о соотношении эстетической и прагматической функций шрифта возможно, в частности, в рам-

ках данного психолингвистического исследования, что составляет одну из его промежуточных задач.

1.2.2 Классификации гарнитур шрифта

В настоящее время в полиграфии активно используются более ста гарнитур (см. Приложение 2), однако известны шрифтовые библиотеки, содержащие несколько тысяч гарнитур. Существующая гарнитурно-шрифтовая среда неоднородна, классификации ГШ как в отечественной, так и в зарубежной литературе проводятся по разным основаниям. При этом конкретные гарнитур в качестве примеров называются редко: как правило, речь идет о группах гарнитур, объединенных либо на основе внешних особенностей, либо по общности функций.

Часто дифференциация гарнитур базируется на *хронологическом принципе*: учитывается время возникновения той или иной гарнитур либо период ее наиболее активного функционирования [Капр, 1979; Ярмола, 1994; Птахова, 1997]. Во-первых, говорят о группе *готических* гарнитур, доминирующих в книгопечатании до XV в.; во-вторых, об *антиквенных* гарнитурах, которые в XV в. вытеснили готику, после чего их графический облик прошел определенную эволюцию — от гуманистической антиквы XV в. до переходной и новой антиквы (соответственно, гарнитуры Гарамон, Палатино и Бодони). В-третьих, начало XIX в. понимается как время расцвета *декоративных* гарнитур в стиле рококо и романтизма, носящих отпечаток античности. Далее, особо отмечают 30-е гг. XIX в. как время возникновения и расцвета *акцидентных* шрифтов — жирных, неконтрастных, использующихся в рекламных целях. На рубеже веков возникают гарнитуры в стиле *модерн*, стилизованные под готическую фрактуру и отличающиеся орнаментальностью. Наконец, в XX в. наиболее распространенными стали *брусковые* шрифты, или гротески (Курьер), а также рубленые (Гельветика, Футура). Причину хроно-

логически фиксируемого изменения и возникновения гарнитур видят в том, что «непосредственное влияние на формы шрифта оказывают... изменения в мышлении и действиях пишущих и изготавливающих шрифт индивидуумов..., политические и религиозные воззрения, архитектура, живопись, а также философия и народное образование» [Капр, 1979, с. 14], т.е. «изменения в начертании шрифта соответствовали тому или иному специфическому стилю эпохи» [Капр, 1979, с. 15].

Распространены классификации ГШ на основании *формальных различий*, т.е. исходящие из графических особенностей тех или иных элементов буквы и их соотношения (см. Приложение 3).

Так, классическим для отечественной полиграфии времен металлического набора стало деление гарнитур на пять основных групп, представленных на рис. 1 и отличающихся друг от друга, во-первых, степенью контрастности, а во-вторых, наличием засечек и их формой [Кликушин, 1964; Бельчиков, 1965]. Шрифты *1 группы* умеренно контрастны, соотношение горизонтальных (соединительных) и вертикальных штрихов 1:3, засечки короткие, по форме приближенные к треугольнику (гарнитуры Банниковская, Латинская). Шрифты *2 группы* отличаются резким контрастом (1:5), длинными и тонкими засечками, расположенными под прямым углом к основному штриху (гарнитура Елизаветинская). Шрифты *3 группы* малоконтрастны (1:2), с засечками, близкими к прямоугольной форме, имеющими вид небольших закругленных утолщений (гарнитуры Академическая, Коринна, Школьная, Журнальная). *4 группа* шрифтов неконтрастна, засечки прямоугольные, той же толщины, что и основные штрихи, брускообразные («брусковые» гарнитуры — Курьер, Ксения). *5 группа* отличается от предыдущей отсутствием засечек («рубленные» — Футура, Гельветика). На данный момент эта классификация считается устаревшей, поскольку не охватывает всего многообразия известных ГШ: в частности, за рамками этой классификации остаются декоративные гарнитуры.

Рис. 1. Пять основных групп гарнитур шрифта

На формальных различиях основана и классификация по ГОСТ 3489.1–71 [Шульмейстер, 1978; Ярмола, 1994; Барышников, Бизяев, Ефимов и др., 1997]. Согласно ей, шрифты подразделяются на *рубленые*, т. е. без засечек (гарнитуры Антиква, Джорнал Санс), шрифты *с едва наметившимися засечками*; *медиевальные* шрифты, у которых засечки плавно переходят в основные штрихи (гарнитуры Таймс, Лазурского); *обыкновенные* шрифты, характеризующиеся высокой контрастностью, длинными тонкими засечками, соединяющимися с основными штрихами под прямым углом (гарнитура Елизаветинская); *брусковые* шрифты, т.е. малоконтрастные, у которых утолщенные прямые засечки соединяются с основными штрихами под прямым углом (гарнитура Балтика); *новые малоконтрастные*, где длинные засечки закруглены (Академическая гарнитура); а также на *дополнительные* шрифты, т. е. в основном имитирующие рукописный текст (гарнитура Жихарева).

Г. М. Барышников с соавторами предложил наиболее упрощенный вариант известных формальных классификаций [Барышников, Бизяев, Ефимов и др., 1997]: шрифтовые гарнитуры подразделяются на *имеющие засечки* (Антиква, Таймс, Лазурского), *не имеющие засечек* (Футура, Компакт) и гарнитуры *свободного стиля*.

Американский исследователь А. Саттон выявил и описал переходные типы гарнитур, классифицируемых по внешним признакам. Это, во-первых, *готические шрифты, обладающие сходством с рукописными*; во-вторых, *рукописные шрифты, схожие с группой курсивных*; в-третьих, *курсивные шрифты с чертами, характерными для группы древних латинских шрифтов*; в-четвертых, *латинские шрифты, похожие как на древние латинские, так и на современные латинские*; в-пятых, *латинские и гротески с чертами, ха-*

рактёрными и для современных латинских, и для гротесковых шрифтов; наконец, это готические шрифты с элементами, свойственными группе гротесков. Указанная классификация основана на степени проявления декоративности: «Отсчет можно начать с готических шрифтов, которые имеют самый декоративный рисунок. Далее... идет группа рукописных шрифтов, курсивных, потом древний латинский и, наконец, гротеск — шрифт самого простого, даже грубого рисунка» [Саттон, 1978, с. 113].

Классификация ГШ проводится и на основании *различия сфер и целей функционирования*. Ю. А. Ярмола называет шрифты *текстовые, выделительные, титульные, акцидентные* и шрифты *для набора специальных знаков*, т.е. не содержащие буквенных символов [Ярмола, 1994], однако в этой классификации нарушены отношения между членами: неясна разница между выделительными и акцидентными шрифтами, между выделительными и титульными. В. Кричевский выделяет шрифты *текстовые, акцидентные* и *титульные*, но, в отличие от Ю. А. Ярмолы, оговаривает условность такой дифференциации: «Во-первых, большинству титульных шрифтов соответствуют текстовые, и они различаются не столько по облику, сколько по величине. Во-вторых, многие шрифты не настолько вычурны, чтобы считаться сугубо акцидентными, но и не настолько строги, чтобы относиться к текстовым. В-третьих, не всякий текстовый шрифт хорош в массиве сплошного текста и наоборот — акциденции вовсе не чужды текстовые шрифты» [Кричевский, 2000, т. 1, с. 118]. В связи с этим нелогичными выглядят и попытки подразделить ГШ на *книжные* и *акцидентные* [Жуков, 1979], *наборные* и *рисованные* [Кузнецов, 1984], *текстовые, акцидентные* и *плакатные* [Каров, 2001].

Американский дизайнер Р. Паркер проводит функциональную дифференциацию ГШ, исходя из целей использования того или иного шрифта. При этом он выстраивает ряд стилистических схем, с помощью которых можно «подобрать нужный настрой для вашего документа» [Паркер, 1998, с. 76]:

«традиционный стиль» (засечки, небольшая высота символа, длинные выносные элементы), «современный стиль» (рубленая гарнитура, большое поле символа, короткие выносные элементы), «возвышенный стиль» (засечки, слегка сжатое внутрибуквенное пространство и вытянутая по вертикали форма символов), «неформальный стиль» (закругленная форма внутрибуквенного просвета и символов) и «изысканный постмодернистский стиль» (сильно сжатое или деформированное внутрибуквенное пространство и удлиненная форма символов). При этом Р. Паркер непоследователен в соблюдении оснований классификации: часть стилей выделена им на базе хронологии, часть — по принадлежности к тому или иному направлению искусства.

В зарубежной полиграфии существует ряд *официальных* классификаций ГШ. В Германии распространена Классификация наборных шрифтов DIN 16518. Согласно ей, ГШ дифференцированы на несколько классов:

- I. Венецианская антиква.
- II. Французская антиква.
- III. Переходная антиква.
- IV. Новая, или классицистическая антиква.
- V. Брусковые шрифты.
- VI. Шрифты без засечек (гротески, или рубленые).
- VII. Акцидентная антиква.
- VIII. Рукописные шрифты.
- IX. Декоративные шрифты.
- X. Готические шрифты.
- Xa. Текстура.
- Xb. Ротунда, или круглоготические.
- Xc. Швабахер.
- Xd. Фрактура.
- Xe. Варианты фрактуры [Каров, 2001, с. 308].

Несмотря на то, что гарнитуры разграничены на основании *художественных особенностей их рисунка*, очевидным недостатком приведенной классификации является несоблюдение единства и последовательности критериев. Так, первые четыре группы выделены на базе хронологии, причем первые две с учетом национальной специфики, следующие — V, VI и VIII группы — благодаря характеру их основных элементов и наличию/отсутствию засечек, VII и IX группы — по функции, а X — по стилистической принадлежности.

Подобный способ группировки ГШ лежит в основе другой принятой в Германии классификации — «Линотайп», а также английской шрифтовой системы BS , американской системы ISO и международной классификации шрифтов AFII [Каров, 2001, с. 320–321].

Все перечисленные варианты классификации ГШ, носящие либо технический, либо функциональный, либо стилистический характер, не отражают особенностей ГШ в аспекте ее способности регулировать восприятие печатного текста. Тем не менее классификации дают представление о разных сторонах функционального потенциала гарнитур, их соотносительности с определенными художественными критериями, сферой употребления, стилистической маркированностью. Это позволяет признать за той или иной графической оболочкой наличие определенного ассоциативно выделяемого смысла, хотя необходимого нам для психолингвистического исследования варианта типологии ГШ в литературе на данный момент не обнаружено. Мы предполагаем классифицировать ГШ в психолингвистическом аспекте по результатам экспериментального исследования.

1.2.3 Факторы, позволяющие гарнитуре шрифта регулировать восприятие печатного текста

В целях исследования регулирующей функции ГШ воспринимаемого текста в психолингвистическом аспекте и последующей классификации раз-

ных ГШ в зависимости от характера осуществляемой ими регуляции необходимо выявить технические и эстетические компоненты воздействия гарнитуры на читателя, т.е. назвать и описать те *факторы, которые позволяют говорить о возможности регуляции восприятия* речевого произведения посредством ГШ.

Одним из первых в отечественной технической литературе попытку комплексного описания воздействующих компонентов ГШ предпринял художник Ю. Я. Герчук, который, говоря о том, что «в любом шрифте можно выявить путем анализа и сравнения целую гамму разнородных воздействий, идущих большей частью из глубин истории шрифта» [Герчук, Об искусстве шрифта, 1977, с. 9], называет пять главных компонентов.

Во-первых, это *изобразительное начало*, выступающее в виде наглядного уподобления: «буквы-птицы и буквы-звери, знаки, выплетенные из лент или прорастающие травами, щедро рассыпаны по страницам и русских, и западноевропейских шедевров древней письменности» [там же]. При этом, вслед за художником В. А. Фаворским, Ю. Я. Герчук говорит о «жестах» букв, подобных пространственным и голосовым жестам человека [Фаворский, 1961, с. 65–66].

Во-вторых, в качестве воздействующего начала выступает *стилизация* — «способ подчинения выразительности шрифта задачам раскрытия содержания той или иной книги с точки зрения ее стилевой характеристики, национального или исторического колорита» [Герчук, Об искусстве шрифта, 1977, с. 9], т.е. шрифт «выступает перед нами как бы на сцене, в театральном или маскарадном костюме» [Герчук, Об искусстве шрифта, 1977, с. 10].

В-третьих, это «особенности, рожденные самим процессом письма, *способами выполнения шрифта*», которые «зависят от характера материалов и инструментов, от темпа работы (письмо пером, кистью; на дереве и металле)» [Герчук, Об искусстве шрифта, 1977, с. 11]. Применительно к современ-

ному электронному набору этой особенности соответствует стилизация под тот или иной способ выполнения рисунка гарнитуры.

В-четвертых, важным фактором Ю. Я. Герчук считает *пространственное ощущение штриха* — «отвлеченное восприятие его как пространственной фигуры на белом поле» [там же].

Наконец, воздействующим фактором является «*пропорциональный и ритмический строй*» [там же].

Приведенная классификация не только учитывает графические характеристики шрифта (способ выполнения, пространственное ощущение, пропорция и ритм), но и отражает связь внешнего облика печатного текста с его содержанием.

В современной технической литературе рассмотрение регулирующих компонентов ГШ также ведется с двух указанных позиций: во-первых, с точки зрения *отношения визуальных характеристик ГШ к системе пространственных координат*, а во-вторых, *в аспекте способности формальных характеристик шрифта передавать содержание текста ассоциативным способом*, т.е. путем графического прямого или метафорического уподобления каким-либо реалиям действительности, о которых идет речь в тексте. В связи с этим при анализе ГШ целесообразно выявить два типа регулирующих восприятия факторов:

- 1) обусловленные графическим обликом, т.е. формой;
- 2) обусловленные содержанием текста.

Указанные факторы находятся в отношениях взаимозависимости и соподчинения, поэтому их изолированный анализ достаточно сложен. Как отмечал Ю. Я. Герчук, «в любом шрифте сливаются и взаимодействуют многочисленные уровни осмысления его формы — изобразительность и стилистика, конструкция и пластика, пропорции и ритм. Это не значит, что все “слои” мирно и раздельно лежат один над другим. Их взаимодействие, создающее в итоге единый и цельный образ шрифта, всегда есть напряжение, борьба. Пла-

стика противоречит конструкции, подчеркнутый ритм сбивает пространственную активность формы, изобразительная или стилевая символика затемняет органическую ясность отвлеченного знака. Какие-то уровни доминируют, подавляя, но не уничтожая другие» [Герчук, Об искусстве шрифта, 1977, с. 11–12]. Поэтому в целях детального анализа ГШ в технической литературе принято *искусственно изолировать* форму печатных символов от содержания печатного текста.

С одной стороны, указанный подход позволяет выявить ряд *формальных* характеристик ГШ, влияющих на восприятие текста.

Выявление таких характеристик связано, в первую очередь, с понятием «удобочитаемость». В отечественной литературе она традиционно понималась как «качество восприятия при чтении связного текста, набранного этим шрифтом» [Большаков, Гречиго, Шицгал, 1964, с. 99]. В настоящее время это «общая оценка пригодности шрифта» [Смирнов, 1990, с. 59], «точность, эффективность и психофизиологический комфорт восприятия типографической формы» [Кричевский, 2000, с. 126], причем различают удобочитаемость текста и удобочитаемость шрифта, поскольку «самый совершенный наборный шрифт теряет свое достоинство при ущербном наборе» [там же].

В зарубежной технической литературе удобочитаемость иногда понимается только как свойство текста, применительно же к отдельным знакам используется термин «различимость»: «Различимость соответствует распознаванию архетипических форм (графем) отдельных букв. С другой стороны, удобочитаемость определяется общим впечатлением, шириной колонок, интерлиньяжем, межбуквенными просветами и пробелами между словами. В этом контексте различимость отдельных знаков имеет второстепенное значение. Мера различимости основана на времени, которое требуется читателю для восприятия отдельного знака. Удобочитаемость измеряется временем, в течение которого можно читать текст не уставая» [Каров, 2001, с. 168], при этом акцентируется, что «удобочитаемость слов и фраз не является прямым

результатом различимости знаков, составляющих слова и фразы» [Каров, 2001, с. 265]. С этой мыслью согласиться сложно, поскольку при плохо различимых (т. е. плохо распознаваемых) отдельных знаках нельзя говорить об удобочитаемости текста в целом. ГШ в этом случае играет важную роль, поскольку своими визуальными характеристиками определяет качество распознавания печатных символов. По отношению к ГШ более приемлемо в данной ситуации выделить в рамках удобочитаемости две группы ее компонентов: *внешние*, т. е. связанные с удобочитаемостью текстового блока, и *внутренние* — обусловленные непосредственно особенностями ГШ.

К *внешним* компонентам можно отнести выделяемые С. И. Смирновым *шрифтовую композицию и четкость шрифта*, под которыми понимаются соответственно «длина строки (надписи) или ширина шрифтового поля (колонки), пробел вокруг строки или шрифтового поля, интервал между строками, шрифтовыми полями, форма строк, шрифтового поля, ритм строки и композиции текста, цветовое решение» [Смирнов, 1990, с. 50] и «отношение цвета (тона) шрифта к цвету (тону) фона-носителя знаков, фактура, качество выполнения» [там же].

Согласно принципу изолированного рассмотрения ГШ, основное внимание должно быть уделено *внутренним*, т.е. собственно шрифтовым компонентам удобочитаемости, к которым относятся следующие признаки шрифта:

а) *характер контура букв* (округленные или прямолинейные) — «“углы” являются различительными признаками, которые придают буквам наибольшую индивидуальную выраженность» [Большаков, Гречиго, Шицгал, 1964, с. 100];

б) *контрастность* (характер соотношения между основными и соединительными штрихами) — «гарнитуры шрифта с выраженным контрастом штрихов наиболее удобочитаемы. Исключением являются случаи, когда контраст слишком ярко выражен и соединительный штрих становится чересчур тонким. Неконтрастный шрифт (например, рубленая гарнитура) лучше вос-

принимается только при чтении отдельных слов и выделений» [там же]; «наиболее удобочитаемы те шрифты, у которых отношение между соединительным штрихом и основным умеренно контрастно. Резкий контраст между штрихами... затрудняет чтение. Монотонность, свойственная шрифтам пятой группы, при сплошном текстовом наборе повышает утомляемость читателя вследствие резкого контраста между изображением букв и фоном бумаги. При коротких же надписях и в отдельных словах (заголовки, выделения, плакаты, транспаранты, вывески и т.п.) удобочитаемость этих шрифтов, наоборот, повышается вследствие их броскости» [Бельчиков, 1965, с. 25];

в) *особенности засечек*: «засечки в шрифте заметно улучшают восприятие буквенного знака, даже если они слабо видимы. Слишком заметные засечки ухудшают восприятие буквы и буквенных сочетаний» [Большаков, Гречиго, Шицгал, 1964, с. 100]; «Простота и элегантность шрифтов без засечек делает их идеальным средством для оформления крупных заголовков и других текстовых выделений. Шрифты с засечками, наоборот, хорошо смотрятся при малом размере символов и лучше всего подходят для основного текста. В заголовках и текстовых выделениях, набранных крупным кеглем, они могут создавать ощущение тесноты и беспорядка. Засечки помогают рассмотреть форму символов. Уберите их — и отличать буквы друг от друга станет труднее» [Паркер, 1998, с. 77];

г) *характер внутрибуквенного просвета*: «чем больше внутрибуквенный просвет, тем лучше читается буквенный знак» [Большаков, Гречиго, Шицгал, 1964, с. 100]; отмечают также, что «лучше других воспринимаются наборные шрифты... с широко открытыми внутрибуквенными просветами и не слишком тонкими соединительными штрихами. Разумеется, ни очень короткие выносные элементы, ни чрезмерно развитые засечки, ни тем более вычурные декоративные элементы никак не способствуют разборчивости» [Кричевский, 2000, с. 127];

д) важен также *размер шрифта* (кегель): «для обычного чтения более всего и в равной степени подходят шрифты от 9–го до 12 кегля — не меньше и, как ни покажется странным, не больше» [Кричевский, 2000, с. 126; см. также: Большаков, Гречихо, Шицгал, 1964, с. 100–101]; «Мы не сможем прочитать текст размером менее 4 pt из-за ограниченной распознавательной способности наших глаз. На практике текст должен быть по крайней мере вдвое больше этого размера — 8 pt и более» [Каров, 2001, с. 193];

е) *пропорциональность*: «отношение сторон, близкое к единице, с некоторым преобладанием вертикали является наиболее легким для зрительного восприятия. Однако и плотный шрифт... может быть удобочитаемым» [Большаков, Гречихо, Шицгал, 1964, с. 100]; «наиболее удобочитаемы шрифты, у которых отношение ширины буквы к высоте близко к единице или высота немного превышает ширину... Если высота букв значительно превышает их ширину (узкие шрифты), шрифт теряет свою удобочитаемость» [Бельчиков, 1965, с. 25].

Вопрос о пропорциональности ГШ как одном из условий удобочитаемости связан с представлением об идеальных для восприятия пропорциях плоских фигур, вписанных в четырехугольник. Выделяют два типа пропорций: *оптические* и *геометрические*. *Оптическую* пропорцию составляет отношение реального размера удаленного предмета к размеру кажущемуся: «Зритель недооценивает удаление предметов, что, в свою очередь, приводит к недооценке действительных размеров последних» [Федоров, Короев, 1961, с. 25]; о *геометрических* пропорциях говорят, когда исследуют соотношение разных параметров объекта между собой. При исследовании ГШ в условиях естественного процесса восприятия текста, не связанного с необходимостью рассматривать удаленные объекты, актуальны геометрические пропорции.

Уже в 40-е гг. XX в. в отечественной технической литературе, посвященной оформлению книги, начался анализ и поиск идеальных геометрических пропорций. Б. М. Кисин [Кисин, 1946] говорит о так называемом «золо-

том сечении» — гармоничной пропорции, найденной еще во времена античности (см. рис. 2) и заключающейся в соотношении большей и меньшей (вертикальной и горизонтальной) сторон прямоугольника, равном $\frac{\sqrt{5}-1}{2}$, или 0,618, если длину большей стороны принять за единицу. Помимо «золотого сечения», в отечественной и зарубежной технической литературе называют ряд близких к нему идеальных пропорций: $\frac{1}{\sqrt{5}}$ — сумма двух прямоугольников с «золотым сечением»; $\frac{1}{\sqrt{2}}$ — отношение стороны квадрата с «золотым сечением» к его диагонали; $\frac{2}{\sqrt{5}}$ и $\frac{1}{2}$ — пропорции параметров Парфенона и гробницы фараона Джосера, «мерная сажень», «сажень без чети»; $\frac{(\sqrt{5}-1)}{\sqrt{5}}$ — один из «пропорциональных циркулей» античности; $\frac{1}{(\sqrt{5}-1)}$ — «малая сажень»; $\sqrt{5}-1$ — «римский пасс», «морская сажень»; называют также «золотой» ряд Фибоначчи — ряд цифр, построенных на отношении его ближайших членов, равном коэффициенту «золотого сечения»: 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34 и т. д. [Гротов, Ильина, 1964; Шевелев, 1965; Иконников, Степанов, 1971; Гончарова, 1977; Саттон, 1978; Чихольд, 1980; Кудин, Ломов, Митькин, 1987 и др.]

Рис. 2. а) пропорция «золотого сечения», найденная математически, как 1:0,618; б) геометрическое построение прямоугольника с пропорциональным соотношением сторон по «золотому сечению»: при делении целого на две неравные части большая из них так относится к целому, как меньшая к большей; в) нахождение прямоугольника с благоприятным соотношением сторон [Смирнов, 1981, с. 94].

Как отмечает немецкий художник Я. Чихольд, «суть гармонии — соотношения пропорций» [Чихольд, 1980, с. 12]; «человек находит плоскости, имеющие геометрически ясные, сознательно выбранные пропорции, более приятными и красивыми, чем плоскости, наделенные случайными пропорциями» [Чихольд, 1980, с. 55–56].

Параметры гарнитур печатного шрифта, по наблюдению Б. М. Кисина, также соответствуют представлению об идеальных геометрических пропорциях. Для группы антиквенных шрифтов характерно соотношение выступающей и средней части, равное $\frac{3}{5}$, в узких шрифтах общая высота буквы (вместе с выступающими частями) относится к ее средней части как $\frac{5}{3}$; у нормальных шрифтов отношение высоты прописных букв к высоте строчных равно $\frac{8}{5}$, а у курсивных и рукописных — $\frac{8}{3}$, у всех шрифтов ширина прописных букв относится к ширине строчных как $\frac{5}{3}$ или $\frac{8}{5}$, а длина основных (вертикальных) и соединительных (горизонтальных) штрихов соотносится как $\frac{8}{3}$; у светлых нормальных шрифтов толщина основного штриха относится к ширине внутрибуквенного просвета как $\frac{3}{8}$, у узких — $\frac{3}{5}$, у широких — $\frac{3}{13}$; у полужирных, соответственно, — $\frac{5}{5}$, $\frac{5}{3}$, $\frac{5}{8}$, для жирных — $\frac{8}{5}$, $\frac{8}{3}$, $\frac{8}{8}$ [Кисин, 1946].

Такой компонент удобочитаемости, как пропорциональность, не является самодостаточным. Как отмечает американский эстетик и психолог Р. Арнхейм, «геометрический формализм ряда Фибоначчи и “золотого сечения” не доказывает, что соответствующие отношения приятны для глаза, и не объясняет, почему так должно быть. Требуется изрядная доза биопсихологических спекуляций для того, чтобы выстроить правдоподобную связь между стимулом (причиной) и следствием. Геометрические закономерности в осно-

ве построения могут выразиться в эффекте привлекательности, но они же казались бы неприятными, если бы соответствующие им формы выпадали из роли в общем назначении сооружения» [Арнхейм, 1984, с. 179]. Однако применительно к ГШ пропорциональность является тем компонентом, который в наибольшей степени способствует выполнению буквой ее «назначения», т.е. делает ее узнаваемой для реципиента.

Поэтому есть смысл утверждать, что основным фактором, обеспечивающим удобочитаемость той или иной ГШ, является *степень узнаваемости печатных символов ГШ, или «ясность шрифта», «дифференцированность»* [Смирнов, 1990, с. 50]. Степень узнаваемости обуславливает степень удобочитаемости и зависит от перечисленных выше признаков ГШ: характера контура букв, контраста, особенностей засечек, характера внутрибуквенного просвета, размера шрифта и пропорциональности. С точки зрения системы языка это означает, что символ, обладающий достаточной степенью узнаваемости, в сознании реципиента способен быть *соотнесенным с графемой*, т.е. он является речевым носителем смысловозначительной способности. Узнаваемость позволяет ГШ выполнять ее прагматическую функцию.

Наряду с удобочитаемостью воздействие ГШ на реципиента осуществляется еще одним фактором, зависящим от ее визуальных характеристик — *эстетичностью*. Этот фактор, соответственно, позволяет ГШ выполнять ее эстетическую функцию, т.е. вызывать у реципиента эмоции разной модальности в зависимости от соответствия рисунка данной гарнитуры субъективному представлению читателя о прекрасном или безобразном.

В 1979 г. А. Капр отметил: «Эстетика искусства шрифта... стремится сделать чтение более приятным и вместе с тем более быстрым. Однако до настоящего времени в исследованиях удобочитаемости эстетический фактор или вообще не учитывался, или его роль недооценивалась» [Капр, 1979, с. 50]. Эти слова остаются актуальными и в настоящее время, поскольку эсте-

тичности шрифта не было уделено должного внимания в рамках отечественной и зарубежной технической литературы. Тем не менее эстетика ГШ способна стать мощным средством регуляции восприятия текста, поскольку апеллирует к сфере эмоций. По словам А. Капра, «шрифт — чувствительное и красноречивое средство выражения. В нем могут найти свое отражение духовные устремления, главные черты характера целой эпохи и отдельного человека. Шрифт нельзя считать всего лишь средством для передачи текста, нужно взглянуть в его формы, чтобы познать дух, стремления и чувства, которые он выражает» [Капр, 1979, с. 23]. Художник видит эстетическую природу шрифта в ее аналогии с красотой музыкального произведения: «Текстура печатной страницы подобна ковру — тканому, вязаному, плетеному или воздушному и нежному, как занавес. Некоторые буквы напоминают человеческие жесты. Строка или ряд букв могут прочно стоять на месте, шагать — отсюда происходит курсив, неуклюже и агрессивно наступать с помощью разобщения букв, далеко отстоящих одна от другой, рельефно выступать на белом фоне бумаги. Строка — подобно музыке — может танцевать, прыгать, скакать галопом, а может ползти, тянуться, делать паузы; искусству шрифта знакомы такие понятия, как престо, анданте, фортиссимо, пиано» [там же]. Эстетическую функцию, согласно этому определению, выполняют такие характеристики шрифта, как начертание, насыщенность, а кроме того — такая особенность текста, как разрядка. Эстетические особенности самой ГШ, по мнению А. Капра, обусловлены следующим: «Основу искусства шрифта составляют элементы орнамента и жеста. Уже ширина штриха делает шрифт тяжелым и солидным или легким и воздушным. Выделяя горизонтальные или вертикальные элементы, можно добиться впечатления преувеличенности, прямооты, отвесности или приниженности, придавленности, беглости. Меняя соотношения между средней высотой и верхними и нижними выносными элементами, шрифт можно сделать деловым, крепким, приземистым, гармоничным или свободным, беспокойным, полным фантазии» [там же].

Указанные компоненты в рамках каждой ГШ формируют целостное представление о графическом облике конкретного символа и оказывают эстетическое воздействие на реципиента именно в комплексе. О тех или иных изолированных, отдельных компонентах рисунка ГШ как факторе, формирующем эстетическую оценку, говорить не приходится, поскольку эстетичность является фактором, апеллирующим к наглядно-чувственному мышлению, для которого не характерен аналитизм. Удобочитаемость, напротив, предполагает аналитические операции, так как связана с абстрактным мышлением: реципиент распознает символ как букву, исходя из характера ее отдельных структурных компонентов, соотносит ее с графемой и только затем постигает смысл напечатанного.

Поскольку осознаваемые реципиентом эстетические качества ГШ апеллируют к чувственной сфере, они обуславливают возникновение ряда эмоций. В силу этого возможно выделение такого регулирующего фактора, как эмоция, возникающего в результате контакта реципиента с предметом, имеющим для него эстетическую ценность, или эстетизированная эмоция [Пищальникова, Сорокин, 1993]. Осознание реципиентом этого фактора обусловлено формальной стороной, т.е. графическими, внешними характеристиками ГШ. Однако дизайнер Р. Паркер отмечает: «Как бы привлекательно ни выглядели все эти украшения, помните, что без тесной связи с темой и содержанием публикации они ничего не стоят» [Паркер, 1998, с. 100]. Это закономерно, поскольку другой стороной регулятивной способности ГШ является отмеченная выше ее способность передавать содержание текста ассоциативным способом: рисунок гарнитуры может ассоциироваться с теми реалиями действительности, о которых идет речь в тексте.

Для технической эстетики традиционно актуальной является взаимосвязь формы и содержания. Применительно к созданным человеком предметам, его окружающим, речь идет о взаимосвязи

формы и функции (которая составляет их содержание): «Многое зависит от содержания функции. Если таковое существует определенный исторический срок, за который предмет успел приобрести более или менее устоявшиеся формы, то можно говорить об информационном отражении функции в форме. Если же содержание работы, выполняемой предметом, является новым, то форма изделия поначалу ничего нам не говорит о ней. Остается лишь некоторая ассоциативная связь с вещами, играющими аналогичную роль. Особенно ясно эта связь проявляется в предметах, имеющих непосредственный контакт с человеком — рукоятки, информационные табло и т. п.» [Азрикан, 1966, с. 11]; «Ассоциативная переработка качеств архитектурной среды приводит к образу, внутреннее отношение к которому благоприятно, — возникает положительное чувство» [Композиция в современной архитектуре, 1973, с. 72]; «Произведение архитектуры воплощает некий образ; образность, несущая социально значимое содержание, — необходимая часть его функций» [Иконников, 1986, с. 103].

Гарнитуру также рассматривали в плане соотношения ее формы и функций (прагматической и эстетической), т.е. исследовали *характер участия графического облика в передаче содержания*. Это позволило выявить наличие «ассоциативно-смысловых элементов», под которыми понимались «такие качества шрифта, при помощи которых художник может вызвать у зрителя представление о характерных особенностях, присущих данному произведению» [Адамов, Бельчиков, Быкова и др., 1971, с. 157]. Эта тенденция актуальна и в последние десятилетия: в технической литературе, посвященной шрифту, констатируют «органическую связь рисунка букв с содержанием текста», которая обеспечивает «наиболее полную и точную передачу смысла написанного» [Смирнов, 1990, с. 6], при этом отмечая, что «в зависимости от того, какой текст иллюстрирует шрифт, он может быть спокойным или напряженным, динамичным или статичным, монументальным или деко-

ративным, строгим или веселым, может иметь исторические и национальные черты» [Смирнов, 1990, с. 65].

Как полагает А. Капр, «никакая буква не может выглядеть нейтрально. Любая буква вызывает ассоциации» [Капр, 1979, с. 56]. Ассоциативная связь формы и содержания в ГШ может проявляться разными способами.

Во-первых, это заявленное В. А. Фаворским [1961] и Ю. Я. Герчуком [1977] *изобразительное начало* — примерами могут служить «буквы-птицы и буквы-звери, знаки, выплетенные из лент или прорастающие травами» [Герчук, Об искусстве шрифта, 1977, с. 9]. А. Капр, говоря о буквах латинского алфавита, отмечает, что они вызывают ассоциации с фигурой человека, и приводит в качестве примера стихотворение Пабло Неруды «Ода типографии», где автор «сравнивает букву Y с кубком, E — с лестницей, S — с движением талии прекрасной девушки, Z напоминает ему зигзаг молнии, T — башню, I похоже на одиноко стоящего человека, X — на человека с широко расставленными ногами и поднятыми вверх руками, R в некоторых шрифтах напоминает стоящего человека с ногой, отставленной в сторону» [Капр, 1979, с. 57; см. также: Буквицы древнерусского письма, 1984]. Изобразительное начало — это простейший, наиболее наглядный вариант ассоциативной способности ГШ. В эту же группу может быть включена и имитация способа письма (материала, инструмента и проч.)

Во-вторых, это выделяемая Ю. Я. Герчуком *стилизация* — отражение в ГШ «стилевой характеристики, национального и исторического колорита» [Герчук, Об искусстве шрифта, 1977, с. 9]. Характерен случай, описанный А. Капром: «Приблизительно 10 лет назад проводился опрос, показавший, что подавляющее большинство молодых читателей считают фрактуру (готический шрифт — *С. Н.*) старомодной и трудной для чтения. Однако некоторые пожилые люди заявили о том, что этот шрифт для них родной, что они легко его читают. Один старый коммунист, бывший узник фашистских концентрационных лагерей, сказал, что он воспринимает фрактуру как шрифт нацистский,

так как ему в течение многих лет приходилось читать на воротах концлагеря готическую надпись “Каждому свое”» [Капр, 1979, с. 56]. Г. М. Барышников приводит следующий пример: «Одно из изданий “Путешествия на Кон-Тики” Тура Хейердала набрано неизвестно почему банниковской гарнитурой... Гарнитура содержит народные мотивы, создана автором на основе первых шрифтов русского гражданского алфавита и предназначена для того, чтобы ею набирали художественные произведения, в первую очередь русскую классику» [цит. по: Харитонова, 1981, с. 122]. По словам С. И. Смирнова, «рубленый шрифт соответствует современности так же, как классицистическая антиква соответствовала XIX веку, ренессансная антиква — эпохе Возрождения. Недаром рубленый шрифт называют шрифтом века» [Смирнов, 1990, с. 65]. К ряду стилизаций относится и выделяемая Б. В. Валуенко «документальная интерпретация», которая «изображает как бы подлинную форму документа, текст которого приводится в книге» [Валуенко, 1976, с. 33], т.е. ГШ копии специально подобрана, стилизована под гарнитуру оригинала. Стилизацию как способ ассоциативной связи структурно-эстетических особенностей ГШ и содержания текста в каждом конкретном случае нельзя расценивать как основанную на индивидуальных ассоциациях. Речь идет об устойчивом, регулярно воспроизводимом соотношении той или иной гарнитуры с определенными реалиями действительности; такое соотношение базируется на жизненном опыте реципиентов. Стил, находящий отражение в ГШ, становится организующим, ядерным компонентом, обеспечивающим стабильность ассоциаций. Максимальным результатом проявления подобного рода ассоциативных свойств ГШ может стать конвенциональное закрепление за ГШ конкретной стилистической маркировки.

В-третьих, в одну ассоциативную группу — *звукоподражательную* — можно объединить выделяемые Б. В. Валуенко звуковую, тембровую и интонационную интерпретации: шрифт может ассоциативно передавать «силу звучания отдельных слов, фраз, обрывков текста», «вызывать ассоциации с соответ-

ствующими характеристиками голоса» [Валуенко, 1976, с. 33]. Основанием звукоподражательной ассоциативности служит механизм синестезии, т. е. способность к нерасчленению ощущений, характерных для разных органов чувств, но возникающих на базе одной перцептивной системы.

В-четвертых, целесообразно, на наш взгляд, выделить еще одного гарнитурно-шрифтового способа передачи ассоциаций — *антропоморфной метафоризации*. Особенность этого способа состоит в том, что ГШ обнаруживает сходство с чертами человеческого характера либо с различными типами облика человека. Так, А. Капр считает, что «буква может быть... стройной и одухотворенной, осанистой, симпатичной, деловой, благородной, отвратительной» [Капр, 1979, с. 56]; «Гротеск кажется конструктивным, холодным, деловым, разумным... Классические антиквы считаются суровыми, острыми и резкими... Гарамон подкупает элегантностью и легкостью, переходящими в курсиве в веселую грацию» [там же]. Ч. Сэндидж, В. Фрайбургер и К. Ротцолл отмечают: «Шрифт может восприниматься как прочный, устойчивый и деловой; теплый и неофициальный или холодный и официальный; элегантный и аристократический или грубый и неотесанный; нервный, волнующий или просто нейтральный» [Ч. Сэндидж, В. Фрайбургер и К. Ротцолл, 1989, с. 299]. Р. Паркер полагает, что «шрифты с закругленными засечками выглядят более неформально... Шрифты с засечками прямоугольной формы имеют официальный или архитектурный облик» [Паркер, 1998, с. 76–77]. Антропоморфная метафоризация восходит к изобразительному началу, заимствуя компонент наглядности, который позволяет интерпретировать эти на первый взгляд индивидуальные ассоциации как имеющие тенденцию к конвенциональности. Существенным отличием антропоморфной метафоризации от изобразительной ассоциативности является анимизация, одушевление предметов неживой природы (в данном случае — ГШ). Эта способность человеческого сознания имеет архетипическую природу, что обуславливает некую универсальность антропоморфной метафоризации. Тем не менее ассоциации,

возникшие на подобной архетипической основе, способны варьироваться в зависимости от особенностей личности реципиента.

В технической литературе наряду с понятием «передача ассоциаций» в том же значении используют понятие «образность шрифта» — это категория, которая «обеспечивает органическую связь рисунка букв с содержанием текста, а значит, наиболее полную и точную передачу смысла написанного» [Смирнов, 1990, с. 6]. Мы считаем более точным термин «ассоциативность», поскольку, в отличие от понятия «образность», он отражает *природу* взаимосвязи формы и содержания, а не только ее *результат* — образ. Благодаря ассоциативности ГШ можно говорить и о специфических целях и областях ее использования. Например, «рубленный шрифт простотой графических форм, удобочитаемостью наиболее полно отвечает цели политического плаката» [Смирнов, 1990, с. 65]; «сочетание гарнитуры Палатино в основном тексте с Гельветикой в заголовках, очень подходящее для технического руководства, будет смотреться бледно на рекламном плакате или Web-странице, зазывающих посетителей в парк на джазовый концерт» [Паркер, 1998, с. 24].

Обобщая результаты исследования технической литературы, рассматривающей ГШ, можно отметить наличие нескольких факторов, оказывающих регулирующее воздействие ГШ на реципиента.

Во-первых, в качестве регулирующего фактора выступает *степень узнаваемости буквы*. Этот фактор показывает, насколько данный символ в совокупности своих структурных особенностей (характер контура, контрастность, характер засечек, размер, пропорциональность) позволяет квалифицировать себя как знак алфавита. С точки зрения системы языка последнее означает, что узнаваемость является основным фактором, позволяющим графеме выполнять ее языковую функцию: знак, который может быть соотнесен с графемой, является речевым носителем смысловозначительной способности. От степени узнаваемости, в свою очередь, зависит удобочитаемость текста.

Во-вторых, регулирует восприятие печатного текста возникающая у реципиента эстетизированная эмоция. Она обусловлена особенностями рисунка гарнитуры, т. е. является результатом соотнесения характера рисунка с субъективным представлением реципиента о прекрасном или безобразном.

В-третьих, регулирующим фактором является ассоциативность, т.е. связь графических особенностей ГШ с содержанием набранного ею текста и рядом внешних по отношению к ГШ реалий жизненного опыта реципиента, актуализирующаяся при восприятии графической оболочки текста. Ассоциативность проявляется в формах изобразительности, стилизации, звукоподражания и антропоморфной метафоризации. В аспекте языковой функции графемы фактор ассоциативности является факультативным: его отсутствие не препятствует смыслоразличению, а наличие служит дополнительным стимулом к качественному пониманию смысла текста.

Два первых указанных фактора — степень узнаваемости и эстетизированная эмоция — обусловлены формальными характеристиками ГШ, т.е. особенностями ее рисунка; последний фактор — ассоциативность — связан, во-первых, с содержанием печатного текста, а во-вторых, с рядом реалий, отраженных в жизненном опыте реципиента, возникающих на базе восприятия ГШ. У ГШ, таким образом, существует собственный ассоциативный потенциал, однако регулирующее воздействие *текста в целом* зависит, с точки зрения ассоциативности ГШ, не столько от ее характерных ассоциативных возможностей, сколько от их соответствия содержанию текста. Поэтому в аспекте регулирующей функции ГШ следует говорить об ассоциативности как о *взаимной адекватности формы и содержания* текста, где *содержание* будет играть определяющую роль в создании образов. Собственный же ассоциативный потенциал ГШ может быть охарактеризован в рамках ее эстетических возможностей.

Сказанное можно отразить схематично (см. рис. 3).

Рис. 3. Факторы регулирующего воздействия гарнитуры шрифта с позиций технической эстетики

Выявление факторов регуляции актуально не только в аспекте технической эстетики, но и в психолингвистическом исследовании, поскольку позволяет говорить о наличии ряда лингвистических и экстралингвистических компонентов, активно участвующих в процессе речевой деятельности.

1.3 Психологический аспект проблемы

1.3.1 Регулирующая функция гарнитуры шрифта в аспекте теории деятельности

Рассматривая ГШ как фактор регуляции восприятия текста, мы исследуем ее в психолингвистическом аспекте, с точки зрения процесса восприятия речевого высказывания. Исходными для нас являются постулаты отечественной теории речевой деятельности, которая отражает и синтезирует достижения отечественной физиологии, нейрофизиологии, психофизиологии, психологии и нейролингвистики, представленные в трудах А. А. Ухтомского [1966], П. К. Анохина [1979; 1980], Н. А. Бернштейна [1966], Н. П. Бехтеревой [1974], Л. С. Выготского [1956; 1960; 1986], А. Н. Леонтьева [1972; 1977], А. А. Леонтьева [1965; 1969; 1974; 1989; 1999], Н. И. Жинкина [1958; 1982], А. Р. Лурии [1962; 1970; 1975; 1979], П. Я. Гальперина [1976] и др. Основные постулаты теории речевой деятельности как теории, рассматривающей «совокупность речевых событий или речевых ситуаций» [Леонтьев, 1999, с. 16], в том числе и важный для нас процесс восприятия речевого высказывания, обобщены и сформулированы А. А. Леонтьевым [Леонтьев, 1999].

Во-первых, *единицей анализа* признается «не статический коррелят той или иной языковой единицы в психике носителя языка, ...а элементарное речевое действие и речевая операция» [Леонтьев, 1999, с. 65]. Во-вторых, эта единица «должна нести в себе все основные признаки деятельности» [там же], в числе которых называются предметность, целенаправленность, мотивированность, а также иерархическая и фазная организация. В-третьих, речевая деятельность должна быть организована по эвристическому принципу, т.е. «предусматривать звено, в котором осуществлялся бы выбор стратегии речевого поведения», «допускать различные пути оперирования с высказыванием на отдельных этапах порождения (восприятия) речи» и «не противоречить экспериментальным результатам, полученным ранее на материале различных психолингвистических моделей, построенных на иной теоретической основе» [Леонтьев, 1999, с. 67]. В-четвертых, «психолингвистическая теория призвана быть синтезом подхода деятельностного (процессуального) и подхода в плане образа (отображения)» [Леонтьев, 1999, с. 70]. Кроме того, отмечается, что одним из важных составляющих речевой деятельности является вероятностное прогнозирование, а также то, что «*в основе восприятия речи лежат процессы, по крайней мере частично воспроизводящие процессы ее порождения*» [Леонтьев, 1999, с. 70] (Курсив наш — С. Н.)

Выстраиваемая при этом цепь иерархического процесса речевой деятельности состоит из следующих звеньев:

- 1) этап мотивации, который, по мысли А. А. Леонтьева, лежит за пределами данной модели как таковой;
- 2) замысел;
- 3) осуществление замысла;
- 4) сопоставление реализации замысла с замыслом [Леонтьев, 1969].

Принципиально важным для нашего исследования является последний указанный этап, характеризующий *речевую деятельность как саморегулирующийся процесс*, поскольку он, во-первых, *предполагает способность ре-*

чевого высказывания осуществлять регуляцию процесса восприятия речевого произведения, а во-вторых, позволяет говорить о существовании факторов регуляции и необходимости их выявления с позиции психологической теории деятельности.

По словам А. А. Леонтьева, «типичное высказывание — это высказывание, так или иначе регулирующее поведение другого человека. Но это означает, что деятельность можно считать законченной лишь в том случае, когда такое регулирование окажется успешным» [Леонтьев, 1969, с. 35]. Эта мысль имеет под собой ряд физиологических и психофизиологических, нейролингвистических и психологических оснований.

Одним из таких оснований является учение о доминанте, разработанное в начале XX века в А. А. Ухтомским. Доминанта определяется как «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центры возбуждения служат усилению (подтверждению) возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [Ухтомский, 1966, с. 7]. При этом последовательность процессов в нервной системе, начиная от возникновения потребности и до осуществления действия, направленного на ее удовлетворение, можно разделить на три стадии:

1. Формирование достаточно устойчивой доминанты, обладающей высокой реактивностью к разнообразным воздействиям и способной усиливаться при возбуждении любых рецепторных приборов.

2. Стадия «выработки адекватного раздражителя для данной доминанты и вместе стадия предметного выделения данного комплекса раздражителей из среды» [Ухтомский, 1966, с. 11].

3. Установление прочной и адекватной связи между доминантой (внутренним состоянием) и выделенным комплексом раздражителей, причем «каждый из контрагентов (внутреннее состояние и внешний образ) будет вызывать и подкреплять исключительно друг друга» [Ухтомский, 1966, с. 12].

Процесс регуляции высшей нервной деятельности с помощью доминанты обусловлен значительной устойчивостью последней, поскольку доминанта характеризуется «инертностью, т.е. склонностью поддерживаться и повторяться по возможности во всей своей цельности при всем том, что внешняя среда изменилась, и прежние поводы к реакции ушли. Доминанта оставляет за собою в центральной нервной системе прочный, иногда неизгладимый след» [Ухтомский, 1966, с. 13].

В конце 60-х гг. в трудах Н. А. Бернштейна [Бернштейн, 1966] говорится о процессе *саморегуляции* как об одной из *стадий процесса деятельности* вообще. Саморегуляция осуществляется как следствие вероятностного прогнозирования по воспринимаемой ситуации и прогнозирование действия. Контроль над достижением прогнозируемого результата осуществляется, согласно концепции Н. А. Бернштейна, с помощью объединения следующих элементов:

- а) эффектора (мотора), регулируемого по данному параметру;
- б) элемента, задающего и вносящего в систему требуемое значение данного параметра;
- в) рецептора, воспринимающего фактические текущие значения параметра и сигнализирующего о них в прибор сличения;
- г) прибора сличения, воспринимающего расхождение фактического и требуемого значений;
- д) устройства, перешифровывающего данные прибора сличения в импульсы и подающего их в регулятор;
- е) регулятора, управляющего по данному параметру функционированием эффектора [Бернштейн, 1966].

В 70-е годы физиологом П. К. Анохиным [Анохин, 1979; 1980] была разработана *теория функциональной системы*, согласно которой деятельность человека предстает как сложный саморегулирующийся процесс, проходящий в такой последовательности:

а) афферентный синтез, возбуждаемый действием на организм как внешних, так и внутренних мотивов и потребностей;

б) принятие решения, т. е. выбор адекватной стратегии и тактики поведения;

в) формирование акцептора результата действия, т.е. постановка цели к действию, опирающаяся на генетический и индивидуальный опыт человека;

г) эфферентный синтез;

д) целенаправленное действие;

е) обратная афферентация, вызываемая раздражителем, удовлетворяющим ведущую потребность.

Саморегуляция деятельности осуществляется за счет последней стадии — обратной аффертации, поскольку она «информирует о результатах совершенного действия, давая возможность организму оценить степень успеха выполняемого им действия» [Анохин, 1980; с. 174]. Если характер обратной аффертации соответствует качествам нового раздражителя, заранее запрограммированным в акцепторе результата действия, то с удовлетворением ведущей потребности поведенческий акт заканчивается. Саморегуляция деятельности функциональной системы осуществляется, таким образом, в состоянии повышенной возбудимости и готовности организма к действию, что соотносится с концепцией доминирования «центров» А. А. Ухтомского. П. К. Анохин установил также, что механизмы коррекции функциональной системы могут быть наделены эмоциональным компонентом удовлетворенности / неудовлетворенности, который является дополнительным стимулом к поиску новых программ достижения поставленной цели.

Продолжительное состояние доминирования, т.е. повышенной возбудимости, может привести к ряду последствий. Так, Н. П. Бехтерева [Бехтерева, 1974] утверждает, что «функциональные перестройки... могут... повлечь за собой не только диффузные, но и локальные функциональные изменения в коре больших полушарий, связанные с применяемым раздражителем и мест-

ным состоянием мозга» [Бехтерева, 1974, с. 39], что позволяет говорить об эффективности корректирующего влияния раздражителя.

В настоящее время установлены нейрофизиологические механизмы *корректирующих функциональных перестроек*: они представляют собой изменение функций отдельных нейронов. Английский нейрофизиолог Г. Хорн определяет это изменение как «усиление синаптической связи между нейронами», при этом «в отделах мозга, где происходит хранение следов, должен быть повышен синтез белка» [Хорн, 1988, с. 62].

В отечественной нейрофизиологии установлена природа «переобучения» нейронов: как отмечают Г. А. Вартамян и А. А. Пирогов, «долгосрочный след может представлять собой... хранящийся в свойствах мембраны нейрона интервал ее облегченного реагирования на приходящую импульсацию от афферентных по отношению к нейрону источников... Входные паттерны импульсации могут являться активным фактором перестройки нервной сети, ...они могут переобучать или доучивать отдельные нейроны, а следовательно, и всю активную нервную сеть» [Вартамян, Пирогов, 1991, с. 102]. Причиной формирования новых функциональных межнейронных связей является «перестройка интервалоселективных свойств нейронов на основе изменения их активационных циклов» [Вартамян, Пирогов, 1991, с. 103]. С точки зрения корректирующего влияния раздражителя можно, таким образом, говорить о его устойчивости.

Перечисленные физиологические и психофизиологические факты применительно к поставленной нами проблеме регулирующего влияния ГШ на восприятие текста позволяют говорить о процессе перцепции печатного знака как о сложной, иерархически структурированной функциональной системе, обладающей механизмом саморегуляции. Процессы саморегуляции способны обусловить ряд функциональных перестроек на уровне деятельности нейронов и в итоге привести к возникновению в центральной нервной системе устойчивого очага возбудимости — доминанты. Доминирующий статус

нервных центров обусловлен регулярным получением определенных стимулов, но при отсутствии подкрепления доминанта может частично утратить характерные свойства. Факторами, порождающими процесс саморегуляции и обуславливающими доминирование, являются компоненты воспринимаемого печатного текста, в том числе ГШ. По отношению к центральной нервной системе структурные особенности ГШ служат внешними стимулами, но для того, чтобы осуществилось их регулирующее влияние на процесс перцепции, они должны актуализироваться как часть мотивов, т. е. стать субъективно ценными компонентами мотивации.

Помимо представленных физиологических и психофизиологических аспектов процесса регуляции и коррекции деятельности человека, необходимо отметить и психологические предпосылки изучения регулирующего влияния текста на реципиента. В качестве таких предпосылок выступают выделенные в рамках психологической теории деятельности компоненты, способные оказывать регулирующее воздействие на поведение в целом и на речевое поведение в частности.

Важной характеристикой деятельности является ее целенаправленность, реализующаяся в иерархии мотивов. Это позволяет выделить такой компонент регулирующего воздействия, как *установка* [Узнадзе, 1966; 1997; 2001], или *целевая установка* [Асмолов, 1979; 1996], т. е. «готовность субъекта совершать прежде всего то, что сообразно стоящей перед ним цели, которая возникает после принятия определенной задачи» [Асмолов, 1996, с. 315]. Природа целевой установки восходит к физиологическим компонентам деятельности — к доминанте (А. А. Ухтомский) и акцептору результата действия (П. К. Анохин). Регулирующая роль целевой установки состоит в том, что она «выполняет функцию стабилизатора действия» [Асмолов, 1996, с. 320]; это обусловлено «предвосхищаемым осознаваемым образом результата действия» [там же]. Будучи сформированной до контакта реципиента с печатным текстом, целевая установка, с одной стороны, реализуется в иерархи-

ческой системе мотивов. По отношению к ГШ мотивы можно дифференцировать на 1) связанные с ГШ (реципиент стремится оценить именно этот компонент текста) и 2) не связанные (иные цели восприятия). С другой стороны, целевая установка программирует определенные ожидания реципиента от процесса перцепции (акцептор результата). При этом результаты восприятия могут обусловить формирование новой целевой установки или подкрепление прежней, т. е. ведут к образованию доминанты.

Другим фактором регуляции деятельности вообще и перцептивной деятельности в частности выступает *психический образ*. К такому выводу пришел А. Н. Леонтьев, определивший психический образ как «продукт жизненных, практических связей и отношений субъекта с предметным миром» [А. Н. Леонтьев, 1977, с. 56]. Ученый отмечает: «“Афферентатором”, управляющим процессами деятельности, первично является сам предмет и лишь вторично — его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание» [Леонтьев, 1977, с. 86]. Психический образ, регулирующий деятельность, в силу своей субъективной природы взаимосвязан с «пристрастностью человеческого сознания», формируемой «личностными смыслами», которые представляют собой значение «для субъекта» [Леонтьев, 1972, с. 137].

Представления А. Н. Леонтьева о психическом образе как о регулирующем факторе развивается в рамках отечественной психологии в трудах П. Я. Гальперина, который говорит о «чувственных образах и понятиях» [Гальперин, 1976, с. 58], возникающих в результате отражения внешней среды в сознании индивида, как о факторе, служащем «основой для ориентировки в окружающем мире» [Гальперин, 1976, с. 60]. Ориентировочная функция психического образа реализуется в ходе последовательного решения субъектом ряда задач: «исследование ситуации, выделение объекта актуальной потребности, выяснение пути к цели, контроль и коррекция, т. е. регуляция действия в процессе исполнения» [Гальперин, 1976, с. 65], иными словами, в

процессе формирования образа реализуется общий принцип функциональной системы. Принципиальным дополнением исследователя к существующему представлению о психическом образе как о регулирующем факторе является «регуляция действия на основе сознания общественного значения ситуации и общественных средств, образцов и способов действия» [Гальперин, 1976, с. 147], иными словами, акцентируется социальный компонент регуляции.

А. В. Запорожец [1967; 1986], понимая образы как «субъективные феномены, возникающие в результате предметно-практической, сенсорно-перцептивной и мыслительной деятельности» [Запорожец, 1986, с. 152] и отмечая, что «важнейшей функцией образа является регуляция деятельности» [там же], утверждает, что «это отражение должно быть объективно верным» [там же]. Таким образом, этот компонент регуляции деятельности предстает, с одной стороны, ориентированным во внешнюю, объективную действительность, адекватно (максимально объективно) отражающим предметное содержание и в определенной степени зависящим от социальных факторов, а с другой стороны — глубоко субъективным, пристрастным, отражающим личностный смысл деятельности субъекта. Кроме того, как отмечает А. В. Запорожец, на последних стадиях формирования образа «процесс переносится извне вовнутрь» [Запорожец, 1986, с. 107], т.е. перцептивные действия подвергаются «интериоризации» (термин Л. С. Выготского, 1956). А. В. Запорожец полагает, что «закономерности “интериоризации”, или “вращения”, которые Л. С. Выготский считал специфическими лишь для образования высших опосредованных, психических процессов, своеобразно проявляются и при формировании непосредственных перцептивных процессов» [Запорожец, 1986, с. 107–108].

Применительно к процессу восприятия текста это означает, что образы, порождаемые, в частности, художественными особенностями ГШ, интериоризируются. На теоретическом уровне это позволяет говорить о *глубинной*, а не поверхностной *природе регулирующего воздействия ГШ*. Так, на основе

перцепции текста в результате интериоризации в памяти реципиента на начальном этапе обучения чтению формируются устойчивые образы, аккумулирующие существенные признаки воспринимаемых букв — абстрактные единицы языка графемы. В аспекте когнитивной психологии графема представляет собой предельно абстрагированный паттерн — «сложное сочетание сенсорных стимулов, опознаваемое человеком как член некоторого класса объектов» [Солсо, 1996, с. 78].

В качестве еще одного фактора регуляции деятельности рассматриваются *ассоциации*. Как отмечает Г. А. Аминев, говоря о процессе восприятия речевого высказывания, «саморегулирующаяся система речевого порождения и речевого предсказания должна включать структуры регулирования ассоциативных уровней, выполняющих функцию сличения прогнозированных слов с действительно воспринятыми при речевосприятии и функцию речевого контроля при речепорождении» [Аминев, 1972, с. 136]. Ассоциация как средство сопоставления является активным фактором регуляции деятельности, что особенно значимо для креативных процессов: «Творческую, нестандартную деятельность мозга... можно представить как частичное включение структурами контроля и регулирования высших ассоциативных уровней» [там же]. Ассоциации, следовательно, формируются на базе способности человеческого сознания оперировать образами. В частности, при перцепции печатного текста ассоциации, возникающие на основе образов, порожденных ГШ, вовлекают в процесс перцептивной деятельности ряд новых образов, влияющих на характер понимания текста в целом.

Немаловажную роль в регуляции деятельности играет и такой фактор, как *эмоция*. Эмоциональный компонент органично вписан в физиологию деятельности: П. К. Анохин выделял «эмоциональный компонент удовлетворенности / неудовлетворенности» как часть процесса обратной афферентации, которая «информирует о результатах совершенного действия, давая возможность организму оценить степень успеха выполняемого им действия»

[Анохин, 1980, с. 174]. В психологии исследованию регулирующей функции эмоций отводится важная роль, поскольку, как отмечал Л. С. Выготский, «мышление и аффект представляют собой части единого целого — человеческого сознания» [Выготский, 1956, с. 415] и «всякой ступени в развитии мышления соответствует своя ступень в развитии аффекта» [там же], т. е. эмоциональный компонент регулирует деятельность человека, в том числе речевую, в течение всей его жизни.

В настоящее время эмоции понимаются психологами как органично вписанный в систему деятельности компонент. Л. М. Аболин экспериментально обосновывает такую включенность: «Единый в своей целенаправленности процесс саморегуляции имеет закономерную внутреннюю структуру. Эмоции в этой структуре (так же, как и интеллект или воля) не представляют отдельного блока. Они наполняют, пронизывают структуру в целом, специфицируясь в ее отдельных компонентах (элементах) и связях между ними» [Аболин, 1987, с. 240].

Последние десятилетия отмечены многообразием взглядов на функциональную специфику эмоциональной регуляции.

А. Н. Леонтьев, исследуя этот аспект регуляции, во-первых, определяет место эмоций в процессе деятельности: они «возникают вслед за актуализацией мотива (потребности) и до рациональной оценки субъектом своих действий» [Леонтьев, 1977, с. 198], а во-вторых, обозначает их функциональную специфику, которая состоит в том, что эмоции «отражают отношения между мотивами (потребностями) и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности субъекта», т. е. «выполняют функцию внутренних сигналов» [там же]. Как утверждает О. К. Тихомиров, «фиксация зоны поиска, уменьшение ее объема, фиксация направления исследования, изменение характера поисковых действий после эмоционального решения задачи говорит о том, что эмоции выполняют определенную регулирующую функцию» [Тихомиров, 1969, с. 211]. П. В. Симонов, с одной стороны, опре-

деляет эмоции как «вторичный продукт скрывающихся за ними потребностей, лишь индикаторы степени их удовлетворения» [Симонов, 1981, с. 194], а с другой — приписывает им компенсаторную функцию: «Роль эмоций заключается в экстренном замещении, компенсации недостающих в данный момент знаний» [Симонов, 1970, с. 83]. В. К. Вилюнас определяет эмоцию как «особое переживание субъектом отдельных элементов образа, придающее им целевую характеристику и побуждающее субъекта... к целенаправленной деятельности» [Вилюнас, 1976, с. 85], это означает, что «эмоциональное переживание выражает смысл отображаемого объективного содержания с точки зрения потребностей живого существа, открывая субъекту этот смысл непосредственно. Оценивая субъективную значимость объективных явлений, эмоционально-смысловые переживания служат вместе с тем побуждению субъекта к деятельности, направленной на оцениваемое содержание» [Вилюнас, 1976, с. 132]. Ю. Е. Виноградов определяет регулирующую роль эмоций как способность генерировать «эмоциональное решение», которое «значительно опережает интеллектуальное решение и представляет собой момент, когда у субъекта возникает чувство уверенности (ощущение), что им найден принцип решения задачи» [Виноградов, 1979, с. 50–51]. Н. В. Витт приходит к выводу о том, что «эмоциональная регуляция является конкретной формой психической регуляции. Эта форма не рядоположна другим (например, когнитивной), и ее функции характеризуются специфичностью по отношению к выполняемой деятельности: пристрастностью отражения человеком предметного мира, постоянством ее функционирования, а также зависимостью от системы индивидуально-устойчивых эмоциональных особенностей человека» [Витт, 1985, с. 124]. А. В. Запорожец отмечает, что «в отличие от интеллектуального управления, регулирующего поведение в соответствии с объективным значением условий решаемой задачи, управление эмоциональное обеспечивает коррекцию действий адекватно смыслу происходящего для субъекта, для удовлетворения имеющихся у него потребностей» [Запо-

рожец, 39, с. 359]. При этом эмоция представляет собой «особую форму отражения действительности», с помощью которой «осуществляется психическая регуляция общей направленности динамики поведения» [Запорожец, 1986, с. 266]. По словам А. Т. Злобина, «эмоции непосредственно связаны с потребностями человека, основываются на них и отражают степень их удовлетворения» [Злобин, 1991, с. 96].

Отмечают также, что степень активности эмоциональной регуляции деятельности зависит от субъективной сложности и ценности решаемых задач. О. К. Тихомиров говорит, что «механизм эмоциональной активации необходим для выполнения именно «творческой», а не любой вообще умственной работы» [Тихомиров, 1969, с. 218]. Этот постулат восходит к мысли Л. С. Выготского о том, что «реалистическое мышление часто вызывает более значительные, интенсивные эмоции, чем аутистическое мышление. Исследователь, который с воодушевлением и интересом ищет что-нибудь, связан в процессе своего мышления с эмоциональными переживаниями не меньше, чем шизофреник, который погружен в аутистические мысли. Отличием аутистического мышления от реалистического является то, что хотя там и здесь мы имеем известный синтез интеллектуального и эмоционального процессов, но в случае реалистического мышления эмоциональный процесс играет скорее ведомую роль, чем ведущую, скорее подчиненную роль, чем главенствующую роль, а в аутистическом мышлении он выступает в ведущей роли» [Выготский, 1960, с. 326–327].

Таким образом, эмоциональная регуляция реализуется как отражение свойств объективной действительности и потребностей субъекта, поиск решения, компенсация недостатка информации и побуждение к деятельности, при этом наибольшей степени активности эмоции достигают при решении задач, имеющих для субъекта «личностный смысл». В общих чертах, как отмечают Г. А. Вартамян и Е. С. Петров, эмоция — это «механизм индивиду-

альной адаптации, оценивающий адекватность взаимодействия организма со средой обитания» [Вартанян, Петров, 1989, с. 16].

В аспекте исследования влияния ГШ на восприятие текста эмоциональный компонент регуляции перцептивной деятельности представляется значимым. Во-первых, на стадии, предшествующей перцепции, реализуется сигнальный компонент регуляции: реципиент оценивает возможность успеха при реализации замысла (адекватного восприятия формы и содержания текста). Во-вторых, активизируется поисковый компонент эмоциональной регуляции: он ориентирует воспринимающего субъекта в направлении, вызывающем ощущение близости верного решения перцептивной задачи (поиск важных для реципиента компонентов печатного текста). В-третьих, эмоции, сопровождающие (или ведущие) процесс восприятия печатного текста и ГШ в частности, могут компенсировать недостаток информации и побудить к дальнейшей перцептивной деятельности даже при условии усложнения задачи восприятия (например, неразборчивость текста при личностно важном содержании или, напротив, привлекательное оформление при недоступно изложенном смысле).

Обобщая вышесказанное, схематично представим *гипотетический механизм реализации регулирующей функции ГШ* в ходе восприятия печатного текста с точки зрения психологической теории деятельности. Процесс контакта реципиента с ГШ, на наш взгляд, состоит из нескольких этапов (см. рис. 4).

Во-первых, это этап *мотивации*, на котором реципиент испытывает потребность в восприятии того или иного печатного текста, продиктованную определенными соображениями. Интерес реципиента может быть обусловлен стремлением получить из текста информацию и/или желанием оценить его визуальные характеристики (в том числе ГШ), т. е. мотивация зависит как от формы текста, так и от его содержания. На данном этапе регулирующим

фактором выступает целевая установка. По отношению к ГШ текста целевая установка способствует формированию двух видов мотивации:

1) связанную с ГШ (реципиент стремится оценить именно этот компонент текста);

2) не связанную с ГШ (цель восприятия — оценка прочих визуальных характеристик текста или получение текстовой информации).

Рис. 4. Схема процесса регуляции восприятия печатного текста гарнитурой шрифта

Далее следует этап *замысла*, предполагающий принятие решения, выбор стратегии и тактики восприятия, а также формирование акцептора результата действия, т. е. предварительного представления о характере и качестве результата.

Третий этап — *осуществление замысла*, которое происходит за счет целенаправленного действия.

Далее, на четвертом этапе, в результате обратной афферентации происходит *сопоставление реальных результатов действия с ожидаемыми*. В зависимости от соответствия/несоответствия желаемого и действительного результат перцептивной деятельности может быть положительным (не требующим повторного действия) и отрицательным (не удовлетворяющим желаниям реципиента и требующим нового действия с той же целью).

На втором, третьем и четвертом этапах в качестве регулирующих факторов выступают, во-первых, психический образ как своеобразный ориентир, во-вторых, ассоциация как способность к сопоставлению образов, в-третьих, — эмоция как индикатор эффективности взаимодействия реципиента с воспринимаемым текстом.

Как итог перцептивной деятельности в коре головного мозга возникает и закрепляется активный очаг — доминанта. В случае положительного ре-

зультата (соответствия прогнозируемого и полученного) *доминанта может обусловить функциональные перестройки в коре головного мозга и сформировать новую мотивацию и целевую установку, что составляет смысл регулирующего воздействия печатного текста на реципиента*. ГШ как компонент, воздействующий на читателя в процессе перцепции, способна оказать максимальное влияние в том случае, когда целевая установка, психический образ, ассоциация и эмоция обусловлены именно ее прагматическими или эстетическими свойствами.

Следует подчеркнуть, что непосредственно при контакте реципиента с текстом и, в частности, с ГШ, *регулирующее воздействие оказывают психический образ, ассоциация и эмоция*. Целевая установка реализует свою регулирующую функцию за пределами контакта: до и после восприятия — на стадиях первичной и повторной мотивации, а этап мотивации, как отмечал А. А. Леонтьев [1969], лежит за пределами модели речевой деятельности как таковой. Целевая установка не связана с визуальными особенностями воспринимаемой ГШ, она лишь способна *направить* внимание реципиента на этот компонент. Таким образом, в аспекте психологической теории деятельности, ГШ обуславливает характер и качество только трех компонентов регуляции — психического образа, ассоциации и эмоции.

1.3.2 Роль формального компонента печатного текста в процессе регуляции восприятия

Восприятие печатного текста с позиций психологической теории деятельности представляет собой сложный, иерархически организованный процесс, непосредственно регулирующийся такими компонентами перцепции, как п с и х и ч е с к и й о б р а з , а с с о ц и а ц и я и э м о ц и я . Текст как сложная функциональная языковая единица, включающая план выражения и план содержания, воздействует на ход восприятия как своей со-

держательной, информативной стороной, так и материальными, *формальными* характеристиками, в том числе и ГШ, использующейся при печати. Значение воздействия каждого из названных планов может быть охарактеризовано с точки зрения психофизиологии речевосприятия, в частности, в аспекте *механизма внутренней речи* как этапа, на котором реализуется регулирующая функция речевого высказывания.

Рассмотрение внутренней речи, во-первых, позволит выяснить психофизиологическую специфику механизмов регулирующего воздействия речевого произведения, их отличие от регулирующего воздействия неречевой деятельности; во-вторых, определит наличие регулятивной значимости формального и содержательного компонентов речевого произведения, а в-третьих, предоставит возможность дальнейшей конкретизации степени участия ГШ (как формальной стороны высказывания) в процессе регуляции восприятия.

Исследование внутренней речи как регулятора поведения человека начато в отечественной психологии Л. С. Выготским [1956; 1960; 1986] в рамках анализа значения слова как единицы речевого мышления и с точки зрения процесса формирования мысли в слове. Анализируя развитие регулирующей функции речевого высказывания в онтогенезе, ученый экспериментально установил, что на первоначальном этапе роль регулятора действий ребенка выполняет речь взрослого, а затем ребенок планирует свое поведение с помощью собственной эгоцентрической речи, которая «помимо чисто экспрессивной функции и функции разряда, помимо того, что она просто сопровождает детскую активность, очень легко становится средством мышления в собственном смысле, то есть начинает выполнять функцию образования плана разрешения задачи, возникающей в поведении» [Выготский, 1956, с. 80]. Эгоцентрическая речь — «переходная форма от речи внешней к речи внутренней» [Выготский, 1956, с. 87] — постепенно преобразуется в шепот-

ную речь, а по достижении ребенком школьного возраста интериоризируется, т. е. становится внутренней.

Представления Л. С. Выготского о внутренней речи как о факторе, регулирующем поведение человека, было развито в работах психологов Н. И. Жинкина [Жинкин, 1958; 1982], Н. А. Соколова [Соколов, 1968] и Т. Н. Ушаковой с коллегами [Ушакова, 1985; Ушакова, Павлова, Зачесова, 1985].

По мысли Н. И. Жинкина, регулирующая роль внутренней речи при декодировании речевого сообщения обусловлена тем, что внутренняя речь осуществляет «переход от внешне выраженных полных слов (т. е. “нормализованных” элементов) к общему смыслу сообщения» [Жинкин, 1982, с. 364], при этом «во внутренней речи... текст сжимается в концепт (представление), содержащий смысловой сгусток всего текстового отрезка» [Жинкин, 1982, с. 85].

А. Н. Соколов определяет внутреннюю речь как «основной механизм мышления, с помощью которого происходит целенаправленный отбор, обобщение и фиксирование сенсорной информации (данных ощущений и восприятий). Отсюда огромное значение внутренней речи не только в процессе словесно-понятийного, но и наглядного мышления, а также в формировании и функционировании всех произвольных действий человека» [Соколов, 1968, с. 232].

В работах Т. Н. Ушаковой и ее коллег внутриречевые механизмы описаны как факторы, ответственные за регуляцию и коррекцию деятельности реципиента. Исследователи, применяя психофизиологический подход, рассматривают внутреннюю речь как «сложнейшую систему функциональных нервных образований, организованных по иерархическому принципу» [Ушакова, Павлова, Зачесова, 1985, с. 50]. Внутренняя речь осуществляет материализацию языка посредством репродукции (воспроизведения) зафиксиро-

ванных ранее следов воспринятой извне речи и включает в свою иерархическую систему следующие компоненты:

а) базовые элементы — «функциональные образования, формирующие воздействие отдельного слова» [там же];

б) «вербальные сети» (семантические поля), объединяющие временными связями базовые элементы. При этом наиболее тесно связаны те из них, которые «соответствуют словам, близким по значению и звучанию» [Ушакова, Павлова, Зачесова, 1985, с. 18];

в) «паттерны динамических состояний, возникающие на статической материи вербальных сетей» [Ушакова, Павлова, Зачесова, 1985, с. 51]: благодаря этим структурам происходит фиксация грамматических и логических значений, а также быстрая смена активации различных базовых элементов.

Таким образом, *в рамках психологических исследований внутренняя речь предстает как стабильное, иерархически структурированное функциональное образование, организующее процесс мышления за счет способности к концентрации смысла речевого сообщения и в силу этого выполняющее регулирующую функцию.*

В 50–70-е гг. регулирующая функция внутренней речи становится предметом нейропсихологических и нейролингвистических исследований [Лурия, 1958; 1962; 1970; 1975; 1979; Парамонова, 1958; Полякова, Хомская, 1958; Тихомиров, 1958; Яковлева, 1958 и др.] Экспериментально изучаются и описываются генезис и распад регулирующей функции речевого высказывания; базовым для этих работ является положение о том, что «всякая, и в особенности высшая, функция представляет собой *функциональную систему*, опирающуюся на совместную работу целого комплекса мозговой коры... Каждая из этих зон вносит в построение функциональной системы *свой фактор*, а поражение каждого из этих участков, устраняя этот фактор, приводит к распаду всей функциональной системы» [Лурия, 1970, с. 41]. Установлено, что приблизительно к 3,5 годам жизни у человека созревают структуры лоб-

ных долей мозга, являющиеся мозговым аппаратом речевой регуляции движений. К этому времени у ребенка меняется система стоящих за словом психологических процессов: от аффекта и наглядного представления памяти со временем осуществляется переход к сложной системе вербальных отношений. Как установил О. К. Тихомиров, «Только к возрасту 4,5–5 лет регулирующее влияние... начинает оказывать не только импульсивная сторона собственной речи ребенка, но и система скрытых за словом избирательных смысловых связей» [Тихомиров, 1958, с. 129]. Опыты Н. П. Парамоновой, направленные на исследование регулирующей функции речи при формировании взаимодействия двух сигнальных систем, свидетельствуют о более позднем полноценном развитии регуляции: «При образовании условных двигательных реакций по методике предварительной речевой инструкции, при правильном сохранении и воспроизведении замкнутых с помощью инструкции словесных связей, в непосредственном действии у младших детей (трех лет) еще не образуется тормозная связь, у детей четырех-пяти лет такая связь образуется, но при этом наблюдается большое количество нарушений в воспроизведении всей системы из положительной и тормозной связи; формирование достаточно прочных положительных и тормозных связей на основе предварительной словесной инструкции отмечается только у детей шести лет» [Парамонова, 1958. с. 80]. Исследователи отмечают, что на указанном этапе «основное регулирующее влияние очень скоро начинает переходить к внутренней речи ребенка и регулирующее влияние его внешней, сопровождающей речи скоро становится излишним» [Тихомиров, 1958, с. 129].

Регулирующее воздействие воспринимаемого текста осуществляется на внутриречевой стадии, при этом решающее значение имеет смысловая сторона высказывания. Внешняя его оболочка, согласно полученным экспериментальным данным, не участвует в процессе регуляции: «Ребенок перестает попадать под влияние голосовой, “импульсивной” стороны речевой команды

и начинает регулировать свои действия в соответствии с ее смысловой стороной» [Лурия, 1979, с. 131].

Сказанное позволяет поставить проблему регулирующей способности формальной стороны речевого высказывания — его звуковой и графической оболочки. Это сомнение может быть устранено только в результате *признания за формальной стороной текста и, в частности, за ГШ, наличия определенного смысла.*

Значимость графической стороны воспринимаемого высказывания в процессе регуляции деятельности может быть доказана в первую очередь в психофизиологическом и психологическом аспектах — с точки зрения специфики *процесса восприятия.*

В настоящее время в рамках психологии и психофизиологии восприятие исследуется с позиций теории деятельности, т. е. как один из видов деятельности: «Восприятие представляет собой систему перцептивных действий, развивающихся вместе с деятельностью индивида и неразрывно с ней связанных» [Величковский, Зинченко, Лурия, 1973, с. 39]. Восприятие обладает всеми специфическими характеристиками деятельности: оно предметно, целенаправленно, мотивированно, имеет фазную, иерархически структурированную организацию, допускает вероятностное прогнозирование и эвристический компонент, носит активный саморегулирующийся характер; единицами восприятия являются перцептивные действия и операции, а результатом — психический образ. Указанные характеристики актуальны, в частности, для процесса восприятия печатного текста.

Предметность восприятия обусловлена его ориентацией на внешнюю (по отношению к субъекту) среду: «Задачи, разрешаемые перцептивными действиями, заключаются в адекватном отражении окружающей предметной действительности» [Величковский, Зинченко, Лурия, 1973, с. 39], т. е. суть восприятия заключается в «опредмечивании чувственной ткани значениями» [Столин, 1976, с. 132]. Целенаправленность восприятия связана с тем, что это

«активный рефлекторный процесс, определяющийся задачами и целями деятельности субъекта» [Величковский, Зинченко, Лурия, 1973, с. 9–10]. Исследователями акцентируются «возможности произвольного регулирования этого процесса» [Лернер, 1980, с. 121], когда «“система отсчета” способна задать субъективную позицию», превращаясь в «психологическое средство ориентировки» [Лернер, 1980, с. 122–123]. Это означает, что предметное и целенаправленное по своей природе восприятие печатного текста регулируется в первую очередь субстанциальными характеристиками речевого произведения, а уже на их базе — внутренними ориентирами.

Процесс формирования продукта восприятия — образа — характеризуется упорядоченностью и иерархичностью. Фазная организация физиологического механизма возникновения зрительного образа, описанная Г. С. Зенкиным и А. П. Петровым, включает пять этапов: «этап формирования сетчаточных изображений; локальный анализ возбуждения фоторецепторного слоя, или рецепторный анализ; непредметные механизмы инвариантности; инвариантный синтез образа объекта, или гештальт-синтез; и, наконец, анализ предметного окружения, или перцепторный анализ» [Зенкин, Петров, 1979, с. 26]. Современные представления физиологов об этом процессе аналогичны: «В результате фотохимического процесса возникают нервные импульсы, передаваемые по зрительному нерву в центральную нервную систему. Начало нервным импульсам дают специализированные нервные аппараты-детекторы, соответствующие определенным признакам сетчаточного изображения. Именно в этих аппаратах и происходит кодирование информации, поступающей извне. В ходе передачи по нервной системе эти импульсы многократно перекодируются. Наконец, они достигают некоторых высших отделов мозга, где происходит их декодирование и сравнение с информацией, хранящейся в памяти» [Ломов, 1999, с. 114–115].

Первым условием формирования зрительного образа являются движения глаз. С точки зрения физиологии выделяются шесть типов глазных движений:

- 1) саккадические;
- 2) дрейф;
- 3) тремор;
- 4) движения слежения;
- 5) статическая фиксация;

б) движения конвергенции и дивергенции [Волков, 1950; 1976; Ярбус, 1965; Линдсей, Норман, 1974; Притчард, 1974; Буякас, Линде, 1976; Вартамян, 1999 и др.]

В функциональном аспекте выделяют, во-первых, поисковые и установочные движения; во-вторых, — собственно гностические, в их числе — непосредственно участвующие в построении зрительного образа («движения уподобления») и движения, обеспечивающие оценку пространственных свойств объекта, или «метрические» [Владимиров, Хомская, 1981]. Ю. Б. Гиппенрейтер дифференцирует движения глаз в зависимости от задач восприятия, среди которых выделяет два типа — глазодвигательные и зрительные: «В глазодвигательных задачах зрение обслуживает движение глаз, в то время как в зрительных задачах... движения глаз подчинены интересам зрения» [Гиппенрейтер, 1976, с. 52]; «Движения глаз... в зависимости от ситуации могут выступать: как условия, вспомогательные средства или промежуточные этапы формирования зрительных эффектов на различных уровнях. В свою очередь, зрительные процессы выступают как необходимые условия и механизмы организации движений глаз — их программирования, афферентации, контроля» [Гиппенрейтер, 1978, с. 239]. Движения глаз, таким образом, в процессе зрительного восприятия формируют единицы деятельности, которые, как отмечает А. Н. Леонтьев, «в одних случаях... прямо подчиняются возникающим перед субъектом целям... и в этом качестве, то есть в ка-

честве *зрительных действий*, входят в ту или иную деятельность, в том числе практическую. В других случаях они являются способами осуществления зрительных и даже незрительных действий — более или менее автоматизированными *операциями*. Они-то, по-видимому, и способны фиксироваться, образуя «функциональные органы» зрения» [Леонтьев, 1976, с. 17]. Вопрос об участии разных физиологических типов глазных движений в формировании единиц деятельности экспериментально решается Т. М. Буякас и Н. Д. Линде: «Выявленная картина и динамика моментов скачков совпадают с вероятной организацией и динамикой структурных единиц деятельности... Периоды затяжных дрейфов при решении глазодвигательных задач в режиме свободного поведения глаз отражают структурные единицы этой деятельности. Такими единицами, по-видимому, можно считать частные действия. Скачки же глаз, прерывающие дрейфы, означают окончание этих единиц» [Буякас, Линде, 1976, с. 83].

Таким образом, в психофизиологическом аспекте восприятие печатного текста характеризуется, во-первых, предметностью, т.е. ориентацией на субстанциальный текстовый компонент; во-вторых, целенаправленностью — направляется перцептивными целями и задачами реципиента, т. е. осуществляется произвольная регуляция восприятия; в-третьих, процесс визуальной перцепции упорядочен и иерархически структурирован по общим физиологическим принципам функциональной системы; наконец, результатом восприятия является психический зрительный образ. При этом ГШ печатного текста — неотъемлемый и важный компонент, участвующий в формировании зрительного образа, поскольку структурно-эстетические характеристики печатных знаков служат визуальным ориентиром в процессе перцепции.

В психологическом аспекте процесс восприятия также предстает иерархически упорядоченным — состоящим из системы перцептивных действий и операций, при этом «уже внутри акта восприятия имеется система контрольных и корригирующих движений, играющих исключительно важную

роль в формировании адекватного образа» [Восприятие и действие, 1967, с. 112], т. е. формирование образа носит активный саморегулирующийся характер. Среди регуляторов восприятия различают «поисковые и установочные движения» и «собственно гностические движения» [Величковский, Зинченко, Лурия, 1973, с. 20]. Что касается специфики зрительного восприятия, то В. В. Столин выделяет четыре типа операций, различающихся как по содержанию, так и по типу регуляции деятельности: «операции актуализации семантических систем», «операции опредмечивания конкретного фрагмента», «операции контроля соответствия видимого мира зрительному полю» и «операции контроля над содержанием воспринимаемого предметного мира» [Столин, 1976, с. 197]. Это означает, что «процесс опредмечивания регулируется двумя типами детерминации: семантическими и сенсорными» [Столин, 1976, с. 132].

Экспериментально доказано, что процесс регуляции восприятия предполагает также «предвосхищение», обусловленное наличием «устойчивой «программы» движения» и «контролирующего аппарата» [Владимиров, Хомская, 1981, с. 68]. Кроме того, регулирующую функцию выполняет «образ будущего результата»: «цель выступает для субъекта в форме образа будущего результата. Такой образ предваряет саму деятельность: на его основе формируются планы, стратегия деятельности, совокупность конкретных действий, операций и т. д.» [Завалова, Ломов, Пономаренко, 1986, с. 21]. Саморегуляция процесса формирования образа, как отмечает Б. И. Беспалов, имеет «гетерархическую пространственно-временную структуру» [Беспалов, 1984, с. 101], т. е. «управление (координация и регуляция)... не имеет единственного жестко фиксированного управляющего центра» [там же]. Исследователь выделяет два взаимно дополняющих центра: субъективно окрашенную «иерархию способов» и обусловленную объективной действительностью «иерархию условий». Восприятие, таким образом, носит глубоко субъективный характер, обусловленный личностным смыслом перцептивной дея-

тельности. Отмечают, что «субъективность образа включает момент пристрастности, зависимости образа от потребностей, мотивов, целей, установок, эмоций человека и т. д. Образ формируется на базе опыта, который накопил человек, в той или иной мере ассимилируя этот опыт» [Завалова, Ломов, Пономаренко, 1986, с. 12]. Как отмечает английский ученый Р. Грегори, «зрительное восприятие вовлекает многочисленные источники информации помимо тех, которые воспринимаются глазом, когда мы смотрим на объект. В процессе восприятия, как правило, включаются и знания об объекте, полученные из прошлого опыта, и этот опыт не ограничивается знанием» [Грегори, 1970, с. 14]. Ученый полагает, что в ряде ситуаций опыт может быть главным условием адекватного восприятия: «Предпочтение, отдаваемое накопленным ранее сведениям, может оказаться фактором, повышающим надежность восприятия, поскольку текущая информация нередко оказывается менее полной и точной, чем та, что запечатлена в прошлом опыте» [Грегори, 1972, с. 80]. Применительно к процессу восприятия печатного текста можно говорить о *психологически обоснованном подтверждении регуливающей роли не только содержательной («семантические детерминации»), но и формальной стороны речевого высказывания*: на уровне «сенсорных детерминаций», формирующих собственный (зрительный) образ результата, входящий наряду с семантическим образом (смысловым ожиданием) в систему акцептора результата действия. Структурно-эстетические особенности ГШ являются для реципиента частью объективной действительности и, следовательно, компонентом, формирующим «иерархию условий». При этом важную роль играет предшествующий перцептивный опыт, обусловленный практикой восприятия печатного текста.

Однако в зарубежной психологии в настоящее время намечается тенденция трактовки процесса восприятия как активной, личностно окрашенной деятельности, в которой роль опыта уже не признается решающей.

Уже в 1974 г. американские психологи П. Линдсей и Д. Норман отмечают: «Вряд ли можно думать, что распознавание образов у человека основано на сравнении с эталоном. Большое разнообразие образов, с которыми сталкивается человек, создает большие трудности для этой схемы» [Линдсей, Норман, 1974, с. 20]. Ученые вводят понятие «активного синтеза», понимая под ним «построение и пересмотр ожидания во время интерпретации сенсорного сообщения» [Линдсей, Норман, с. 149] — этап восприятия, предшествующий сличению признаков с хранящимся в памяти эталоном. В 80-е гг. американский ученый Дж. Гибсон, отступая от сформировавшейся традиции понимать восприятие как сравнение поступившей информации с имеющимися в сознании «объект-гипотезой» [Грегори, 1972], эталоном, «гештальтом» [Гельмгольц, 1975, Коффка, 1975, Осгуд, 1975, Стрэттон, 1975], «фреймом» [Минский, 1978], интерпретирует восприятие как «простейший и наилучший способ познания» [Гибсон, 1988, с. 373] и отвергает «избитые постулаты о прошлом опыте, памяти и мысленных образах» [Гибсон, 1988, с. 374]. Поступающая в процессе восприятия информация понимается ученым «не как сигналы в нервных волокнах, а как то, что содержится в объемлющем потоке энергии. Это информация одновременно и о неизменных, и об изменяющихся свойствах окружающего мира... В объемлющем потоке есть информация о самом наблюдателе и о совершаемых им движениях, и благодаря этому перцептивное сознание неотделимо от самосознания» [Гибсон, 1988, с. 373].

Ценными в перечисленных концепциях являются постулаты о субъективно-объективной природе восприятия, констатирующие личностную окраску этого процесса, при этом ученым не удается полностью исключить значимость предшествующего опыта: они подчеркивают важную роль фиксации определенных «параметров инвариантности» в стимульном потоке, однако эти параметры предполагают наличие определенной базы для их формирования, поскольку в психологии инвариантность восприятия понимается как «способность человека воспринимать и узнавать объект как тот же самый не-

зависимо от изменения его местоположения в поле зрения, изменения его размеров, цвета, внесения дополнительных элементов и т. п.» [Локалова, 1975, с. 81]. В частности, зрительное восприятие ГШ печатного текста предполагает обязательное внутреннее сличение поступающих сигналов с некими эталонами, формирующимися в результате речевой деятельности человека и служащими для адекватного распознавания смысла прочитанного. Таким эталоном является абстрактная единица языка — графема. Зрительный образ как результат зрительной перцептивной деятельности обладает определенной спецификой: он предполагает, во-первых, наличие перцептивного опыта у реципиента; в-третьих, определенную последовательность перцептивных действий и операций; наконец, зрительный образ предполагает особый *механизм смыслообразования*, непосредственно обусловленный как внешними характеристиками воспринимаемого объекта, так и субъективными факторами.

Процесс восприятия, как и любой другой вид деятельности, предусматривает участие *эвристического* компонента: «В процессах восприятия... формируются функциональные органы, обеспечивающие образное отражение. Они включают жесткие и гибкие звенья. Благодаря образованию жестких и однозначных связей между рядами анализаторов (стереотипов) ориентировка в определенных свойствах среды (например, в пространстве) не требует сознательного контроля. При определенных и довольно разнообразных условиях возможно рассогласование между разными сенсорными модальностями и разными уровнями психического отражения... Осознание рассогласования между разными уровнями отражения — первое и важнейшее условие преодоления искажений образа. Сознательный контроль сенсорно-перцептивной информации является ведущим фактором в формировании нового функционального органа, который складывается не вместо, а наряду с уже существующим» [Завалова, Ломов, Пономаренко, 1986, с. 28].

В случае, когда ни перцептивные данные, ни прошлый опыт не в состоянии сформировать адекватный зрительный образ, речь может идти о «парадоксальном объекте»: «Объект является парадоксальным тогда, когда отсутствует правильная зрительная гипотеза, позволяющая верно интерпретировать ретинальное изображение объекта. В частности, парадоксально связанными кажутся части такого объекта, который мы воспринимаем как двухмерный, хотя на самом деле он лежит в пространстве трех измерений» [Грегори, 1972, с. 65].

Таким образом, перцептивный опыт не является универсальным фактором, способствующим адекватному восприятию. Тем не менее он играет важную роль в процессе формирования зрительного образа не только в тех случаях, когда достаточно соотнести полученное на сетчатке изображение с неким эталоном, но и тогда, когда речь идет о сложном конструировании образа, для чего необходимо осуществление зрительных операций, требующих участия кратковременной памяти. Как показали исследования В. П. Зинченко с коллегами, «умение испытуемых выделить различные признаки... с точки зрения целостной схемы, возможность манипулирования этими признаками и их комбинирования позволяют сделать вывод о возможности осуществления при кратковременном зрительном запоминании невербальных пространственных и семантических преобразований. Условием таких преобразований... является предварительная визуализация и обращение к долговременной памяти» [Зинченко, Величковский, Вучетич, 1980, с. 138]. Следовательно, можно говорить об эвристическом компоненте организации формирования образа, создающем новую саморегулирующуюся функциональную систему на базе сознательного контроля поступления информации. При восприятии ГШ печатного текста фактором, стимулирующим образование новых функциональных систем, является в первую очередь нарушение «стереотипа», невозможность распознать, т. е. соотнести конкретный печатный знак (либо совокупность знаков) с эталоном — графемой. В этом случае необходим сознатель-

ный контроль над перцептивной деятельностью и подключение эвристических саморегулирующихся звеньев поиска решения зрительной задачи. В подобном случае важнейшим ориентиром и регулятором восприятия служит графическая оболочка текста и в частности — ГШ.

В формировании единиц зрительной деятельности немаловажной признается роль контекста: «Перцептивные операции... могут состоять в поиске таких дифференциальных признаков в зрительном поле, которые позволили бы зрительно конкретизировать уже подразумеваемый всем предметным контекстом фрагмент воспринимаемого мира» [Столин, 1976, с. 194]. Это означает, что контекст выполняет регулирующую функцию в процессе зрительной перцепции и указанная функция реализуется как компонент вероятностного прогнозирования. Аналогичную позицию занимают и зарубежные исследователи. Американские психологи П. Линдсей и Д. Норман, во-первых, констатируют значимость контекста: «Восприятие отдельного слова облегчается как словами, произнесенными перед этим словом, так и теми словами, которые связаны с воспринимаемым словом по смыслу и следуют за ним во времени» [Линдсей, Норман, 1974, с. 148], а во-вторых, описывают психологическую природу влияния контекста: «Имеет место известное *ожидание* предстоящих сенсорных событий, основанное на сведениях о только что совершившихся событиях. Более того, ожидание непрерывно меняется — по мере того, как продвигается переработка сигнала» [Линдсей, Норман, 1974, с. 149]. При решении сложной перцептивной задачи (распознавание неудобочитаемой ГШ) контекст способен сыграть существенную роль — спрогнозировать образ нераспознанного объекта исходя из вероятности его появления в данном окружении.

Становление перцептивного зрительного образа происходит постепенно, в определенной последовательности. Фазная природа этого процесса обусловлена такой особенностью зрительного восприятия, как *анализм*. В отечественной психофизиологии факт *аналитичности восприятия* был уста-

новлен экспериментально. И. Я. Гротов и Г. Н. Ильина пришли к выводу о том, что «на стадии ознакомления и различения наблюдатель выделяет детали предмета и определяет его форму» [Гротов, Ильина, 1964, с. 160]. Н. А. Гончарова выделяет пять фаз в процессе зрительного восприятия: «В первую очередь сосредоточивает на себе внимание и задерживает взгляд то, что сильнее действует, что активнее, что находится в состоянии контраста по отношению к фону... В начале зрительного опыта наиболее легко постигается чувственно доступное: масса и пространство. Вторая и третья фазы дают лишь грубое различение основных деталей. На четвертой фазе объект воспринимается в целом правильно, но без четкости деталей. И только на пятой фазе наступает оптимальное, четкое восприятие» [Гончарова, 1977, с. 19]. А. Д. Ботвинников и Б. Ф. Ломов также выделяют пять фаз процесса восприятия: «На *первой* фазе осуществляется лишь грубое недостаточно расчлененное различение границ предмета, его общих пропорций и положения в пространстве. Далее наступает *вторая* фаза — “мерцания” формы: форма предмета кажется неустойчивой, изменяющейся. На *третьей* фазе выделяются резкие перепады контура предмета и его наиболее крупные детали, причем если детали примерно равны по величине, то в первую очередь воспринимаются те из них, которые расположены сверху и справа; труднее различаются детали, расположенные внизу. Для *четвертой* фазы характерно глобально адекватное восприятие формы предмета; однако его мелкие детали различаются нечетко. Наконец, *пятая* фаза — адекватное и дифференцированное восприятие предмета; предмет отражается во всей полноте его деталей (разумеется, с той степенью точности, которая допускается пороговыми характеристиками зрительной системы)» [Ботвинников, Ломов, 1979, с. 60–61].

Аналитизм зрительного восприятия, как показали экспериментальные исследования, носит упорядоченный характер, он подчинен принципу *избирательного внимания*. Функция избирательного внимания, как отмечают психофизиологи, «состоит в отборе некоторого определенного множества

контролируемых параметров в перцептивной и исполнительной системах на основе критериев, определяемых текущей целевой функцией, а также в смене этого множества при надпороговом изменении целевой функции или состояния контролируемых подсистем» [Суворов, Таиров, 1985, с. 250], при этом важно учитывать его целенаправленность как компонент, маркирующий включенность в систему мотивов перцептивной деятельности. Как устанавливает Г. И. Лернер, исследуя психологию восприятия объемных фигур, «возможности произвольного регулирования этого процесса определяются задачей, стоящей перед субъектом. Если определенной задачи нет и обратимое изображение находится перед глазами наблюдателя, то происходит флюктуация видимых картин, которая, вероятно, определяется случайной сменой позиций, избираемых наблюдателем» [Лернер, 1980, с. 121]. Также значимо наличие контроля, который в рамках общей концепции внимания признается сознательным [Гальперин, Кабыльницкая, 1974; Добрынин, 1975; Зинченко, Величковский, Вучетич, 1980; Суворов, Таиров, 1985; Веккер, 1988 и др.]. Суть сознательного контроля состоит в том, что «иррелевантная информация не доходит до достаточно высоких уровней сознательного контроля... Отдельные элементы, избирательно выделенные на различных шагах поиска, могут впоследствии синтезироваться в некий осознанный образ» [Зинченко, Величковский, Вучетич, 1980, с. 127]. Таким образом, ход избирательного внимания при зрительном восприятии органически отражает единицы перцептивной деятельности. Однако регулирующим фактором здесь выступает не только цель восприятия (при решении гностических и поисковых задач), но и структура воспринимаемого объекта. Регулирующая роль структуры объекта экспериментально доказана в отечественной и зарубежной технической литературе, касающейся психологии восприятия сложных предметов. Н. Н. Волков установил, что «не внимание выделяет ключевые элементы рисунка, а ключевые элементы рисунка, выделенные смыслом задачи и выбранные ходом решения, привлекают внимание. Внимание движет-

ся вместе с развитием восприятия..., переходя от ключевых элементов к целостному объемному образу» [Волков, 1950, с. 413], что позволяет исследователю констатировать «выборочный ход восприятия, подсказанный в значительной степени сюжетом и композицией картины» [Волков, 1976, с. 18]. Используя метод дрейфогаммы — записи движений глаз реципиента с помощью специальных приборов, А. Л. Ярбус установил, что, рассматривая картину, реципиент последовательно фиксирует свое внимание на ее важных композиционных узлах. Концентрация точек фиксации внимания в них достигает наибольшей величины: «Записи движений глаз показывают, что в процессе рассматривания взор наблюдателя обычно задерживается лишь на некоторых элементах изображения... При изучении таких элементов обнаруживается, что именно они несут сведения, позволяющие раскрыть содержание изображения» [Ярбус, 1969, с. 139–140]. В частности, как отмечает исследователь, при рассматривании портрета реципиент фиксирует внимание на чертах лица. В отечественной психологии принято в связи с этим говорить о существовании «информативных точек», определяющих траекторию движений глаз при решении зрительных задач, в отличие от задач глазодвигательных [Гиппенрейтер, 1976], при этом «отражение наиболее информативных, критических элементов контура предмета образует как бы основу перцептивного образа, его костяк. Все остальные элементы образа имеют подчиненное значение, составляют как бы второй план» [Ботвинников, Ломов, 1979, с. 64]. *Информативные точки*, регулирующие восприятие, таким образом, являются носителями *определенного смысла* и выполняют регулирующую функцию в процессе восприятия.

В зарубежной литературе указанная позиция поддерживается и развивается. Американский исследователь Р. Притчард, используя метод стабилизации изображения на сетчатке, экспериментально устанавливает, что «фрагментация образа, т. е. поочередное угасание и восстановление его отдельных частей, зависит от характера и содержания предъявленного изображения»

[Притчард, 1974, с. 194], «это всегда какие-то осмысленные элементы или группы элементов» [Притчард, 1974, с. 197]. Д. Нотон и Л. Старк развивают и конкретизируют результаты исследований А. Л. Ярбуса, исходя из того, что «записи Ярбуса в большинстве случаев суммируют много фиксаций и не позволяют полностью восстановить их последовательность» [Нотон, Старк, 1974, с. 231]. В результате экспериментальных исследований авторы приходят к выводу о существовании определенной закономерности последовательности фиксаций информативных элементов изображения и называют ее «кольцом признаков»: «Внутреннее отражение объекта в системе памяти представляет собой совокупность признаков... Эти признаки организованы в структуру, которую мы назвали “кольцом признаков”. Это кольцо состоит из цепи чередующихся следов сенсорной и моторной памяти, в каждом звене которой регистрируется какой-нибудь признак объекта, а затем движение глаз, необходимое для перехода к фиксации следующего признака. Такое кольцо закрепляет определенную последовательность признаков и движений глаз, соответствующую пути обхода данного объекта» [Нотон, Старк, 1974, с. 234]. Определенную последовательность при восприятии сложного объекта констатирует и У. Нейссер, также учитывая роль памяти, закрепляющей порядок восприятия компонентов, однако его концепция гораздо более абстрактна: «Следы памяти, участвующие в восприятии, носят характер не изображений, а схем. Во время ряда последовательных фиксаций субъект синтезирует модель, или схему, видимой сцены» [Нейссер, 1974, с. 257–258]. В отличие от точки зрения У. Нейссера, позиция Д. Нотона и Л. Старка допускает некоторую эвристичность в процессе последовательного воспроизведения, поскольку учитывается субъективный фактор: «У разных испытуемых вырабатываются различные пути обхода для одного и того же рисунка и один и тот же испытуемый вырабатывает различные пути обхода для разных рисунков» [Нотон, Старк, 1974, с. 236].

С учетом концепции «информативных точек» в настоящее время установлены факторы группировки элементов зрительного образа [Кудин, Ломов, Митькин, 1987; Веккер, 1998]. Во-первых, это *фактор близости*: «При прочих равных условиях в целостную структуру объединяются элементы по признаку наименьшего расстояния между ними..., элементы, совершающие совместное перемещение» [Веккер, 1998, с. 148]; во-вторых, *фактор замкнутости*: «В единую перцептивную структуру объединяются элементы, в совокупности составляющие замкнутый контур или замкнутую трехмерную поверхность» [Веккер, 1998, с. 148–149]; в-третьих, — фактор так называемой «*хорошей формы*»: «четко выделяются на первых этапах восприятия сочетания точек, образующие правильные геометрические фигуры или их фрагменты» [Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с. 59]; «объединению подвергаются элементы, образующие в целом особый предпочтительный класс так называемых хороших форм, таких, например, как круг или прямая линия, т. е. тел или фигур, обладающих свойством симметричности, периодичности, ритма и т. д.» [Веккер, 1998, с. 149]; в-четвертых, это *фактор изолированности*: «В случае преобладания аморфного размещения элементов внимание привлекается в первую очередь пространственно выделенными точками (“отлетевшими в сторону”, отделенными от других наибольшими промежутками)» [Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с. 59].

В аспекте исследования регулирующей функции ГШ печатного текста важным является тот факт, что психология восприятия печатного текста подчиняется общим закономерностям зрительной перцепции, т. е. характеризуется *избирательностью*, направленной на *наиболее информативные текстовые компоненты*. Американский ученый А. Саттон, экспериментально исследуя специфику восприятия печатного текста, отмечает: «Фотографические воспроизведения движений глаза во время разнообразных ситуаций при чтении показывают, что смысловые единицы гораздо важнее словесных» [Саттон, 1978, с. 120–121]; психолог Л. Н. Хромов констатирует: «Фиксация

взора располагается именно на ключевых словах и смысловых рядах, т. е. центральное поле зрения наведено на определенные смысловые группы, значимые как для автора, так и для читателя» [Кузнецов, Хромов, 1983, с. 99; Андреев, Хромов, 1991, с. 108].

Аналогичен процесс перцепции отдельной буквы, которому также присущ аналитизм, обусловленный информативной ценностью компонентов печатного знака. В экспериментах зарубежных исследователей Р. Притчарда [1974], Д. Нотона и Л. Старка [1974] установлено, что внимание выделяет *значимые компоненты буквы*, т. е. те, которые способствуют ее опознанию: «Восприятие монограммы из букв Н и В (НВ—С. Н.) иллюстрирует значение осмысленных перцептивных элементов, сформировавшихся в результате прошлого опыта. При фрагментации этой монограммы в ней последовательно видны знакомые буквы и цифры... Выделение бессмысленных сочетаний происходит гораздо реже» [Притчард, 1974, с. 199]; Д. Нотон и Л. Старк, расчленяя на информативные признаки букву А, констатируют: «Признаками объекта служат те его части, которые доставляют наибольшую информацию» [Нотон, Старк, 1974. с. 240].

С точки зрения восприятия текста, набранного конкретной ГШ, *информативными элементами, обеспечивающими адекватность распознавания, являются меризмы букв, позволяющие соотнести их с графемами*. Некоторые гарнитурные элементы обладают структурными компонентами, информационно незначимыми (засечки, декоративные элементы). Задача перцептивного процесса — произвести «сепарацию», исходя из смысловоразличительной роли меризмов, т. е. осуществить *анализ*.

Активным стимулом для проявления аналитизма восприятия является и качество печати, а также степень закрепленности эталона-графемы в памяти. Распознавание качественного печатного текста обычно не представляет сложности для реципиента: как показывают экспериментальные исследования, по отношению к точке фиксации «глаз может распознать всего лишь 4–6

букв справа от этой точки, но распределение слов по длине может восприниматься на расстоянии до 14 букв, и эта информация используется для выбора следующей точки фиксации» [Хэссет, 1981, с. 113]; «При каждой фиксации продолжительностью от 1/4 до 1/3 секунды на сетчатке отражается три или четыре буквы» [Каров, 2001, с. 259] при разовом объеме внимания «7–9 стимулов» [Данилова, 1998, с. 58], а зрительного внимания — 3–5 знаков для взрослого человека [Добрынин, 1975, с. 69]. Трудности возникают при появлении в поле зрения таких элементов, которые недостаточно закреплены в памяти и в силу этого неспособны достаточно быстро реализовать информативную (т. е. смысловоразличительную) функцию: «Мы внимательно всматриваемся лишь тогда, когда попадает новое или незнакомое слово или иностранные имена, требующие правильного прочтения» [Каров, 2001, с. 259]. Подобные сложности возникают и при различных искажениях буквы: в лингвистическом аспекте это означает недостаточное соответствие буквенного варианта абстрактному эталону — графеме, в силу чего возможно говорить о низкой степени распознаваемости букв печатного текста.

Традиционным при решении проблемы распознавания буквы является обращение к аналогии с автоматизированными распознающими системами. В основу работы этих систем кладется принцип так называемого «технического зрения», которое представляет собой «процесс выработки рациональных символических описаний визуальной обстановки, составленных на основе анализа данных об изображении» [Техническое зрение роботов, 1987, с. 7], т. е. принцип анализа по дифференциальным признакам; результатом такого анализа становится отнесение объекта к определенному классу [Селфридж, Нейссер, 1974; Перцептрон — система распознавания образов, 1975; Психология машинного зрения, 1978; Горелик, Гуревич, Скрипкин, 1985; Хорн, 1989]. Однако признаки в процессе распознавания оказываются, как отмечают О. Селфридж и У. Нейссер, «типичными, но не всегда обязательными» [Селфридж, Нейссер, 1974, с. 217]. Ученые приводят примеры типичных за-

труднений при распознавании букв машиной: «Прописная буква А обычно вверху уже, она имеет сильно вытянутый нижний край; из трех ее главных линий две расположены скорее вертикально, чем горизонтально, а одна — скорее горизонтально, чем вертикально, и т. д. Все эти признаки, взятые вместе, гораздо более характерны для буквы А, чем для какой-либо другой буквы. Но ни один признак в отдельности не будет достаточным. Например, буква W тоже с нижней стороны выгнутая, а буква H состоит, подобно А, из двух более или менее вертикальных линий и одной горизонтальной. Каждая буква имеет свой собственный набор вероятных признаков, и эффективный автомат для распознавания букв должен определить, который из таких наборов наилучшим образом соответствует неизвестной букве» [Селфридж, Нейссер, с. 217–218].

Возможности технического зрения в отечественной и зарубежной технической литературе исследовались в основном на примере работы двух созданных американскими учеными распознающих систем — созданной в 1957 г. Ф. Розенблаттом системе «Перцептрон» [Перцептрон — система распознавания образов, 1975] и разработанной в 1959 г. О. Селфриджем системе «Пандемониум» [Селфридж, Нейссер, 1974; Линдсей, Норман, 1974]. Названные системы обнаруживают следующие сходные принципиальные черты:

- 1) обращение к хранящемуся в «памяти» эталону, основанному на ряде признаков;
- 2) иерархичность и многофазность процесса распознавания;
- 3) саморегулирующийся характер, проявляющийся в обратной связи и коррекции результата;
- 4) наличие стадии принятия решения;
- 5) возможность «обучения» распознающей системы на базе ее собственного перцептивного опыта.

При этом основными дифференциальными признаками букв считаются, во-первых, горизонтальные и вертикальные сечения; во-вторых, характер линий; в-третьих, длины краев и их отношения. Аналогичные принципы распознавания (но в более детализированном виде) лежат в основе современной автоматизированной распознающей текст компьютерной программы АBBYU FineReader.

Указанные принципы по своей сути являются предельно упрощенной и абстрагированной копией сложного многоступенчатого, личностно окрашенного процесса восприятия печатного текста человеком, однако возможность их выделения и описания имеет определенную ценность, поскольку позволяет говорить об *информативных признаках буквы как о смыслообразующем компоненте перцепции*, выполняющем регулирующую функцию в процессе распознавания.

Таким образом, *графическая оболочка речевого высказывания принимает активное участие в смыслообразовании, в первую очередь — за счет ее смыслоразличительных качеств. Формальную сторону воспринимаемого текста в связи с этим следует признать важным компонентом, регулирующим процесс перцепции печатного текста.*

Из числа гипотетически выделенных в данной работе в техническом и психологическом аспектах факторов регулирующего воздействия ГШ смыслоразличительная способность формальной стороны высказывания соотносится с о с т е п е н ь ю у з н а в а е м о с т и , т. е. с возможностью реализации смыслоразличительной функции знака, и зависит от характера п с и х и ч е с к о г о о б р а з а как ориентира перцепции, помогающего адекватно распознать печатные знаки.

Однако два других гипотетически предложенных компонента регуляции — э м о ц и я (э с т е т и з и р о в а н н а я) и а с с о ц и а - ц и я (а с с о ц и а т и в н о с т ь) также подчеркивают регулирующую роль графической оболочки, т. е. участвуют в процессе смыслообразования.

Основание говорить о регулирующей значимости двух последних факторов дает также ряд проведенных зарубежными психологами экспериментальных исследований, касающихся семантики, эстетики и эмоциональной окраски ГШ печатного текста [Ланген, Моришат, Вебер, 2001; Wendt, 1968].

Немецкий ученый Д. Вендт [Wendt, 1968], исследуя восприятие 18 различных ГШ по методу семантического дифференциала, разработанному в 1957 г. Ч. Осгудом, получает набор семантических признаков, характерных для каждой из этих гарнитур и позволяющих, по мнению ученого, объективизировать выбор той или иной ГШ. Немецкие исследователи М. Ланген, К. Моришат и А. Вебер в результате аналогичного, но более масштабного анкетирования по методу семантического дифференциала, с учетом полученных Д. Вендтом результатов, на материале 20 гарнитур установили: «Шрифтовые гарнитуры могут быть дифференцированы в зависимости от их свойств привлекательности, и каждая гарнитура обладает своим характерным семантическим аппаратом различения» [Ланген, Моришат, Вебер, 2001, с. 417]. Опрос проводился с использованием следующих определений:

1. Классический;
2. Динамичный;
3. Функциональный;
4. Привычный;
5. Тяжелый;
6. Мужественный;
7. Гармоничный;
8. Декоративный;
9. Технический;
10. Естественный;
11. Элегантный;
12. Мусорный [Ланген, Моришат, Вебер, 2001, с. 406].

Приведенные определения, найденные исследователями с помощью многоступенчатого целенаправленного опроса, отражают, во-первых, стилистическую ориентацию ГШ (классический); во-вторых — эстетические качества (гармоничный, декоративный, элегантный); в-третьих — функциональность (функциональный, привычный, технический, естественный, мусорный); в-четвертых, специфические ассоциативные параметры (динамичный, тяжелый, мужественный). Результаты эксперимента позволяют говорить о *стилистических* и *функциональных* характеристиках ГШ и, что особенно актуально для данной работы, о наличии компонента *ассоциативности* (однако ассоциативный аспект отражен лишь тремя определениями, которых явно недостаточно). Ценно также выявление *эстетического* компонента, который, как следует из логики эксперимента, неотделим от определенного *эмоционального* состояния (хотя эмоциональный аспект практически не затронут).

Исследование компьютерных шрифтов, проведенное американским психологом А. Сигманом [Сигман, 2001], напротив, направлено на выявление именно эмоционально-ассоциативного компонента воздействия ГШ. Используя методику опроса реципиентов, компетентных в области использования ГШ (разработчики шрифтов, консультанты по созданию графических символов, книгоиздатели и пользователи текстовых редакторов), ученый выявляет следующие эмоционально-ассоциативные характеристики гарнитур: «*Прямолнейные и угловатые шрифты* ассоциируются с непреклонностью, жесткостью; они характеризуются холодностью, безликостью и механистичностью... *Шрифты типа Courier* являются устаревшими и связываются с написанием простых писем и “компьютерными распечатками” — они весьма безлики и в некоторых случаях рассматриваются как подставленные “по умолчанию”... *Антиквенные шрифты* (с засечками) типа Times, Times New Roman и Palatino — это компромисс между старым и новым. Четкие и достаточно простые, они обладают хорошо выраженной формой и округлостью, намекающей на неоклассическую традицию и преемственность. Они вызы-

вают чувство доверия, поэтому являются фаворитами у адвокатов и уважаемых представителей традиционного бизнеса. *Шрифты Sans Serif* (без засечек), такие как Arial, Modern и Univers, обладают малым эмоциональным зарядом и ассоциируются с практичностью и здравомыслием. Они несут в себе современное общее начало и являются надежным выбором для тех, кто жаждет гармонии и не озабочен самовыражением посредством шрифтового оформления. Arial наиболее часто выбирается для личной переписки. *Шрифты рукописного стиля* — это попытка передать дружелюбие и близкие отношения. В свое время эти шрифты использовались банками, желающими избежать ощущения “казенности” путем имитации в письмах “персональной подписи”. Используя рукописные стили, крупные корпорации ставят задачу казаться более дружелюбными, “близкими к народу”, скрывая холодное безличие и реакционность» [Сигман, 2001]. Таким образом, на основании выявленного эмоционально-ассоциативного потенциала гарнитур исследователь считает возможным обозначить оптимальную сферу их применения.

Подобные психологические исследования важны, во-первых, тем, что они показывают *роль ГШ в процессе смыслообразования текста* (через ассоциативный компонент), а во-вторых, констатируют *наличие у ГШ собственного семантического потенциала, реализующегося в эмоционально-эстетических качествах шрифта*. Можно предположить, что включенность семантического потенциала ГШ в общий смысловой контекст печатного произведения делает ее более функциональной.

Таким образом, психологический аспект проблемы выявления регулирующей функции ГШ позволил установить, что процесс восприятия печатного текста регулируется не только содержательной, но и *формальной* стороной высказывания, поскольку графическая оболочка, во-первых, является смыслообразующим компонентом прецепции, а во-вторых, обладает собственным семантическим потенциалом, который реализуется в процессе восприятия одновременно с распознаванием смысла прочитанного. Психологический

контекст исследуемой проблемы подтверждает регулируемую роль гипотетически выявленных в прагматическом аспекте таких компонентов регуляции, как степень узнаваемости (при участии психического образа), эстетизированная эмоция и ассоциативность.

1.4 Психолингвистический аспект проблемы

1.4.1 Психолингвистическая интерпретация гарнитурно-шрифтовых регулирующих факторов

В рамках отечественной психолингвистики исследование регулирующей функции речевого высказывания является актуальным. Изучается регулирующая способность звуковой оболочки текста [Журавлев, 1987, 1991; Балаш, 1997], единиц лексического языкового уровня [Василевич, 1987; Мягкова, 1990; Кинцель, 2000], уделяется внимание регулируемому потенциалу отдельного высказывания и целого текста [Психолингвистические проблемы массовой коммуникации, 1974; Белянин, 1988]. Вопрос о графической оболочке, в том числе о ГШ, в этом аспекте ранее не ставился. В работах зарубежных исследователей, специализирующихся на регулирующем воздействии ГШ, не применяется психолингвистический подход к этой проблеме. Подобная ситуация не позволяет говорить о существовании в рамках научной парадигмы собственно *психолингвистических* факторов, позволяющих ГШ влиять на восприятие печатного текста.

Тем не менее выявление психолингвистических факторов возможно путем рассмотрения в психолингвистическом аспекте гипотетически предложенных на основании теоретического исследования прагматико-эстетических и психологических компонентов регуляции.

Суть *психолингвистического* подхода состоит в *выявлении тех особенностей каждого компонента, которые могут быть актуальны в ходе формирования смысла при восприятии речевого произведения.*

Во-первых, следует рассмотреть в этом аспекте психический образ. С одной стороны, он формируется на основе перцепции внешнего облика печатных знаков, т. е. отражает их инвариантную и вариативную структуру, а с другой стороны — заключает в себе информацию о языковой функции печатного знака как носителя смысловозначительной способности. Выступая в качестве ориентира, образ каждого ГШВ соотносится в сознании реципиента с абстрактной языковой единицей — графемой. В ходе процесса распознавания печатного знака подключается выявленный в прагматическом аспекте фактор степени узнаваемости, который обуславливает возможность/невозможность распознавания, т. е. соотнесения перцептивного образа ГШВ с графемой. С точки зрения ценности для смыслообразования в ходе восприятия текста и психический образ, и степень узнаваемости служат одной цели — *соотнесению ГШВ с графемой как носителем смысловозначительной функции.* В силу этого оба фактора по принципу взаимной комплементарности актуализируются в психолингвистическом аспекте как *соотнесенность с графемой*. Наличие данного регулирующего фактора делает возможным распознавание ГШВ и, как следствие, — декодирование смысла прочитанного текста.

Во-вторых, необходимо проанализировать в психолингвистическом аспекте такой регулирующей фактор, как *ассоциация*. С психологических позиций ассоциация является результатом способности сознания реципиента к оперированию психическими образами — их сопоставлению, объединению и т. д. В аспекте технической эстетики был выделен регулирующей фактор *ассоциативность* как способность ГШ вызывать в сознании реципиента ассоциации. Указанные факторы можно объединить на основании причинно-следственных отношений под общим названием *ассо-*

ц и а т и в н о с т ь , под которой следует понимать *обусловленное внешними параметрами ГШ сопоставление образа ГШВ с другими образами, основанными на хранящихся в памяти или непосредственно воспринимаемых в данный момент представлениях о тех фактах реальной действительности, которые напрямую не связаны с визуальными особенностями ГШ, и в первую очередь — сопоставление с содержанием печатного текста, набранного данной гарнитурой.* Кроме того, ассоциативность может быть основана на структурных особенностях букв, на стилистической окрашенности данной ГШ, а также на звукоподражательных и антропоморфных ассоциациях. В психолингвистическом аспекте ассоциативность как свойство ГШ означает *возможность включения в процесс смыслообразования ряда дополнительных значимых компонентов, влияющих на вероятность адекватного декодирования смысла прочитанного.*

Наконец, в психолингвистическом аспекте следует рассмотреть такой фактор регуляции, связанный с ГШ, как э м о ц и я , и в частности — э с - т е т и з и р о в а н н а я э м о ц и я .

Эмоции как фактору, регулирующему восприятие текста, отведено значительное место в психолингвистических исследованиях.

А. А. Леонтьев с коллегами [Психолингвистические проблемы массовой коммуникации, 1974; Оптимизация речевого воздействия, 1990], рассматривая речевое произведение в аспекте оптимизации речевого воздействия, отмечает: «Эмоции, как кривые зеркала, делают более выпуклыми те или иные аспекты действительности и, изменяя вес того или иного семантического признака значения в зависимости от его эмоциональной окраски, создают, подобно калейдоскопу, узоры семантических структур» [Оптимизация речевого воздействия, 1990, с. 25], т. е. восприятие семантики речевого произведения ставится исследователем в определенную зависимость от эмоций реципиента. В. П. Белянин [Белянин, 1988] считает, что от характера эмоциональных структур реципиента зависит адекватность восприятия текста вооб-

ще и художественного текста в частности: «Наиболее адекватно текст воспринимается теми читателями, тезаурус и эмоциональные структуры личности которых совпадают с авторскими» [Белянин, 1988, с. 107]. Е. Ю. Мягкова [Мягкова, 1990] экспериментальным путем устанавливает статус и специфику эмоциональной нагрузки слова в речевой деятельности человека. Под эмоциональной нагрузкой слова исследователь понимает «различные проявления отношения субъекта к тому, что называет воспринимаемое им используемое слово» [Мягкова, 1990, с. 11], при этом устанавливается наличие эмоционального компонента в словах, традиционно признаваемых эмоционально нейтральными. В. А. Пищальникова [1984; 1992; 1993; 1999], исследуя воплощение в художественном тексте доминантных личностных смыслов — «инвариантных личностных смыслов, выражающих мнение и знание индивида о каких-либо реалиях действительности» [Пищальникова, 1993, с. 4], приходит к выводу о том, что «художественно-речевая деятельность субъекта не может осуществляться вне эмоциональной сферы» [Пищальникова, 1984, с. 5]. Исследователь говорит о существовании в художественном тексте иерархической системы доминантных и производных эмоций, закрепляющей доминантный личностный смысл, т. е. осуществляющей регуляцию восприятия и понимания речевого произведения. При этом «репрезентация эмоции осуществляется взаимодействием единиц разных уровней» [Пищальникова, 1991, с. 21], что позволяет, пользуясь термином Е. Ю. Мягковой, говорить об «эмоциональной нагрузке» не только лексемы, но и единиц всех языковых уровней. Развивая эту мысль, А. В. Кинцель [Кинцель, 2000] экспериментальным путем подтверждает положение о регулирующей роли эмоций в процессе смыслообразования, а также устанавливает, что возможно выявление эмоциональной доминанты у любого текста, поскольку «те единицы языка, которые принято считать нейтральными, чаще всего представляют доминантные эмоции положительной модальности малой интенсивности» [Кинцель, 2000, с. 38].

Эмоции, таким образом, признаются эффективным компонентом регуляции восприятия печатного текста в силу их смыслообразующей способности. Применительно к ГШ печатного текста есть смысл конкретизировать характер эмоции. Гарнитура относится к формальной стороне воспринимаемого текста, и вызываемая ей эмоция может быть обусловлена только ее внешними, визуальными характеристиками, т. е. эстетическими свойствами: их наличием либо отсутствием, их характером и степенью проявления. Поэтому эмоция, вызываемая структурно-художественными качествами ГШ и регулирующая процесс восприятия текста, является эстетически окрашенной, или эстетизированной.

Таким образом, представляется возможным назвать следующие психолингвистические факторы, позволяющие ГШ регулировать восприятие печатного текста:

- 1) соотнесенность с графемой;
- 2) ассоциативность;
- 3) эстетизированная эмоция.

Указанные факторы выделены с учетом, во-первых, прагматико-эстетического контекста регулирующего воздействия ГШ; во-вторых, с учетом психологических оснований — в аспекте теории деятельности и внутриречевых механизмов; наконец, с учетом их психолингвистической значимости, т. е. с точки зрения смыслообразующего потенциала каждого из выделенных компонентов в процессе восприятия печатного текста.

Следует акцентировать, что перечень психолингвистических регулирующих факторов сформирован с учетом дифференциации плана выражения и плана содержания печатного текста, т. е. на основе *изолированного* рассмотрения ГШ от смысла текста. Лингвистическое содержание и эмоционально-эстетическая окраска языковых единиц более высокого ранга, чем графема (морфемы, лексемы и т. д.) остаются за рамками данного психолингвистического исследования. Такой подход обусловлен стремлением

доказать значимость регулирующего воздействия именно формального компонента высказывания.

Единицы более высокого, чем графема, языкового уровня при их речевой актуализации могут вступать в собственные ассоциативные связи, имеющие иную, чем у графемы, природу; они вызывают у реципиента эстетизированную эмоцию посредством других компонентов — не внешнего облика, а смысла печатного текста; их лингвистическое содержание состоит не в различении смысла, а в репрезентации реляционной и деривационной (морфемы), номинативной (лексемы) и коммуникативной (структурная схема предложения) функций. При наложении регулирующих факторов единиц разных уровней представляется сложным анализ регулирующей функции ГШ.

Тем не менее в ряде случаев возможно рассмотрение регулирующей функции ГШ в «чистом виде» — когда ГШВ в речи не входят в состав единиц более высокого языкового уровня: во-первых, если воспринимаемый текст состоит из беспорядочного набора печатных символов (в том числе так называемых псевдослов), а во-вторых, если реципиент имеет дело с алфавитным перечнем знаков или таблицей символов шрифтовой гарнитуры. В случае восприятия таких псевдотекстов не происходит наслаения факторов, регулирующих восприятие, и с точки зрения ГШ возможно анализировать их «в чистом виде». Но при этом следует помнить, что в речевой деятельности субъекта такие «ситуации изоляции» весьма редки: как правило, реципиент имеет дело с текстом как со сложной многоуровневой иерархической структурой. Выходом, на наш взгляд, является параллельный анализ текста и псевдотекста в аспекте реализации регулирующей способности ГШ: анализ текста позволит выявить совокупность факторов, оказавших влияние на процесс речевосприятия, а использование псевдотекста даст возможность дифференциации и выявления тех из них, которые зависят непосредственно от гарнитурно-шрифтовых особенностей. Проблема в этом случае будет заключаться

в научном обосновании способа дифференциации регулирующих факторов разных языковых единиц.

Такое обоснование мы считаем возможным в логико-философском аспекте, в частности с опорой на теорию концептуальной системы, разрабатываемую в современной психолингвистике, поскольку указанный подход позволяет представить детальную картину конкретного явления действительности, отраженного в сознании реципиента и репрезентированного определенной языковой единицей.

1.4.2 Концептуальная модель регулирующего воздействия гарнитуры шрифта

Теория концептуальной системы берет начало в трудах Р. И. Павилениса [Павиленис, 1983], который рассматривает в логико-философском ключе категорию *смысла* языковых выражений. Используя понятие *концептуальной системы*, исследователь понимает под ней «систему концептов, представляющих собой — в содержательном смысле — информацию (истинную или ложную), которой располагает индивид-носитель такой системы о действительном или возможном положении вещей в мире (то, что он думает, знает, предполагает, воображает и т. д. об объектах мира в возможно широком понимании термина “объект”)» [Павиленис, 1983, с. 239–240]. Целостность представления об объекте при таком подходе связана с положением о «неязыковом характере информации, которой обладает человек на начальном этапе познания мира» [Павиленис, 1983, с. 120], т. е. концептуальная система отражает познавательный опыт индивида не только на языковом, но и на доязыковом этапе.

Концепция Р. И. Павилениса получила развитие в современных психолингвистических исследованиях. Так, В. А. Пищальникова отмечает, что «никакая вербальная репрезентация не исчерпывает соотносимого с ней

смысла» [Пищальникова, 1999, с. 35], поскольку «содержание речевого произведения (текст) рассматривается как результат процесса смыслопорождения (встречного порождения текста) индивида (индивидом) на его ассоциативно-апперцепционной базе, а не как актуализация “системных языковых значений”» [там же].

В. А. Пищальникова определяет концептуальную систему (картину мира) как «континуальную систему смыслов, структурирующуюся в деятельности индивида в результате присвоения а) конвенционального опыта, б) перцептивных процессов и в) собственно рефлексии» [Пищальникова, 1999, с. 36]. Содержание концепта (смысла) как элемента концептуальной системы индивида исследователь представляет в виде схемы (см. рис. 5):

Рис. 5. Структура концепта (смысла) [Пищальникова, 1999, с. 36]

Исследуемая нами ГШ, являющаяся в процессе восприятия печатного текста фактором, регулирующим восприятие, может быть проанализирована с указанной позиции.

Во-первых, определим место ГШ в составе концепта печатного слова (языкового знака). ГШ входит в состав компонента «тело знака», поскольку является характеристикой печатных символов — материальных репрезентантов смысла печатного слова. При этом для нашего случая будет целесообразной конкретизация, т.е. замена определения «тело знака» на определение «гарнитура шрифта» (минуя понятие «буква»), поскольку не предполагается другого материального выражения знака печатного слова, воспринимаемого зрительным анализатором.

Во-вторых, преобразуем исходную схему концепта с точки зрения языковой единицы графемы, чтоб определить состав и соотношение компонентов концепта в этом ракурсе (см. рис. 6).

Рис. 6. Структура концепта графемы, актуализированной в гарнитурно-шрифтовом варианте

Представленная на рис. 6 схема иллюстрирует состав и взаимоотношения структурных элементов концепта языковой единицы графемы. Исходная схема концепта модифицирована нами, во-первых, в компоненте «тело знака» в целях конкретизации: актуальной для нас является ГШ как репрезентант графической оболочки. Во-вторых, мы устранили компонент «понятие», поскольку применительно к графеме он не релевантен, а входит лишь в концепт лексемы. В-третьих, компонент «предметное содержание» уточнен до «лингвистического содержания» на том основании, что «означающее» графемы состоит в ее смыслоразличительной функции, которая и составляет лингвистическое содержание графемы. Кроме того, мы считаем необходимым модифицировать исходную схему концепта, объединив два ее компонента — эмоцию и оценку — по принципу включения, поскольку, во-первых, возникновение их взаимообусловлено, а во-вторых, оценка представляет собой одну из существенных характеристик эмоции — ее модальность.

Полученная концептуальная схема графемы применима по отношению к тексту, который состоит из бессмысленного набора печатных символов (в том числе так называемых псевдослов) или представляет собой воспроизведение знаков алфавита. С другой стороны, если набор символов является связным и цельным (т.е. представляет собой текст в полном смысле этого слова), то на концепт графемы будет накладываться концепт текстовых единиц, набранных данной гарнитурой, в частности, на концепт лексемы как носителя номинативной функции (см. рис. 7).

Рис. 7. Структура концепта лексемы, актуализированной в последовательности гарнитурно-шрифтовых вариантов

Если обозначить концепт графемы как «А», лексемы вне гарнитурно-шрифтовых наслоений — как «Б», то концептуальная схема, отражающая место ГШ в структуре актуализированной лексемы, предполагает два типа: «А» и «АБ» (см. рис. 8):

Рис. 8. Место гарнитуры шрифта в концептуальной системе графемы и лексемы

Тип «А» определим как *изолированный концепт*, имея в виду изоляцию графемы от понятийных наслоений лексемы. Этот вариант можно считать концептом, представляющим реализацию ГШВ «в чистом виде», т.е. при восприятии псевдотекста или любого другого набора знаков, не несущего понятийной нагрузки.

Тип «АБ» назовем *комбинированным концептом*: это определение подчеркивает сосуществование двух вариантов наполнения эмоционального и ассоциативного компонентов, а также компонентов представления и предметного содержания: один из вариантов (обозначен на схеме белой заливкой) обусловлен свойствами собственно ГШВ, другой (черная заливка) — свойствами лексемы. Характер понятийного компонента комбинированного концепта полностью обусловлен наличием его в концепте лексемы.

Сосуществование лексемного и графемного вариантов наполнения компонентов концепта типа «АБ» может выражаться четырьмя основными способами — они способны вступать в отношения:

- а) тождества (на уровне эмоций и ассоциаций);
- б) дополнения (на уровне предметного содержания, представления, эмоций и ассоциаций);
- в) противодействия (на уровне предметного содержания, представления, эмоций и ассоциаций);

г) нейтрализации (также на уровне предметного содержания, представления, эмоций и ассоциаций), т.е. изменять наполнение большинства компонентов концепта «А».

Решение проблемы способа дифференциации особенностей ГШ от компонентов концепта лексемы, таким образом, сводится к разграничению формы и содержания, т.е. в первую очередь — к абстрагированию от понятийного компонента и предметного содержания.

Необходимо учесть, что при игнорировании понятийного компонента слово не может выполнять номинативную функцию и обладает рангом псевдослова. Из выявленных нами факторов, регулирующих восприятие текста посредством ГШ, таким способом следует рассматривать эстетизированную эмоцию: ее возникновение зависит только от формы ГШВ. Но другой фактор — соотнесенность с графемой — актуален только тогда, когда речь идет о смысле слова, который графема различает. Возможно также исследование этого фактора на материале отдельных ГШВ, но в этом случае графема будет рассматриваться не как языковая единица, а как психический эталон печатного знака. Ассоциативность (кроме тех случаев, когда она ориентирована на внетекстовые факторы — например, национальные мотивы, интонацию, характер автора, время создания произведения и др.) также требует присутствия понятийного компонента в целях соотнесения его с визуальными характеристиками ГШВ. Поэтому для исследований регулирующей роли ГШ важны и псевдотексты, и полноценные речевые произведения. Зависимость психолингвистических факторов регуляции от формы и содержания печатного текста, набранного той или иной гарнитурой, схематично представлена на рис. 9:

Рис. 9. Факторы регуляции восприятия: их зависимость от формы и содержания печатного текста

1.5 Выводы

Анализ научного и практического контекста проблемы исследования ГШ с точки зрения ее способности регулировать восприятие печатного текста проводился в трех аспектах: во-первых, с позиции *прагматико-эстетических* предпосылок регуляции; во-вторых, с точки зрения *психологической* теории деятельности (с учетом специфики речевосприятия); а также в рамках *психолингвистического* подхода.

Каждый из трех аспектов исследования послужил цели гипотетического выделения факторов, позволяющих ГШ осуществлять регулирующее воздействие в процессе восприятия.

Прагматико-эстетический контекст проблемы позволил выделить такие факторы, как степень узнаваемости, ассоциативность и эстетизированная эмоция: данные факторы отражают функциональные и структурно-художественные свойства ГШ.

Значение *психологического* подхода состоит, во-первых, в рассмотрении регулирующего потенциала ГШ с точки зрения теории деятельности; во-вторых, в признании за формальной стороной высказывания способности к самостоятельному смыслообразованию; наконец, в выделении психологических факторов, позволяющих ГШ осуществлять регуляцию восприятия: это психический образ, ассоциация и эмоция.

Психолингвистическая интерпретация проблемы проводилась с целью выделения психолингвистически актуальных компонентов регуляции, обусловленных особенностями ГШ. Критерием признания регулирующего потенциала за выделенными на предыдущих этапах теоретического исследования факторами послужило участие каждого из них в смыслообразовании в процессе восприятия печатного текста. На основании психолингвистической интерпретации, т.е. с точки зрения специфики печатного текста как продукта речевой деятельности, выделено три регулирующих фактора: с о о т н е -

сенность с графемой, ассоциативность и эстетизированная эмоция.

Под соотнесенностью с графемой подразумевается способность ГШВ быть распознанным, т. е. данный печатный знак независимо от своих структурно-художественных вариативных качеств может быть возведен к инварианту — абстрактной языковой единице графеме, и в силу этого он способен участвовать в распознавании смысла текста, набранного данной гарнитурой.

Ассоциативность в психолингвистическом аспекте представляет собой способность ГШ вызывать в сознании реципиента ассоциации, объединяющие образ данного ГШВ с образами некоторых фактов действительности, непосредственно не связанных с ГШ, и прежде всего — с содержанием текста. Ассоциативность вовлекает в процесс смыслообразования при восприятии ряд дополнительных смысловых оттенков.

Эстетизированная эмоция — регулирующий фактор, возникающий в результате соотнесения визуальных характеристик ГШВ со шкалой субъективных эстетических ценностей реципиента. Эстетизированная эмоция является значимым фактором регуляции, поскольку эмоции вообще играют важную роль в процессе смыслообразования при перцепции текста.

Названные психолингвистические факторы регуляции выделяются только в рамках единиц графемного уровня, без обращения к более сложным уровням иерархической системы языка, поскольку такой подход позволяет доказать самостоятельную регулятивную значимость формальной стороны высказывания, существующую независимо от плана содержания.

Однако рассмотрение регулирующего воздействия выделенных факторов в некоторых аспектах требует учета понятийного компонента. Это касается, в первую очередь, фактора соотнесенности с графемой, который обуславливает реализацию смыслообразования: этот фактор

особенно актуален, когда речь идет о смысле языковой единицы более высокого ранга, чем графема, хотя возможно исследование этого фактора и на материале отдельных ГШВ, если не рассматривать графему как языковую единицу. Кроме того, а с с о ц и а т и в н о с т ь в тех случаях, когда она ориентирована на взаимосвязь содержания текста и визуальных характеристик ГШВ, также требует наличия понятийного компонента. Э с т е т и з и р о - в а н н а я э м о ц и я, напротив, должна рассматриваться изолированно от плана содержания в целях избежания наслоения эмоциональных компонентов графемы и лексемы друг на друга.

Материалом исследования, с учетом сказанного, должны быть как полноценные тексты (обладающие планом содержания), так и псевдотексты (тексты, искусственно лишённые понятийных компонентов).

При использовании в качестве материала исследования полноценного текста, т.е. содержащего понятийные компоненты, закономерным следствием является наложение регулирующих факторов ГШ на регулирующие факторы языковых единиц более высокого порядка. Указанные факторы в процессе речевой деятельности способны вступать в отношения а) тождества; б) дополнения; в) противодействия; г) нейтрализации и т.д.

Исследование ГШ в аспекте регулирующей функции каждого из выявленных психолингвистических факторов регуляции должно проводиться, таким образом, с учетом их отношения к содержанию текста.

Выявление психолингвистических факторов регуляции носит гипотетический характер и требует экспериментального подтверждения.

ГЛАВА 2

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ГАРНИТУРЫ ШРИФТА

2.1 Методика экспериментального исследования: научные предпосылки, общая характеристика

В главе 1 были гипотетически сформулированы и теоретически обоснованы психолингвистические факторы, обуславливающие специфику реализации регулирующей функции ГШ в процессе восприятия печатного текста. В качестве таких факторов были названы *с о о т н е с е н н о с т ь с г р а ф е м о й , э с т е т и з и р о в а н н а я э м о ц и я и а с - с о ц и а т и в н о с т ь .*

Научные цели экспериментального психолингвистического исследования:

1) проверить указанные факторы на предмет их способности регулировать восприятие печатного текста и при наличии такой способности выявить характер регулирующего воздействия;

2) определить особенности регулирующей способности каждой из исследуемых ГШ;

3) создать классификацию, способную дифференцировать разные ГШ в зависимости от специфики их регулирующего воздействия.

Практические цели экспериментального исследования:

1) составить представление о каждой из анализируемых ГШ с точки зрения их способности облегчать или затруднять восприятие;

2) обозначить диапазон ассоциативных возможностей исследуемых ГШ;

3) определить их эмоционально-эстетические свойства;

4) обозначить наиболее вероятную сферу применения анализируемых гарнитур в аспекте их регулирующих возможностей.

Критерии отбора материала для экспериментального исследования обусловлены спецификой реализации каждого из регулирующих факторов с точки зрения отношения между формой и содержанием печатного текста. Так, для анализа регулирующего потенциала *ассоциативности* необходим текстовый материал, содержащий, помимо гарнитурно-шрифтовой оболочки, понятийный компонент. Исследование *эстетизированной эмоции*, напротив, требует текста, лишенного понятийных наслоений, т. е. псевдотекста, поскольку в противном случае может произойти наслоение эмоционального компонента лексемы на эмоциональный эстетизированный компонент концепта графемы, реализованной в ГШВ. Для анализа регулирующих свойств *соотнесенности с графемой* также нужен связный текст, поскольку в рамках высказывания, содержащего понятийный компонент, реализуется языковая функция графемы — смысловоразличительная.

Прокомментируем более подробно критерии отбора конкретного материала для нашего исследования на каждом из этапов эксперимента.

Исследованию гипотетически предлагаемых факторов регуляции предшествовал этап предварительного отбора шрифтовых гарнитур для анализа. Цель отбора — с помощью статистического метода сформировать круг ГШ, имеющих наибольшую вероятность стать объектом восприятия реципиента и, вследствие этого, оказать регулирующее воздействие на процесс восприятия. Нами был взят ряд периодических изданий, поскольку периодическая печатная продукция наиболее регулярно и последовательно привлекает внимание большинства потенциальных реципиентов. Мы использовали ряд высокотиражных краевых и городских изданий; кроме того, в целях нейтрализации возможного эффекта взаимообусловленности в стиле оформления краевых и городских печатных изданий, и в частности, подражания в исполь-

зовании ГШ, мы включили в эксперимент ряд высокотиражных изданий, выходящих на территории Новосибирской области и практически не распространявшихся по Алтайскому краю на момент проведения эксперимента.

Поскольку предметом нашего исследования является регулирующая функция ГШ, нами были избраны тексты с соответствующей коммуникативной целью, т.е. ориентированные на оказание регулирующего воздействия: тексты рекламных объявлений. Реклама, представляющая собой «форму коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг, а также идеи на язык нужд и запросов потребителя» [Сэндидж, Фрайбургер, Ротцолл, 1989, с. 54], имеет целью регуляцию поведения реципиента: «Прагматические задачи, стоящие... перед работниками рекламы, — побудить людей купить рекламируемые товары или воспользоваться услугами — помогают исследователю рассмотреть реальные задачи, которые стоят перед коммуникантами. Речь действительно служит средством передачи сообщений, в этом нет никаких сомнений; но передача речевых сообщений никогда не является конечной целью общения, эта передача всегда есть только средство достижения других целей, конечной из которых является цель управления деятельностью собеседника» [Оптимизация речевого воздействия, 1990, с. 9–10]. Управление, т.е. регуляция деятельности реципиента, начинается уже в момент перцепции за счет использования разнообразных выразительных средств, в числе которых оказывается и ГШ печатного текста. При этом в числе первых реакций на воспринятое рекламное объявление называют «развлечение или возбуждение», «раздражение», «сопереживание или доброе участие», «замешательство», «усиление приверженности к марке», а также осознание реципиентом «информационной ценности» объявления [Сэндидж, Фрайбургер, Ротцолл, 1989, с. 64].

Рекламное объявление в периодических изданиях представлено в виде оригинал-макета — информационного блока, компактного по объему и содержащего текст, иногда — иллюстративный материал (фотографии, рисун-

ки, схемы и проч.) Текст рекламного оригинал-макета, как правило, имеет четкую визуальную иерархическую организацию — графически акцентированы те компоненты (слова или сочетания слов), которые должны, по расчетам авторов, иметь наибольшую ценность для реципиента и, соответственно, оказать наибольшее регулирующее воздействие на процесс восприятия. В силу этого мы сочли достаточным основанием для статистического определения наиболее частотных ГШ использование их в акцентированных текстовых элементах. Текст, находящийся на периферии внимания реципиента, также обладает регулирующим воздействием, однако оно не сопоставимо с влиянием того текста, который сразу привлекает внимание реципиента, поскольку воспринимающий не только уделяет акцентированным элементам первоначальное внимание, но и при дальнейшем рассмотрении оригинал-макета фиксирует на них взгляд. Эта особенность, как было отмечено в теоретической части работы, экспериментально доказана в отечественной технической литературе, рассматривающей психологию восприятия сложных предметов.

В рекламном оригинал-макете акцентированными оказываются именно те текстовые элементы, которые несут, с точки зрения автора-разработчика оригинал-макета, повышенную смысловую нагрузку. Это позволяет определить их как ключевые слова. Под ключевым словом в лингвистике традиционно понимается «слово или словосочетание из текста..., которое несет в данном тексте существенную смысловую нагрузку с точки зрения информационного поиска» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 73], однако для нашего исследования более адекватным будет определение ключевого слова (КС) как *текстового лексического компонента, который вследствие повышенной смысловой нагрузки акцентирован графически.*

Основным способом графической акцентировки КС в рекламном оригинал-макете является увеличение их размера (кегля) по сравнению с остальным текстом: «Чем крупнее шрифт, тем он графически тяжелее, тем сильнее

его воздействие на читателя, тем активнее его восприятие» [Адамов, Бельчиков, Быкова и др., 1971, с. 85]; «Броский символ берет на себя роль ударного звена, с которого начинается восприятие. Каждый последующий знак в сознании зрителя ведет к расширению образных и логических связей, последовательному обогащению художественного образа и его органическому слиянию с идеей плаката» [Кудин, Ломов, Митькин, 1987, с. 70]. Кроме того, КС выделяются с помощью их пространственной ориентации, в частности, размещаются в так называемом оптическом центре оригинал-макета. Оптический центр представляет собой пространство, расположенное «несколько выше пересечения осевых линий» [Сэндидж, Фрайбургер, Ротцолл, 1989, с. 285], т.е. выше геометрического центра. Сдвиг оптического центра вверх объясняют тем, что нижняя часть объекта «требует большего веса» [Арнхейм, 1974, с. 41], кажется менее значительной, чем верхняя; в силу этого реальный геометрический центр кажется смещенным вниз. Как отмечает Р. Арнхейм, «причиной этой асимметрии являются силы гравитации» [там же]; для того, чтобы преодолеть их и восстановить симметрию, необходимо поместить КС в точку, находящуюся выше геометрического центра. Исследователь отмечает также, что «материал тяготеет к симметричной организации вокруг вертикальной оси» [Арнхейм, 1974, с. 28], что относится, в частности, к КС и является их отличительной характеристикой. Однако даже при наличии зависимости от вертикали КС обладают горизонтальной протяженностью, поскольку представляют собой линейную последовательность букв, удобную и привычную для чтения, а не выстраиваются в вертикальный ряд: «Физиология зрения констатирует, что глазу легче скользить по горизонтали, чем удерживать внимание на вертикали» [Гончарова, 1977, с. 18].

Таким образом, основанием для выделения КС в рекламном оригинал-макете с позиции автора-разработчика является их *повышенная смысловая нагрузка*, а с точки зрения реципиента решающую роль играют визуальные характеристики КС: *размер*, превосходящий размеры остальных слов, *раз-*

мещение в оптическом центре и, как правило, *горизонтальная пространственная протяженность*. Иные основания для выделения КС с позиции реципиента в данном случае нерелевантны. Например, для выявления КС неприемлема концепция гармонического центра как абсолютно сильной позиции текста, в которой «обычно находится содержательно-эмоциональная кульминация произведения» [Москальчук, 1998, с. 64], поскольку те словоформы, которые выявляются при математическом нахождении гармонического центра (методом умножения общего числа словоформ текста на коэффициент 0,618), не несут «кульминационной» нагрузки и не совпадают с графически акцентированными КС. Последние, как правило, располагаются в начале фразы, и с лингвистической точки зрения в данном случае более релевантно говорить о *графическом способе выделения логического ударения* [см., например, Мучник, 1997].

На начальном этапе экспериментального психолингвистического исследования регулирующей функции ГШ с помощью анализа гарнитурно-шрифтовых характеристик КС нами была выделена группа, состоящая из 14 гарнитур, которые, с одной стороны, чаще остальных гарнитур выбираются разработчиками рекламных оригинал-макетов в качестве одного из средств эффективного воздействия на реципиента, а с другой стороны, наиболее часто являются объектом внимания реципиентов. Эта группа гарнитур была сформирована на основании анализа гарнитурно-шрифтовых особенностей КС — носителей основной смысловой и визуальной нагрузки.

Ограничив круг анализируемого материала списком гарнитур, обладающих наиболее высоким регулятивным потенциалом, мы перешли к исследованию действия выделенных ранее гипотетических факторов регуляции.

Первым объектом нашего внимания стала *ассоциативность*, поскольку этот этап вытекал из предыдущего: использование авторами оригинал-макетов тех или иных ГШ можно было соотнести с поня-

тийными компонентами КС. Это представлялось важным, так как в литературе, посвященной композиции рекламного оригинал-макета, отмечают взаимосвязь ГШ и содержания текста: «Человек, размечающий объявление, должен попытаться отобрать шрифты, соответствующие характеру рекламируемого продукта. Например, для рекламы бакалейных товаров, вероятнее всего, потребуются шрифты, которые отличаются от шрифтов, пригодных для объявлений, где говорится о деликатесах, духах и драгоценностях. Для первых следует посоветовать более жирные, тяжелые шрифты; для вторых понадобятся шрифты светлые по тону и более декоративные. Однако в каждом отдельном случае только характер конкретного продукта и текста помогают сделать окончательный выбор» [Саттон, 1978, с. 119]; «Для рекламы разных товаров (свинина и бобы, рыба, мука, апельсиновый мармелад) существуют соответствующие типографские шрифты» [Ланген, Моришат, Вебер, 2001, с. 402]. Выбрав из анализируемых оригинал-макетов ряд КС (наименований товаров или услуг), встречающихся наиболее часто, мы установили для каждого наименования список гарнитур, которыми оно набиралось чаще всего.

Затем в группе реципиентов был проведен ассоциативный эксперимент, связанный с условным, произвольным выбором для каждого из анализируемых КС наиболее подходящего ГШВ (из гарнитур согласно ранее составленному списку), т. е. реципиентам предлагалось выбрать один или несколько вариантов начертания, по их мнению, лучше всего соответствующих данному слову. Эксперимент позволил установить наличие/отсутствие ассоциативности для каждой из анализируемых гарнитур путем соотнесения результатов статистического анализа ассоциативности в оригинал-макетах с полученными в результате опроса реципиентов данными. Реципиенты были заранее дифференцированы на две группы на основании степени их причастности к сфере полиграфической деятельности (причастные и непричастные), поскольку степень причастности, как правило, порождает определенную при-

страстность в отношении к ГШ, что, в свою очередь, обуславливает более эффективное регулирующее воздействие.

Следующий, третий этап экспериментального исследования был направлен на проверку соотносительности с графемой — еще одного гипотетически выявленного фактора регуляции восприятия (при условии принятия гипотезы графемного кодирования при распознавании текста). Анализировалась степень узнаваемости каждой ГШ из сформированной ранее группы наиболее частотных гарнитур. Поскольку узнаваемость предполагает распознавание ГШВ графемы на основании дифференциального анализа «меризмов», эксперимент требовал от реципиента внимательного, детального анализа гарнитуры КС. При восприятии этот анализ осуществлялся реципиентами автоматически, поскольку аналитизм изначально присущ процессу восприятия текста и, в частности, распознаванию буквенных ГШВ: на основании дифференциального анализа реципиент выстраивает значимые признаки (меризмы) в систему и соотносит с целостным абстрактным образом — графемой.

На данном этапе эксперимента реципиентам сначала было предложено из произвольно составленного списка частотных, общеупотребительных слов, набранных разными гарнитурами, исключить те, которые не распознаются вообще или распознаются с трудом. При выборе слов для анкет мы ориентировались на «Карманный русско-французский словарь» [Раевская, 1992] как на издание, содержащее «около 12 тыс. слов современного русского литературного языка, наиболее употребительных в быту и во время путешествий» [Раевская, 1992, с. 2], чтобы избежать возможных затруднений, которые возникли бы при распознавании незнакомых или малознакомых слов; при чтении общеупотребительных слов, напротив, все сложности распознавания были бы обусловлены их графическим обликом. Слова реципиентам были предложены в инвертированном (отраженном относительно вертикали) изображении, чтобы затруднить идентификацию букв. Цель усложнения состоя-

ла в апелляции к способности реципиента мысленно переконструировать зеркальный облик буквы до ее исходного состояния: эта задача была относительно легкой при работе с наиболее удобочитаемыми гарнитурами, те слова, которые распознавались с трудом, предлагалось исключить.

Применение инвертированных ГШВ для исследования регулирующего потенциала соотнесенности с графемой имеет под собой ряд нейро- и психофизиологических оснований.

Во-первых, инвертированное слово, усложняя распознавание, делает процесс перцепции более *произвольным* и *осмысленным* по сравнению с восприятием неинвертированных слов, происходящим непроизвольно, автоматически.

Как отмечает Ю. Б. Гиппенрейтер, «непроизвольные акты обычно протекают «легко», «сами собой», и вопрос о степени напряженности в отношении их не встает. Затруднить перцептивное действие, сделать его более напряженным можно путем создания таких стимульных условий, которые не способствуют или даже противодействуют решению перцептивной задачи» [Гиппенрейтер, 1978, с. 178]. Усложнение условий перцепции, согласно позиции исследователя, влияет на «интенсивность зрительного внимания», которая, в свою очередь, реализуется в «различной степени осознанности того зрительного содержания, на которое в данный момент направлен взор» [Гиппенрейтер, 1978, с. 228]. Ценность использования инвертированного ГШВ, таким образом, состоит в возможности получения осмысленной, а не спонтанной реакции.

Во-вторых, зеркально отраженные ГШВ применимы для исследования соотнесенности с графемой, поскольку, несмотря на качественные изменения, искажения печатного знака, при его распознавании реципиент учитывает *те же дифференциальные смыслоразличительные признаки, что и при анализе прямого изображения, соотнося их с той же самой графемой*. Это обусловлено таким свойством восприятия, как инвариантность, которая понима-

ется в нейрофизиологии, по формулировке Н. П. Локаловой, как «способность человека воспринимать и узнавать объект как тот же самый независимо от изменения его местоположения в поле зрения, изменения размеров, цвета, внесения дополнительных элементов и т. п.» [Локалова, 1975, с. 81]. Нейрофизиологический смысл инвариантности состоит в том, что при восприятии объектов в инвариантном и неинвариантном состояниях «восходящие афферентации на определенном этапе своего следования всегда приходят к одной и той же нервной структуре» [Локалова, 1975, с. 82].

Включить инверсию в ряд допустимых вариативных искажений исходного образа, т. е. графемы (а не определять инвертированный ГШВ как качественно новый печатный знак, требующий наличия соответствующей графемы) позволяет ряд психологических и психофизиологических исследований, направленных на изучение специфики восприятия инвертированных образов. В отечественной и зарубежной литературе описаны эксперименты, констатирующие факт адаптации. Немецкий психолог В. Ханкер установил, что «в случае наличия помех в окружающей среде мы можем наблюдать только адаптационно-регуляторную функцию зрительной системы без адаптации восприятия» [Ханкер, 1969, с. 45]. Последующие работы в этом направлении углубляют понимание адаптации. Английский профессор бионики Р. Грегори, подводя итог исследованиям психологов К. У. Смита и Дж. М. Стрэттона, проводимым начиная с 90-х гг. XIX в., констатирует не частное проявление приспособительной функции органов зрения, а «реорганизацию перцептивной системы» [Грегори, 1970, с. 238], при этом время полной адаптации составляет, согласно полученным данным, 7–8 дней. В отечественной психологии адаптационные процессы рассматриваются как особый вид деятельности [Леонтьев, 1976; Логвиненко, 1976; Столин, 1976]. А. Н. Леонтьев определяет суть адаптации следующим образом: «Инверсия создает противоречие между структурациями зрительной чувственной ткани (внутри себя “правильными”!) и целокупным предметным миром, как он выступает для человека в

значениях, впитавших в себя обобщенный опыт человеческой практики. Это противоречие и находит свое выражение в потере константности зрительно воспринимаемых фрагментов... Происходящая адаптация к зрительно перевернутому полю осуществляется субъектом посредством активных, сменяющих друг друга перцептивных действий и операций («стратегий»). Именно благодаря этим операциям и достигается согласованность инвертированных зрительных фрагментов с миром, как он существует независимо от тех сенсорных модальностей, в которых он субъективно отражается» [Леонтьев, 1976, с. 25–26]. Иными словами, адаптация — это сложная целенаправленная деятельность по восстановлению нарушенного инварианта структуры.

А. Д. Логвиненко, говоря о способах адаптации, отмечает: «Для зрительной системы существует два пути построения нормального видимого мира: либо видимое поле изменит ориентацию, либо на основе инвертированного видимого поля будет построен правильно ориентированный мир» [Логвиненко, 1976, с. 237]. С точки зрения второго пути, т. е. в аспекте деятельности реципиента полная перцептивная адаптация — это «возможность совершать транспозицию виртуальной позиции наблюдателя для любого оптического поля, то есть поля любой ориентации и любого предметного содержания» [Логвиненко, 1976, с. 256]. Психология восприятия предполагает наличие определенного ориентира, «системы отсчета», которая «способна задать субъективную позицию» [Лернер, 1980, с. 122]; применительно к восприятию инвертированного объекта таким ориентиром является «схема тела», которая в данном случае «существует... в виде виртуальной позиции наблюдателя» [Логвиненко, 1976, с. 256]. Это означает, что реципиент мысленно разворачивает воспринимаемый объект относительно вертикальной оси во фронтальной плоскости своего корпуса. Что касается нейрофизиологической природы полной и устойчивой адаптации, то она базируется на способности нейронов к «обучению», формирующей «функциональную межнейронную связь» [Вартанян, Пирогов, 1991, с. 102].

Наконец, еще одним доводом в пользу применения инвертированных ГШВ для изучения регулирующей функции соотнесенности с графемой является *относительная легкость адаптационных процессов*, что делает эксперимент не слишком обременительным для реципиента и не создает негативной мотивации в процессе перцепции. Этим инвертированное изображение выгодно отличается от реверсивного (зеркально отраженного относительно горизонтальной оси, т. е. перевернутого сверху вниз): как показали описанные Р. Грегори опыты К. У. Смита, «переворачивание изображения сверху вниз, как правило, дает большие нарушения, чем слева направо» [Грегори, 1970, с. 234]. В коммуникативно-прагматическом аспекте это означает, что инвертированность ГШВ как «коммуникативная помеха» удовлетворяет принципам «коммуникативной эффективности» и «достаточности» [Голев, 2000].

После проведения эксперимента с инвертированными начертаниями и исключения неудобочитаемых оставшимися (наиболее удобочитаемыми) гарнитурами были набраны небольшие связные тексты, которые реципиенты должны были оценить с точки зрения удобочитаемости. Особенность текстов состояла в насыщенности специальными терминами, значение которых не известно широкому кругу читателей. Функция терминов заключалась в некотором усложнении восприятия за счет снятия эффекта быстрой узнаваемости слова как привычной последовательности букв.

По итогам данного двуступенчатого этапа эксперимента нами был составлен список наиболее удобочитаемых ГШ и проанализированы их структурные особенности, позволяющие этим гарнитурам наиболее легко соотноситься с графемой.

Последний, четвертый этап эксперимента был направлен на проверку третьего гипотетически выявленного фактора, позволяющего ГШ регулировать восприятие печатного текста — фактора э с т е т и з и р о в а н н о й э м о ц и и . Основанием для выделения указанного фактора послужили эс-

стетические свойства ГШ, т.е. соответствие графического облика шрифта субъективному представлению реципиента о прекрасном и безобразном. Это обусловило методику данного экспериментального этапа: реципиентам предлагалось из двух предложенных парадигм слов, одна из которых маркировала эмоцию, а вторая — эстетические качества, выбрать слова, которые актуальны по отношению к данной гарнитуре (из списка гарнитур, отобранных на первом этапе эксперимента).

Выбор *эмоциональных маркеров* должен основываться на определенной классификации эмоций, позволяющей ориентироваться в основных эмоциональных состояниях человека. Однако, как отмечает В. К. Вилюнас, «Провести исчерпывающую классификацию ведущих эмоциональных явлений не представляется возможным, так как потребности ни у животных, ни у людей не обнаруживают единообразия, и варьируют в первом случае — в зависимости от вида, во втором — от социальных факторов» [Вилюнас, 1976, с. 106].

П. В. Симонов полагает: «Поскольку в основе любой эмоции лежит соответствующая потребность, поскольку в одно и то же время могут оказаться актуализированными несколько потребностей с разной вероятностью их удовлетворения, сколько-нибудь полная классификация эмоций представляется делом хотя и увлекательным, но безнадежным» [Симонов, 1966]. Исследователь предпринимает попытку классифицировать эмоции [Симонов, 1966], исходя из того, что, во-первых, должна быть учтена их модальность (положительная и отрицательная, зависящая от «вероятности достижения цели»), во-вторых, в основание классификации должен быть положен «характер взаимодействия живых существ с объектами, способными удовлетворить имеющуюся потребность» [Симонов, 1987, с. 74]. С учетом сказанного им выделены четыре пары «базисных» эмоций:

- 1) удовольствие — отвращение;
- 2) радость — горе;
- 3) уверенность — страх;

4) торжество — ярость [Симонов, 1966].

А. Т. Злобин, также исходя из того, что «эмоции непосредственно связаны с потребностями человека, основываются на них и отражают степень их удовлетворения» [Злобин, 1991, с. 96], выделяет три пары зеркально противоположных базовых эмоций:

- 1) гнев — стыд;
- 2) грусть — радость;
- 3) страх — бесстрашие,

на пересечении которых образуются 36 эмоций, отраженных в предлагаемой исследователем матрице (см. рис. 10), где доминирующие эмоциональные компоненты находятся в горизонтальной строке заголовка таблицы, а подчиненные — в вертикальном столбце:

Эмоции	Бс	Рд	Сд	Гн	Гр	Сх
Бс	66 безоглядность	56 торжество	46 неловкость	36 недовольство	26 печаль	16 оторопь
Рд	65 бесповоротность	55 ликование	45 конфуз	35 негодование	25 кручина	15 испуг
Сд	64 бестрепетность	54 упоение	44 срам	34 бешенство	24 уныние	14 трепет
Гн	63 безбоязненность	53 потеха	43 позор	33 ярость	23 скорбь	13 боязнь
Гр	62 невозмутимость	52 веселье	42 смущение	32 возмущение	22 горе	12 содрогание
Сх	61 решимость	51 отрада	41 смятение	31 ожесточение	21 огорчение	11 ужас

Рис. 10. Матрица (поле) эмоций [Злобин, 1991]

Американский психолог К. Изард [1980; 2000] выделяет 16 фундаментальных эмоций, распределяя их попарно в зависимости не от модальности, а от интенсивности проявления:

- 1) интерес — возбуждение;
- 2) удовольствие — радость;
- 3) удивление — испуг;

- 4) горе — страдание;
- 5) отвращение — омерзение;
- 6) гнев — ярость;
- 7) стыд — унижение;
- 8) страх — ужас [Изард, 2000].

При этом исследователь основывается, как следует из классификации, и на причинно-следственных отношениях между эмоциональными состояниями.

С учетом имеющихся вариантов классификации эмоций нами были выделены, во-первых, четыре модально противоположные пары *эмоциональных* характеристик:

- 1) торжественный — пугающий;
- 2) беззаботный — тревожный;
- 3) веселый — грустный;
- 4) добрый — злой;

во-вторых, к ним были добавлены две эмоционально индифферентные характеристики — «нейтральный» и «спокойный». Общее количество эмоциональных маркеров (10) практически не превышает среднего объема разовой перцепции (7–9 стимулов), что важно для предупреждения негативной мотивации в ходе эксперимента.

Состав парадигмы 10 *эстетических* маркеров был ориентирован на богатство лексикона русского языка [Словарь русского языка, 1981; Львов, 1984; Александрова, 1986]. В итоге было сформировано 5 антонимических пар:

- 1) красивый — уродливый;
- 2) изящный — неуклюжий;
- 3) привлекательный — отталкивающий;
- 4) выразительный — невзрачный;
- 5) декоративный — строгий.

Антонимические оппозиции обеих парадигм — и эмоциональной, и эстетической — не были обозначены графически (друг напротив друга) в целях избежания автоматизма выбора эпитетов в процессе восприятия задания анкеты.

По итогам эксперимента для каждой из гарнитур был выявлен набор эстетических качеств, приписываемых ей реципиентами наиболее часто, а также выявлена модальность эмоций, вызываемых этой ГШ наиболее часто. Материалом для эксперимента послужили таблицы символов гарнитур, т.е. экспериментальный материал был лишен понятийного компонента, поскольку при оценке эстетизированной эмоции требовалось избежать наложения эмоций, обусловленных понятийными компонентами.

Реципиенты на третьем и четвертом этапах эксперимента, так же, как и на втором, были дифференцированы на две группы — по наличию/ отсутствию их профессиональной близости к сфере полиграфии, поскольку это обуславливает отношение воспринимающего субъекта, в частности, к ГШ: чья деятельность не связана с полиграфией, относится к ГШ более нейтрально и в целом объективно, тот, кто, напротив, по роду своих занятий сталкивается с проблемой выбора либо оценки гарнитуры, как правило, является пристрастным судьей. На пересечении этих двух позиций возможно выявление общих, универсальных особенностей анализируемых ГШ в конкретном исследуемом аспекте.

Эксперименты проводились в естественных, привычных для реципиента условиях восприятия печатного текста, т. е. внешние по отношению к ГШ обстоятельства были стандартными. Норма условий восприятия выработана практикой и описана в ранних исследованиях по восприятию типографских шрифтов. Так, Р. Пайк [Руке, 1926] в качестве естественных условий называет следующие:

- 1) нормальная поза читателя;
- 2) нормальное освещение;

- 3) горизонтальное расположение строк, находящихся одна под другой;
- 4) приблизительное соотношение количества строчных и прописных букв 9:1;
- 5) черный цвет текста на белом фоне;
- 6) расстояние между глазами и текстовым материалом — от 6 до 16 дюймов (15,24–40,64 см) [Рукс, 1926].

Описываемые в нашей работе эксперименты проводились при дневном либо искусственном освещении и нормальной позе реципиентов (сидящих за столом), на материале однокрасочных (черных), распечатанных лазерным принтером на белой бумаге текстов, состоящих в основном из расположенных друг под другом строк. Тексты воспринимались на расстоянии 20–40 см от глаз реципиентов, под углом зрения 30° – 80° над линией горизонта. Образцы анкет всех этапов эксперимента представлены в Приложении 4.

2.2 Ход экспериментального исследования

2.2.1 Первый этап экспериментального исследования: предварительный отбор гарнитур для анализа

Целью первого этапа экспериментального исследования стало осуществление отбора тех ГШ, которые имеют наибольшую вероятность стать объектом внимания реципиента и, соответственно, осуществить регуляцию процесса восприятия печатного текста.

В качестве материала нами были использованы рекламные оригинал-макеты, опубликованные в высокотиражных периодических изданиях. Мы обратились к местным газетам: во-первых, к городской газете «Вечерний Барнаул» (еженедельный тираж — от 30 000 экземпляров, объем 4 полосы формата А2, периодичность — 4 раза в неделю), во-вторых, к краевой газете «Алтайская правда» (тираж — 90 000 экземпляров, периодичность — 4 раза в

неделю объемом 4 полосы формата А2, 1 раз в неделю — 24 полосы формата А3), в-третьих, к еженедельнику «Купи-продай» (тираж — от 30 000 экземпляров, объем 52 полосы формата А3), наконец, к еженедельному изданию «Маркет-Экспресс» (тираж — 6 000 экземпляров, объем 32 полосы формата А3). Выбор газет для первого этапа эксперимента был обусловлен не только их высоким тиражом, но и разной целевой ориентацией: газеты «Алтайская правда» и «Вечерний Барнаул» являются преимущественно новостными, газета «Купи-продай» — рекламной, а «Маркет-Экспресс» — дайджестом российской и зарубежной прессы, носящим неностной характер.

Несмотря на то, что все указанные издания готовятся к печати в разных организациях с разными штатами сотрудников, мы допускаем вероятность эффекта взаимообусловленности оформления рекламных оригинал-макетов в рамках одного региона — Алтайского края, т.е. возможность возникновения определенной тенденции в использовании одних и тех же ГШ разными разработчиками оригинал-макетов (операторами ПК). Поэтому для чистоты эксперимента мы использовали также два высокотиражных рекламных еженедельника, проходящих допечатную подготовку и издающихся в г. Новосибирске Новосибирской области и практически не распространяющихся на момент проведения эксперимента на территории Алтайского края: газеты «Коммерческие предложения» (тираж 35 000 экземпляров, объем, превышающий 32 полосы формата А3) и «Сибирский еженедельник Реклама» (тираж 25 000 экземпляров, объем, превышающий 32 полосы формата А3).

Тираж, периодичность, объем, формат и рынок сбыта всех перечисленных печатных изданий указываются нами с учетом состояния этих показателей на момент проведения эксперимента.

Для экспериментального исследования нами были использованы несколько произвольно взятых номеров указанных изданий, вышедших в течение 2000 г.: по 20 номеров газет, объем которых преимущественно не превышает 4 полосы формата А4 («Алтайская правда», «Вечерний Барнаул») и

по 10 номеров газет, объем которых равен 32 полосам формата А3 либо превышает его («Купи-продай», «Маркет-Экспресс», «Коммерческие предложения» и «Сибирский еженедельник Реклама»). В рамках каждого номера анализировались все рекламные оригинал-макеты, за исключением повторяющихся. В каждом оригинал-макете мы находили КС, определяли гарнитуру, которой они набраны (как правило, ГШВ встречались в полужирном начертании и были набраны в регистре прописных). Затем оригинал-макеты группировались нами на основании гарнитурно-шрифтовой характеристики КС. Всего на данном этапе эксперимента было обработано 1087 оригинал-макетов. Статистические результаты первого этапа эксперимента отражены в табл. 1–7.

Таблица 1

Гарнитуры, используемые в ключевых словах оригинал-макетов газеты
«Алтайская правда»

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Futuris*	70	38,88
Compact	28	15,55
Pragmatica*	15	8,33
Times New Roman Cyrillic*	11	6,11
Cooper	10	5,55
Xenia	10	5,55
Adver Gothic	6	3,33
Inform*	6	3,33
Souvenir*	6	3,33
Cricket*	5	2,76
Izhitsa	3	1,66
Revue	3	1,66
Academy*	2	1,11
Baltica*	2	1,11

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Electron	1	0,56
Proun	1	0,56
Windsor	1	0,56
Итого	180	

Примечания:

1) названия гарнитур здесь и далее даны латинницей, согласно написанию, принятому в операционной системе Windows;

2) знаком [*] здесь и далее отмечены гарнитуры, встречающиеся в проанализированных оригинал-макетах только в полужирном начертании.

Таблица 2

Гарнитуры, используемые в ключевых словах оригинал-макетов газеты
«Вечерний Барнаул»

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Pragmatica*	20	31,25
Futuris*	15	23,44
Adver Gothic	5	7,81
Cricket*	4	6,25
Cooper	3	4,69
Parsek	3	4,69
Compact	2	3,13
Cyrillic Gothic	2	3,13
Park Avenue	2	3,13
Baltica*	1	1,56
Bauhaus	1	1,56
Electron	1	1,56
Inform*	1	1,56
Izhitsa	1	1,56
Lazursky	1	1,56
Souvenir*	1	1,56
Times New Roman Cyrillic*	1	1,56
Итого	64	

Таблица 3

Гарнитуры, используемые в ключевых словах оригинал-макетов газеты
«Купи-продай»

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Futuris*	36	28,13
Inform*	16	12,50
Compact	15	11,72
Xenia	14	10,94
Pragmatica*	13	10,12
Cooper	9	7,03
Adver Gothic	7	5,47
Derby	3	2,34
Proun	3	2,34
Bauhaus	2	1,56
Cricket*	2	1,56
Souvenir*	2	1,56
Bengaly*	1	0,78
Granit*	1	0,78
Izhitsa	1	0,78
Rubic	1	0,78
Tractir	1	0,78
Windsor	1	0,78
Итого	128	

Таблица 4

Гарнитуры, используемые в ключевых словах оригинал-макетов газеты
«Маркет-Экспресс»

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Pragmatica*	19	25,00
Compact	17	22,34
Adver Gothic	11	14,47
Futuris*	6	7,89
Times New Roman Cyrillic*	6	7,89
Cricket*	5	6,58
Cooper*	5	6,58
Baltica*	3	3,95
Granit*	1	1,34
Herold	1	1,34
Inform*	1	1,34
University	1	1,34
Итого	76	

Таблица 5

Гарнитуры, используемые в ключевых словах оригинал-макетов газеты
«Коммерческие предложения»

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Futuris*	95	29,14
Cooper	59	18,10
Xenia	47	14,42
Cricket*	21	6,44
Compact	18	5,52
Pragmatica*	17	5,21
Times New Roman Cyrillic*	11	3,37
Inform*	8	2,45

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Izhitsa	7	2,15
Bauhaus	6	1,84
Revue	6	1,84
Granit*	5	1,53
Academy*	4	1,23
BanBic	4	1,11
Adver Gothic	2	0,61
Betina Script	2	0,61
Souvenir*	2	0,61
Tractir	2	0,61
Windsor	2	0,61
Bengaly*	1	0,31
Brick	1	0,31
Cyrillic Gothic	1	0,31
Cyrillic Hover	1	0,31
Herold	1	0,31
Mysl*	1	0,31
Proun	1	0,31
Zapf	1	0,31
Итого	326	

Таблица 6

Гарнитуры, используемые в ключевых словах оригинал-макетов газеты
«Сибирский еженедельник Реклама»

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Futuris*	61	19,46
Pragmatica*	48	15,34
Cooper	32	10,22
Adver Gothic	27	8,65
Xenia	23	7,34
Cricket*	21	6,44
Compact	14	4,47

Гарнитура	Количество оригинал-макетов	Процент от общего числа
Times New Roman Cyrillic*	12	3,83
Inform*	11	3,51
Bengaly*	10	3,20
Tractir	10	3,20
Herold	7	2,25
Izhitsa	7	2,25
Souvenir*	7	2,25
Granit	6	1,95
Proun	5	1,60
Electron	4	1,28
Academy*	3	0,96
Courier	3	0,96
Windsor	3	0,96
Cyrillic Gothic	2	0,64
Park Avenue	2	0,64
Rubic	2	0,64
Aksent	1	0,32
Betina Script	1	0,32
Brick	1	0,32
Skazka for Serge	1	0,32
Tornado	1	0,32
Итого	313	

Таблица 7

Средний процент частотности гарнитур

Гарнитура	«Алтайская правда»	«Вечерний Барнаул»	«Купи–продай»	«Маркет-Экспресс»	«Коммерческие предложения»	«Сибирский еженедельник Реклама»	Итого	Средний процент
Futuris*	70	15	36	6	95	61	283	26,03
Pragmatica*	15	20	13	19	17	48	132	12,14
Cooper	10	3	9	5	59	32	118	10,86
Xenia	10	–	14	–	47	23	94	8,65
Compact	28	2	15	17	18	14	93	8,65
Adver Gothic	6	5	7	11	2	27	58	5,34
Cricket*	5	4	2	5	21	9	46	4,23
Inform*	6	1	16	1	8	11	43	3,96
Times New Roman Cyrillic*	11	1	–	6	11	12	41	3,77
Izhitsa	3	1	1	–	7	7	19	1,75
Souvenir*	6	1	2	–	2	7	18	1,66
Granit*	–	–	1	1	5	6	13	1,12
Tractir	–	–	1	–	2	10	13	1,12
Bengaly*	–	–	1	–	1	10	12	1,10
Proun	1	–	3	–	1	5	10	0,92
Academy*	2	–	–	–	4	3	9	0,83
Bauhaus	–	1	2	–	6	–	9	0,83
Herold	–	–	–	1	1	7	9	0,83
Revue	3	–	–	–	6	–	9	0,83

Гарнитура	«Алтайская правда»	«Вечерний Барнаул»	«Купи-продай»	«Маркет-Экспресс»	«Коммерческие предложения»	«Сибирский еженедельник Реклама»	Итого	Средний процент
Windsor	1	–	1	–	2	3	7	0,64
Baltica*	2	1	–	3	–	–	6	0,55
Electron	1	1	–	–	–	4	6	0,55
Cyrillic Gothic	–	2	–	–	1	2	5	0,46
BanBic	–	–	–	–	4	–	4	0,37
Park Avenue	–	2	–	–	–	2	4	0,37
Betina Script	–	–	–	–	2	1	3	0,28
Courier	–	–	–	–	–	3	3	0,28
Derby	–	–	3	–	–	–	3	0,28
Parsek	–	3	–	–	–	–	3	0,28
Rubic	–	–	–	–	1	1	2	0,18
Brick	–	–	–	–	1	1	2	0,18
Aksent	–	–	–	–	–	1	1	0,09
Cyrillic Hover	–	–	–	–	1	–	1	0,09
Lazursky	–	1	–	–	–	–	1	0,09
Mysl	–	–	–	–	1	–	1	0,09
Skazka for Serge	–	–	–	–	–	1	1	0,09
Tornado	–	–	–	–	–	1	1	0,09
University	–	–	–	1	–	–	1	0,09
Zapf	–	–	–	–	1	–	1	0,09
Итого							1087	

На основании данных статистического анализа итогом первого этапа экспериментального исследования регулирующей функции ГШ стало составление списка гарнитур, наиболее часто используемых при создании рекламных оригинал-макетов. В список мы включили (в порядке убывания) те гарнитуры, средний процент использования которых превышает единицу (рис. 11).

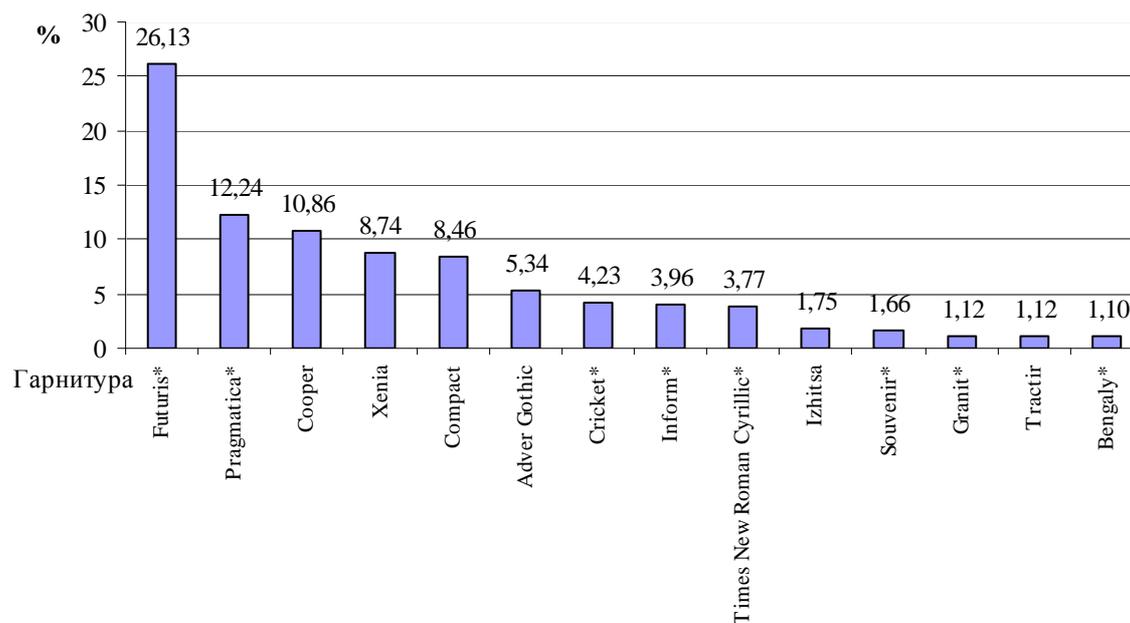

Рис. 11. Гарнитуры, наиболее часто используемые при создании рекламных оригинал-макетов

2.2.2 Второй этап экспериментального исследования: проверка регулирующей функции фактора ассоциативности

Дальнейшее экспериментальное исследование было ориентировано на проверку гипотезы о трех факторах, позволяющих ГШ осуществлять регуляцию восприятия печатного текста. Второй этап эксперимента был направлен на исследование фактора а с с о ц и а т и в н о с т и , т. е. на выявление соотнесенности визуальных графических характеристик гарнитурно-шрифтовых вариантов с понятийными компонентами концепта слов, набранных конкретной гарнитурой.

Нами был составлен список КС, наиболее часто встречающихся в проанализированных оригинал-макетах и представляющих собой наименования товаров и услуг, чаще всего предлагаемых в использованных печатных изданиях (приводится в алфавитном порядке):

1. Автозапчасти.	8. Мука.
2. Вино.	9. Печенье.
3. Железнодорожные перевозки.	10. Пиво.
4. Зерно.	11. Сахар.
5. Канцелярские товары.	12. Шины.
6. Лом.	13. Яйцо.
7. Масло.	

На материале этих КС мы рассчитывали установить *наличие/отсутствие ассоциативных связей между ГШ и понятием, выражаемым данными словами.*

Во-первых, мы статистическим путем установили ряд гарнитур (из составленного ранее списка наиболее частотных), которыми каждое из избранных тринадцати КС набиралось в оригинал-макетах чаще всего. Результаты подсчетов, отраженные в табл. 8, свидетельствуют о наличии определенных предпочтений разработчиков оригинал-макетов в выборе той или иной ГШ для каждого КС.

Таблица 8

Частотность использования гарнитур для набора ключевых слов

Гарнитура	Автозапчасти	Вино	Железнодорожные перевозки	Зерно	Канцелярские товары	Лом	Масло	Мука	Печенье	Пиво	Сахар	Шины	Яйцо
Futuris*	6	–	1	4	8	8	7	13	–	1	6	–	2
Pragmatica*	3	–	2	1	4	4	5	4	–	–	4	2	–
Cooper	2	–	–	3	–	2	6	5	3	1	1	3	5
Xenia	4	–	2	2	1	3	4	1	2	1	1	3	1
Compact	6	–	3	1	2	2	4	4	1	1	2	–	1
Adver Gothic	2	–	1	–	1	2	–	1	–	–	2	1	1
Cricket*	1	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–
Inform*	–	–	–	–	1	–	2	3	–	–	–	–	1
Times New Roman Cyrillic*	–	–	1	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–
Izhitsa	–	2	–	2	–	–	–	2	–	–	–	–	–
Souvenir*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Granit*	–	–	–	–	–	–	1	1	1	–	–	3	–
Tractir	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
Bengaly*	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	24	2	10	13	17	22	31	35	7	4	7	12	12

Чтобы узнать, можно ли считать подобные предпочтения закономерностью, мы провели ассоциативный эксперимент в группе реципиентов. Результаты опроса испытуемых должны были, по нашим расчетам, установить либо опровергнуть наличие закономерной связи между значением слова и его гарнитурно-шрифтовой характеристикой, т.е. показать наличие/отсутствие ассоциативности. Задание анкет №1 и №2 (образцы представлены в Приложении 4) состояло в выборе из списка разных гарнитурно-шрифтовых начертаний данного КС одного или нескольких вариантов, которые, с точки зрения реципиентов, больше всего соответствуют этому слову: ответить на вопрос «Какой шрифт, по-вашему, больше всего подходит для каждого из этих слов?»

На данном этапе экспериментального исследования мы опросили 142 человека: 78 человек, деятельность которых не связана с полиграфией вообще и с проблемой выбора ГШ в частности (I группа) и 64 человека, имеющих отношение к издательской деятельности и сталкивающихся в своей практической деятельности с проблемой выбора ГШ (II группа). В I группу вошли лица как мужского, так и женского пола, в возрасте от 12 до 74 лет, учащиеся 4, 5, 6, 8, 9 и 10 классов средней школы, люди со средним общим и специальным образованием, а также с высшим (медицинским, музыкальным, техническим и филологическим) образованием. Реципиенты II группы были также мужского и женского пола, в возрасте от 19 до 70 лет, имеющие среднее общее, среднее специальное, неполное высшее и высшее образование (математическое, медицинское, психологическое, техническое, филологическое, экономическое образование, и закончившие факультет иностранных языков), а также имеющие ученую степень кандидата медицинских наук. По роду деятельности большинство респондентов II группы могли считаться профессионалами в области полиграфии: в эту группу входили сотрудники издательства Алтайского государственного университета, Центра информационных технологий Алтайского государственного медицинского университета, газе-

ты «Медик Алтай», рекламного агентства «Перспект»; кроме того, в эту группу вошли учащиеся компьютерных курсов при Центре информационных технологий Алтайского государственного медицинского университета, осваивающие профессиональные текстовые и графические редакторы (Microsoft Word, Adobe Photoshop и др.).

Результаты опроса реципиентов обеих групп отражены в табл. 9.

Для того, чтобы выявить наличие/отсутствие закономерностей в соответствии значения слова определенному гарнитурно-шрифтовому варианту, т. е. установить наличие ассоциативности, мы соотнесли результаты, полученные в обеих группах, друг с другом и с данными, выявленными на первом этапе экспериментального исследования, в ходе статистического анализа частотности использования гарнитур для КС в рекламных оригинал-макетах. Процентные данные сопоставительного анализа наглядно представлены в табл. 10.

Таблица 9

Результаты ассоциативного эксперимента в I–II группах

Гарнитура	Автозапчасти		Вино		Железнодорожные перевозки		Зерно		Канцелярские товары		Лом		Масло		Мука		Печенье		Пиво		Сахар		Шины		Яйцо		
	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	I	II	
Группы																											
Futuris*	7	11	3	1	8	1	2	3	–	1	19	8	7	3	8	11	2	1	2	3	2	4	5	4	3	6	
Pragmatica*	15	8	3	3	14	4	7	3	5	4	12	3	2	1	8	6	3	3	3	3	5	6	8	9	8	9	
Cooper	8	–	5	3	5	3	5	11	7	3	5	1	8	13	14	4	12	6	15	4	8	1	10	11	12	11	
Xenia	5	6	7	4	3	11	8	3	–	6	2	9	3	4	2	1	–	3	–	–	2	1	–	3	2	3	
Compact	3	3	–	1	5	9	2	3	3	4	3	1	5	–	3	–	2	3	2	–	3	4	2	1	2	1	
Adver Gothic	12	14	5	1	10	6	14	4	15	6	10	8	5	6	2	3	14	4	8	6	8	6	10	9	8	9	
Cricket*	8	8	7	4	5	11	12	3	10	1	5	8	5	1	14	–	8	4	3	6	10	8	14	14	5	1	
Inform*	2	1	10	6	2	1	7	3	14	17	–	–	12	3	5	1	8	3	7	6	3	3	5	1	7	4	
Times New Roman Cyrillic*	2	8	7	4	7	4	–	1	7	6	5	3	5	6	3	9	–	8	8	–	5	9	3	6	3	1	
Izhitsa	5	–	14	13	7	–	12	15	3	1	2	–	19	14	14	17	5	4	5	6	15	1	3	–	5	4	
Souvenir*	2	3	8	3	–	1	2	4	2	1	3	4	2	4	–	3	15	8	–	3	3	3	3	1	–	8	
Granit*	5	–	3	6	2	1	5	3	8	1	10	14	2	3	–	4	3	8	19	18	8	8	8	1	5	3	
Tractir	2	–	2	3	2	6	–	1	2	3	–	–	–	1	2	–	–	3	3	1	–	1	–	–	–	–	
Bengaly*	–	1	2	6	7	–	2	3	–	4	2	3	–	1	2	1	3	3	–	4	2	4	5	–	7	–	

Таблица 10

Процент соотношения анализируемых гарнитур с ключевыми словами
в рекламных оригинал-макетах («Р»), в I и II группах реципиентов («I» и «II»)

Гарнитура	Автозапчасти			Вино			Железнодорожные перевозки			Зерно			Канцелярские товары			Лом			Масло			Мука			Пе-ченье			Пиво			Сахар			Шины			Яйцо											
	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II									
Группы	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II	Р	I	II
Futuris*	25	9	17	-	4	2	10	11	2	31	2	5	47	-	2	36	24	12	22	9	5	37	11	17	-	2	2	25	2	5	35	2	7	-	7	7	17	4	10									
Pragmatica*	12	20	12	-	4	5	20	18	7	8	9	5	23	7	7	18	15	5	16	2	2	11	11	10	-	4	5	-	4	5	23	7	10	17	11	15	-	11	15									
Cooper	8	11	-	-	7	5	-	7	5	23	7	17	-	9	5	9	7	2	19	11	20	14	18	7	43	15	10	25	20	7	6	11	2	25	13	17	42	15	17									
Xenia	17	7	10	-	9	7	20	4	17	15	11	5	6	-	10	13	2	15	13	4	7	3	2	2	28	-	5	25	-	-	6	2	2	25	-	5	8	2	5									
Compact	12	4	5	-	-	2	30	7	15	8	2	5	11	4	7	9	4	2	13	7	-	11	4	-	14	2	5	-	2	-	12	4	7	-	2	2	8	2	2									
Adver Gothic	8	15	22	-	7	2	10	13	10	-	18	7	6	20	10	9	13	12	-	7	10	3	2	5	-	18	7	-	11	10	12	11	10	8	13	15	8	22	15									
Cricket*	4	11	12	-	9	7	-	7	17	-	15	5	-	13	2	4	7	12	-	7	2	3	18	-	-	11	7	-	4	10	-	13	12	-	18	22	-	7	2									
Inform*	-	2	2	-	13	10	-	2	2	-	9	5	6	18	27	-	-	-	6	15	5	8	7	2	-	11	5	-	9	10	-	4	5	-	7	2	8	9	7									
Times New Roman Cyrillic*	-	2	12	-	9	7	10	9	7	-	-	2	-	9	10	-	7	5	6	7	10	-	4	15	-	-	12	-	11	-	-	7	15	-	4	10	-	4	2									
Izhitsa	-	7	-	100	18	20	-	9	-	15	15	24	-	4	2	-	2	-	-	24	22	6	18	27	-	7	7	-	7	10	-	20	2	-	4	-	-	7	7									
Souvenir*	-	2	5	-	11	5	-	-	2	-	2	7	-	2	2	-	4	7	-	2	7	-	-	5	-	20	12	-	-	5	-	4	5	-	4	2	-	-	12									
Granit*	-	7	-	-	4	10	-	2	2	-	7	5	-	11	2	-	13	22	3	2	5	3	-	7	14	4	12	-	24	29	-	11	12	25	11	2	-	7	5									
Tractir	-	2	-	-	2	5	-	2	10	-	-	2	-	2	5	-	-	-	-	-	2	-	2	-	-	-	5	-	4	2	6	-	2	-	-	-	8	-	-									
Bengaly*	-	-	2	-	2	10	-	9	-	-	2	5	-	-	7	-	2	5	-	-	2	-	2	2	-	4	5	-	-	7	-	2	7	-	7	-	-	9	-									

Как показано в табл. 10, разница в процентном соотношении между членами триад «Р–I–II», т. е. гарнитурами рекламных оригинал-макетов (графы «Р») и гарнитурами, избранными I и II группой реципиентов (графы «I» и «II») несущественна: процентный показатель несовпадения составляет, как правило, менее 10% (см. табл. 11).

Таблица 11

Разница процентных показателей между группами «Р», «I» и «II» для каждой из гарнитурно-шрифтовых триад каждого ключевого слова

Диапазон разницы	Количество триад	Процент от общего количества триад
Менее 5%	38	21
5–10%	80	44
11–15%	30	16
16–20%	13	7
21–25%	12	7
Более 25%	9	5
Итого	182	100

Таким образом, можно говорить о высоком проценте совпадения ассоциаций в разных группах испытуемых, а следовательно — о существовании ассоциативной связи между смыслом слова и его гарнитурно-шрифтовым обликом. Средний процент частотности сближения понятийного компонента КС и их гарнитурно-шрифтовой оболочки представлен в табл. 12, по которой можно судить также о *степени проявления ассоциативных возможностей* той или иной гарнитуры. Относительно *высокую* степень ассоциативности можно констатировать у тех ГШ, которые соотносятся с определенными КС более чем у 20% реципиентов (Futuris*, Cooper, Izhitsa), *среднюю* степень — у гарнитур, ассоциирующихся с КС у 10–19% реципиентов (Pragmatica*, Xenia, Compact, Adver Gothic, Cricket*, Inform*, Souvenir*, Granit*), и низкую степень ассоциативности — если гарнитура ассоциируется с КС менее чем у 10% реципиентов (Times New Roman Cyrillic*, Tractir, Bengaly*).

Таблица 12

Средний процент проявления ассоциативных свойств анализируемых гарнитур

Гарнитура	Автозапчасти	Вино	Железнодорожные перевозки	Зерно	Канцелярские товары	Лом	Масло	Мука	Печенье	Пиво	Сахар	Шины	Яйцо
Futuris*	17,0	2,0	7,6	12,6	16,3	24,0	12,0	21,6	1,3	10,6	14,6	5,0	10,3
Pragmatica*	14,7	3,0	15,0	7,3	12,3	12,6	6,6	10,6	3,0	3,0	13,3	14,0	8,6
Cooper	6,3	4,0	4,0	15,6	4,6	6,0	16,6	13,0	22,6	17,3	6,3	18,0	24,6
Xenia	11,3	5,3	13,6	10,3	5,3	10,0	8,0	2,3	11,0	8,3	3,3	10,0	5,0
Compact	7,0	0,6	17,3	5,0	7,7	5,0	6,6	5,0	7,0	9,0	7,6	1,0	4,0
Adver Gothic	15,0	3,0	11,0	8,3	12,0	11,3	5,6	3,3	8,3	7,0	11,0	9,0	15,0
Cricket*	9,0	5,3	8,0	6,6	5,0	7,6	3,0	7,0	6,0	4,6	8,3	13,0	3,0
Inform*	1,3	7,6	1,3	4,6	17,0	–	8,6	5,6	5,3	6,3	3,0	3,0	7,6
Times New Roman Cyrillic*	4,6	5,3	8,6	0,6	6,3	4,0	7,6	6,3	4,0	3,6	7,3	5,0	2,0
Izhitsa	2,3	46,0	3,0	18,0	2,0	0,6	15,3	17,0	4,6	5,6	7,3	1,0	4,6
Souvenir*	2,3	5,3	0,6	3,0	1,3	3,6	3,0	1,6	10,6	1,6	3,0	2,0	4,0
Granit*	2,3	4,6	1,3	4,0	4,3	11,6	3,3	3,3	10,0	17,6	7,6	13,0	4,0
Tractir	0,6	2,3	4,0	0,6	2,3	–	0,6	0,6	1,6	2,0	2,6	–	2,6
Bengaly*	0,6	4,0	3,0	2,3	2,3	2,3	0,6	1,3	3,0	2,3	3,0	2,0	3,0

Так, гарнитура Futuris* обладает выраженной ассоциативностью по отношению к КС *лом, мука, автозапчасти, канцелярские товары*; Cooper — к КС *яйцо, печенье, шины*, Izhitsa к КС *вино, зерно, мука*. Средней степенью ассоциативности обладают гарнитуры Pragmatica* (*железнодорожные перевозки, автозапчасти, шины*), Xenia (*железнодорожные перевозки, автозапчасти, печенье*) Compact (*железнодорожные перевозки, пиво, канцелярские товары*), Adver Gothic (*автозапчасти, яйцо, канцелярские товары*), Cricket* (*шины, автозапчасти, сахар*), Inform* (*канцелярские товары, масло, яйцо, вино*), Souvenir* (*печенье, вино, яйцо*) и Granit* (*пиво, шины, лом*). Низкой степенью ассоциативности обладают гарнитуры Times New Roman Cyrillic* (*железнодорожные перевозки, масло, сахар*), Tractir (*железнодорожные перевозки, яйцо, сахар*) и Bengaly* (*вино, железные дороги, печенье, сахар, яйцо*). Ассоциативные свойства гарнитур, т.е. их способность соотноситься с понятийным компонентом КС, полностью обусловлены их структурно-эстетическими особенностями. Геометрические характеристики структуры букв у высоко- и среднеассоциируемых ГШ в сознании реципиентов соотносятся с теми или иными компонентами концепта КС. Это могут быть как визуальные, так и понятийные или эмоционально-оценочные компоненты. В ходе ассоциативного эксперимента реципиентам преднамеренно не был задан вопрос: «Почему вы так считаете?», поскольку, во-первых, важно было установление самого факта ассоциативных возможностей ГШ; во-вторых, требование рефлексии от реципиентов устранило бы из эксперимента компонент непосредственности, естественности ассоциаций; и в-третьих, не все ассоциации поддаются рациональному объяснению, поскольку они апеллируют не только к абстрактному, но и к наглядно-чувственному мышлению реципиентов.

Высокая степень ассоциативности отдельных ГШ, с одной стороны, делает чрезвычайно уместным использование некоторых из них в определенных обстоятельствах, а с другой — способна ограничить сферу их использо-

вания. Те гарнитуры, которые, напротив, обладают низкой степенью ассоциативности (Times New Roman Cyrillic*, Tractir, Bengaly*), в некоторых ситуациях могут выглядеть как абсолютно нейтральные по отношению к содержанию текста, перенося акцент с формы на смысл. Таким образом, адекватное использование ассоциативного диапазона ГШ способно послужить более успешному решению коммуникативных задач в процессе восприятия печатного текста.

2.2.3 Третий этап экспериментального исследования: проверка регулирующей функции фактора соотносительности с графемой

Следующим этапом экспериментального исследования была проверка еще одного гипотетически выделенного фактора, позволяющего ГШ оказывать регулирующее влияние на восприятие печатного текста — фактора соотносительности с графемой.

Данный этап исследования носил двуступенчатый характер и был направлен, во-первых, на выявление и «отсев» наименее удобочитаемых гарнитур, а во-вторых — на градацию оставшихся гарнитур по степени удобочитаемости. По итогам данного двуступенчатого этапа эксперимента нами были проанализированы структурные особенности оставшихся ГШ. Характер реализации этих особенностей, как показал анализ, является условием удобочитаемости и, следовательно, основным условием реализации фактора соотносительности с графемой.

В первой стадии третьего этапа участвовали 136 человек, которые по тому же принципу, что и на предыдущем этапе, были дифференцированы на две группы. В I группу, состоящую из 72 человек, входили реципиенты мужского и женского пола, в возрасте от 15 до 70 лет, имеющие образование 10 классов средней школы, среднее общее, среднее специальное образование, ученые степени кандидатов медицинских и филологических наук, ученое

звание доктора медицинских наук. Во II группу, состоящую из 64 человек, входили те же реципиенты, что и на втором этапе исследования. Всем реципиентам были предложены анкеты №3 и №4 (см. Приложение 4), содержащие задание на распознавание зеркально отраженных слов и выявление наименее удобочитаемых. Задание формулировалось следующим образом: «Прочитайте справа налево. Подчеркните в списке те слова, которые вам было сложнее всего распознать». Каждая анкета содержала по 14 данных в алфавитном порядке слов, каждое из которых было набрано одной из 14 ранее отобранных гарнитур. При этом слова, набранные одной и той же гарнитурой, в анкете №3 и №4 состояли из разного набора букв, чтобы по итогам сопоставительного анализа избежать влияния неудобочитаемости конкретных букв на неудобочитаемость слова в целом, поскольку экспериментально доказано, что буквы алфавита обладают различной удобочитаемостью, обусловленной степенью «уникальности» их структуры [Гусева, 1973]. Результаты данной стадии эксперимента представлены в табл. 13.

Таблица 13

Неудобочитаемые гарнитур (по данным анализа анкет №3 и 4)

Гарнитура	Анкета №3				Анкета №4			
	I группа		II группа		I группа		II группа	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Futuris*	4	5,5	–	–	–	–	–	–
Pragmatica*	4	5,5	–	–	–	–	–	–
Cooper	21	29,1	20	31,2	4	5,5	11	17,2
Xenia	2	2,7	–	–	6	8,3	12	18,7
Compact	8	11,1	3	4,6	21	29,1	22	34,4
Adver Gothic	39	54,1	40	62,5	13	18,0	19	29,7
Cricket*	25	34,7	20	30,7	13	18,0	16	25,0
Inform*	–	–	5	7,8	15	20,8	12	18,7
Times New Roman Cyrillic*	–	–	1	1,6	4	5,5	3	4,6
Izhitsa	10	13,8	5	7,8	13	18,0	5	7,8

Гарнитура	Анкета №3				Анкета №4			
	I группа		II группа		I группа		II группа	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Souvenir*	–	–	5	7,8	8	11,1	3	4,6
Granit*	–	–	11	17,2	4	5,5	5	7,8
Tractir	40	55,5	16	25,0	27	37,5	33	51,6
Bengaly*	10	13,8	25	39,0	27	37,5	23	35,9

В порядке уменьшения удобочитаемости гарнитуры можно расположить в последовательности, представленной на рис. 12.

Рис. 12. Средний процент затруднений при распознавании гарнитур

По итогам данной стадии эксперимента мы выявили из ранее составленного списка 14 частотных ГШ ряд наиболее удобочитаемых.

Ими стали те ГШ, при распознавании которых средний процент затруднений реципиентов составил менее 10%: Futuris* (1,4%), Pragmatica* (1,4%), Times New Roman Cyrillic* (3,2%), Souvenir* (5,8%), Granit (7,5%) и Xenia (7,6%). Эти гарнитуры стали объектом нашего исследования на второй стадии экспериментального исследования, цель которого состояла в их градации по степени удобочитаемости.

Реципиентам предлагался небольшой текст, состоящий из 4 предложений (67 слов). Текст был дан в шести вариантах: был набран по одному разу каждой из шести указанных выше гарнитур. Реципиентам предлагалось по пятибалльной системе оценить степень удобочитаемости каждого из вариантов текста: «Поставьте «оценку» шрифту каждого текста за удобочитаемость: «5» — *отлично*, «4» — *хорошо*, «3» — *удовлетворительно*, «2» — *плохо*, «1» — *очень плохо*» (анкета №5, Приложение 4). Пятибалльная система оценок традиционно считается гибкой и достаточной; кроме того, она является при-

вычной для всех реципиентов и в силу этого не создает сложностей в применении и не формирует негативной мотивации. Текст для восприятия, напротив, был несколько сложен по содержанию: содержал информацию по узкоспециальному медицинскому вопросу, переданную с помощью значительного количества терминов [Патогенетическое обоснование коррекции нарушений системы гемостаза при геморрагическом васкулите у детей, 2001, с. 4], а среди реципиентов, даже имеющих высшее медицинское образование, не было специалистов в области лечения геморрагического васкулита.

Усложнение содержательного плана было необходимо для предупреждения чересчур легкого распознавания: реципиент, воспринимая текст, насыщенный неизвестной ему терминологией, застрахован от влияния «эффекта знакомости слова» и прочих условий, значительно упрощающих процесс распознавания [Каптелинин, 1983]. Текст был набран привычным для потребителя книжной полиграфической продукции кеглем, равным 11 пунктам (4 мм).

В эксперименте участвовали 105 человек: 49 входило в I группу, 56 — во II группу. I группа состояла из лиц мужского и женского пола, в возрасте от 15 до 20 лет, имеющих образование 10 классов средней школы, среднее общее и среднее специальное образование, а также неполное высшее (техническое) образование. II группа состояла из лиц мужского и женского пола, в возрасте от 19 до 70 лет, имеющих среднее общее и среднее специальное образование, а также высшее и неполное высшее (гуманитарное, медицинское, техническое, экономическое) образование и ученую степень кандидата медицинских наук; в число реципиентов II группы входили сотрудники издательства Алтайского государственного университета, Центра информационных технологий Алтайского государственного медицинского университета, газеты «Медик Алтая».

Результаты эксперимента представлены в табл. 14. Средний процент реципиентов, оценивших предложенные ГШ по каждому из параметров пя-

тибалльной шкалы, представлен в табл. 15; средний балл, полученный каждой гарнитурой, отражен на рис. 13.

Таблица 14

Количественные и процентные показатели оценок предложенных гарнитур по пятибалльной системе

Оценка	«1»				«2»				«3»				«4»				«5»			
	I		II		I		II		I		II		I		II		I		II	
Группы	кол-во	%																		
Гарнитура	кол-во	%																		
Futuris*	–	–	–	–	2	4,1	2	3,6	8	16,3	2	3,6	22	44,9	39	69,6	17	34,7	12	21,4
Granit*	17	34,7	14	25,0	24	49,0	29	51,8	4	8,2	12	21,4	2	4,1	–	–	2	4,1	–	–
Pragmatica*	–	–	–	–	–	–	–	–	5	10,2	9	16,1	21	42,8	22	39,3	22	44,9	24	42,9
Souvenir*	–	–	–	–	–	–	5	8,9	5	10,2	14	25,0	19	38,7	29	51,8	24	49,0	7	12,5
Times New Roman Cyrillic*	–	–	–	–	–	–	–	–	4	8,2	14	25,0	21	42,8	17	30,4	24	49,0	24	42,9
Xenia	–	–	–	–	4	8,2	5	8,9	13	26,5	36	64,3	21	42,8	10	17,9	11	22,4	5	8,9

Таблица 15

Средний процент оценок предложенных гарнитур по пятибалльной системе

Гарнитура	«1»	«2»	«3»	«4»	«5»
Futuris*	–	3,8	9,9	57,3	28,1
Granit*	29,9	50,4	14,8	2,1	2,1
Pragmatica*	–	–	13,1	41,1	43,9
Souvenir*	–	4,5	17,6	45,3	30,8
Times New Roman Cyrillic*	–	–	16,6	36,6	46,0
Xenia	–	8,6	45,4	30,4	15,7

Рис. 13. Средний балл, полученный каждой гарнитурой

Из табл. 15 видно, что наиболее удобочитаемыми оказались гарнитуры Times New Roman Cyrillic*, Pragmatica* и Futuris*, менее удобочитаемыми — Souvenir* и Xenia, неудобочитаемой — Granit*. Чтобы выяснить условия удобочитаемости, мы проанализировали структурные особенности указанных ГШ с точки зрения актуальных для них характеристик: пропорциональности (для прописных и строчных, широких и нормальных символов), контрастности, наличия/отсутствия засечек и их формы (см. табл. 16). При анализе гарнитур мы не учитывали фактор насыщенности, поскольку все шесть рассматриваемых гарнитур были даны в полужирном начертании (в том виде, в котором они использовались в проанализированных на первом этапе эксперимента рекламных оригинал-макетах), из них у гарнитуры Xenia полужирная насыщенность является постоянной характеристикой.

Структурные особенности анализируемых гарнитур

Гарнитура	Пропорциональность				Контрастность	Особенности засечек
	Прописные		Строчные			
	Шир.	Норм.	Шир.	Норм.		
Times New Roman Cyrillic*	1,277	0,833	1,500	0,830	Средней степени контрастности	Небольшие засечки, располагающиеся под прямым углом к основным штрихам, приближены к треугольной форме, плавно переходят в основные штрихи
Pragmatica*	1,250	0,750	1,158	0,648	Малоконтрастный	–
Futuris*	1,333	0,888	1,666	1,083	Малоконтрастный	–
Souvenir*	1,263	0,895	1,666	1,000	Малоконтрастный	Небольшие округлые декоративные засечки, соответствующие округлой форме основных штрихов
Xenia	1,222	0,833	1,538	0,923	Средней степени контрастности	Утолщенные засечки прямоугольной формы, приблизительно равные по толщине соединительным штрихам
Granit*	1,684	1,105	–	–	Высококонтрастный	Засечки выражены в отдельных буквах (т, л, г), в остальных — малозаметные либо отсутствуют

Таким образом, наиболее удобочитаемыми гарнитурами, по результатам данного этапа экспериментального исследования, следует признать малоконтрастные либо средней степени контрастности, обладающие небольшими треугольными засечками, плавно переходящими в основной штрих, либо не имеющие засечек (рубленые). Пропорции наиболее удобочитаемых гарнитур (для знаков нормальной ширины, которых в алфавите большинство) составляют от 0,750 до 0,888 для прописных букв и от 0,684 до 1,084, у неудобочитаемых гарнитур эти показатели значительно выше. При этом

можно констатировать степень близости показателей пропорций удобочитаемых гарнитур к коэффициенту «золотого сечения» (0,618).

2.2.4 Четвертый этап экспериментального исследования: проверка регулирующей функции фактора эстетизированной эмоции

Цель последнего, четвертого этапа экспериментального исследования состояла в проверке регулирующей способности гипотетически выделенного фактора эстетизированной эмоции. Нам необходимо было установить факт возникновения у реципиента эмоций, обусловленных внешним обликом той или иной ГШ (из ранее составленного списка 14 гарнитур), и определить их эстетические свойства. Материалом для эксперимента послужили таблицы символов гарнитур, предложенные в виде рядов строчных и прописных знаков русского и латинского алфавитов, цифр, пунктуационных символов и некоторых спецсимволов (анкеты №6–19, Приложение 4). Характер материала был обусловлен тем, что для анализа эстетизированной эмоции, вызываемой ГШ, были необходимы тексты, лишенные понятийных наслоений.

Реципиентам предлагалось соотнести предложенную гарнитуру с набором слов, представленных на этой же анкете, под таблицей символов гарнитуры. Слова располагались в две колонки: в первую входили 10 слов-маркеров основных эмоций, во вторую — 10 маркеров основных эстетических качеств, при этом большинство слов составляли антонимические пары: внутри каждой колонки, таким образом, оказывалось по 4–5 пар антонимов (в колонку с маркерами эмоций мы включили неантонимичные эпитеты «спокойный» и «нейтральный»). При этом антонимическая оппозиция не была графически обозначена в целях избежания возможного автоматизма выбора эпитетов для гарнитуры со стороны реципиентов.

К положительным эмоциональным характеристикам относились следующие: *торжественный, беззаботный, веселый, добрый*; к эстетическим — *красивый, изящный, привлекательный, выразительный, декоративный*; к отрицательным эмоциональным характеристикам относились: *пугающий, тревожный, грустный, злой*; к эстетическим — *уродливый, неуклюжий, отталкивающий, невзрачный и строгий*; к нейтральным эмоциональным характеристикам — *нейтральный и спокойный*.

Задание анкет формулировалось следующим образом: «Подчеркните в каждой колонке слова (одно или несколько), которые, по-вашему, могут характеризовать предложенный шрифт».

Реципиенты, принимавшие участие в эксперименте, были на тех же основаниях, что и ранее, разделены на I и II группы. В I группу вошли лица как мужского, так и женского пола, в возрасте от 15 до 70 лет, с образованием 10 классов средней школы, средним общим и специальным образованием, а также с высшим (медицинским, музыкальным, техническим и филологическим) образованием. Реципиенты II группы были также мужского и женского пола, в возрасте от 19 до 66 лет, имеющие среднее общее, среднее специальное, неполное высшее и высшее образование (математическое, медицинское, психологическое, техническое, филологическое, экономическое образование и закончившие факультет иностранных языков). В эту группу входили сотрудники издательства Алтайского государственного университета, Центра информационных технологий Алтайского государственного медицинского университета, рекламного агентства «Перспект», а также учащиеся компьютерных курсов при Центре информационных технологий Алтайского государственного медицинского университета. На каждый из 14 типов анкет пришлось от 17 до 25 ответов. В целом на данном этапе эксперимента обработано 610 анкет, из них 335 анкет в I группе реципиентов и 275 — во II группе.

Результаты эксперимента отражены в табл. 17.

Таблица 17

Эмоциональные и эстетические характеристики анализируемых гарнитур:
количественные соотношения ответов в I и II группах

Гарнитура	Торжественный	Пугающий	Тревожный	Беззаботный	Нейтральный	Грустный	Веселый	Спокойный	Добрый	Злой	Красивый	Уродливый	Изысканный	Неуклюжий	Прилекательный	Отталкивающий	Выразительный	Невыразительный	Декоративный	Строгий	Итого
	Эмоциональные качества										Эстетические качества										
Futuris*	8/2	3/1	5/3	-/-	10/8	1/1	2/-	6/5	3/3	1/-	3/1	2/1	2/-	2/-	3/3	-/1	7/6	3/1	-/-	16/10	24/20
Pragmatica*	6/3	1/1	3/2	4/1	12/7	-/1	2/1	9/7	1/-	1/-	3/2	1/-	1/1	1/-	5/1	2/1	5/4	3/2	1/-	5/13	24/23
Cooper	-/3	2/-	2/-	4/2	1/5	4/2	7/4	3/4	6/6	-/2	4/3	2/-	1/2	6/6	9/4	2/2	3/1	1/2	5/5	5/3	24/22
Xenia	-/2	1/1	7/6	4/1	5/8	2/1	1/-	8/6	1/2	2/-	1/-	-/-	1/1	3/3	2/2	3/1	7/5	8/3	1/3	14/8	25/23
Compact	1/3	4/1	7/6	1/1	3/7	3/4	1/-	2/4	-/-	2/2	-/3	2/4	1/4	5/2	1/-	8/7	-/1	6/4	-/1	5/9	23/23
Adver Gothic	1/1	1/2	3/2	4/4	4/6	1/1	4/4	-/3	2/2	2/2	3/2	3/1	2/1	3/4	6/4	2/-	5/3	6/-	4/6	2/4	23/22
Cricket*	3/1	2/-	-/1	6/2	5/3	2/-	2/3	6/7	3/3	-/-	7/5	-/-	7/1	-/-	5/3	1/-	9/3	2/1	1/5	3/1	24/17
Inform*	1/-	2/1	2/1	8/7	-/1	1/-	9/11	1/-	7/1	-/1	5/1	2/-	1/-	6/6	8/4	4/2	2/1	4/1	6/5	2/-	24/18
Times New Roman Cyrillic*	9/4	-/-	1/2	2/2	7/7	1/-	3/1	6/3	4/3	-/1	4/5	-/-	4/1	-/-	1/3	1/1	8/5	3/-	-/1	13/10	24/18
Izhitsa	2/3	1/-	3/-	2/2	2/1	5/2	4/3	2/2	9/6	1/-	6/3	2/-	3/4	7/2	9/5	1/1	3/2	3/1	13/11	1/1	24/18
Souvenir*	6/5	1/1	3/-	2/1	3/4	3/-	2/-	9/4	4/6	1/-	5/6	1/-	2/2	-/-	8/7	1/-	8/4	1/1	1/2	4/2	24/18
Granit*	4/2	4/6	5/2	1/3	1/1	3/-	2/4	3/-	-/-	4/6	2/-	10/5	-/-	9/8	2/1	4/2	4/3	4/1	4/1	5/2	24/18
Tractir	2/3	6/2	11/6	2/1	2/1	4/1	-/2	2/-	1/1	4/1	3/1	6/2	4/-	3/3	5/3	12/4	2/5	4/1	2/4	2/3	24/18
Bengaly*	6/2	-/2	2/3	6/-	11/2	2/-	2/1	5/4	3/3	-/2	5/5	1/1	4/2	1/-	7/5	1/2	11/2	3/1	1/3	4/1	24/17

Примечание: в числителе –показатели I группы, в знаменателе — II группы реципиентов

Таблица 18

Средний процент соотношения эмоциональных и эстетических характеристик с разными гарнитурами

Гарнитура	Торжественный	Пугающий	Тревожный	Беззаботный	Нейтральный	Грустный	Веселый	Спокойный	Добрый	Злой	Красивый	Уродливый	Изящный	Неужюжий	Привлекательный	Отталкивающий	Выразительный	Невзрачный	Декоративный	Строгий
	Эмоциональные качества										Эстетические качества									
Futuris*	22	9	18	–	41	5	5	25	14	2	9	7	5	5	14	2	30	9	–	59
Pragmatica*	19	4	10	10	40	2	6	34	2	2	10	2	4	2	12	6	19	10	2	38
Cooper	6	4	4	13	13	13	23	15	26	4	15	4	6	26	28	8	8	6	21	17
Xenia	4	4	27	10	27	6	2	29	6	4	2	–	4	12	8	8	27	22	8	45
Compact	8	10	28	4	21	15	2	13	–	8	6	13	10	15	2	32	2	21	2	30
Adver Gothic	4	6	11	17	22	4	17	6	8	8	11	8	6	15	22	4	17	13	22	13
Cricket*	9	4	2	19	19	4	12	31	14	–	31	–	19	–	19	2	29	7	14	9
Inform*	2	7	7	35	2	2	47	2	19	2	14	4	2	28	28	14	7	11	30	4
Times New Roman Cyrillic*	30	–	7	9	33	2	9	21	16	2	21	–	19	–	9	4	30	7	2	61
Izhitsa	11	2	7	9	7	16	16	9	35	2	21	4	16	21	33	4	11	9	57	4
Souvenir*	26	4	7	7	16	7	4	30	23	2	26	2	9	–	35	2	28	4	7	14
Granit*	14	23	16	9	4	7	14	7	–	23	4	35	–	40	7	14	16	11	11	16
Tractir	11	19	40	7	7	11	4	4	11	11	9	19	9	14	19	38	16	11	14	11
Bengaly*	19	4	12	14	31	4	7	21	4	4	24	4	14	2	29	7	31	9	9	12

В табл. 18 представлен средний процентный показатель соотношений того или иного эмоционального и эстетического качества с каждой из проанализированных гарнитур.

На основании данных, приведенных в табл. 18, мы определили доминирующие для каждой гарнитуры эмоциональные и эстетические характеристики, выбрав по три наиболее высоких процентных показателя (см. табл. 19).

Таблица 19

Доминирующие эмоциональные и эстетические характеристики

Гарнитура	Эмоциональные качества	Эстетические качества
Futuris*	Нейтральный (41%), спокойный (25%), торжественный (22%)	Строгий (59%), выразительный (30%), привлекательный (14%)
Pragmatica*	Нейтральный (40%), спокойный (34%), торжественный (19%)	Строгий (38%), выразительный (19%), привлекательный (12%)
Cooper	Добрый (26%), веселый (23%), спокойный (15%)	Привлекательный (28%), неуклюжий (26%), декоративный (21%)
Xenia	Спокойный (29%), нейтральный (27%), тревожный (27%)	Строгий (45%), выразительный (27%), невзрачный (22%)
Compact	Тревожный (28%), нейтральный (21%), грустный (15%)	Отгалкивающий (32%), строгий (30%), невзрачный (22%)
Adver Gothic	Нейтральный (22%), веселый (17%), беззаботный (17%)	Декоративный (22%), привлекательный (22%), выразительный (17%)
Cricket*	Спокойный (31%), беззаботный (19%), нейтральный (19%)	Красивый (31%), выразительный (29%), изящный, привлекательный (19%)
Inform*	Веселый (47%), беззаботный (35%), добрый (19%)	Декоративный (30%), неуклюжий (28%), привлекательный (28%)
Times New Roman Cyrillic*	Нейтральный (33%), торжественный (30%), спокойный (21%)	Строгий (61%), выразительный (30%), красивый (21%)
Izhitsa	Добрый (35%),	Декоративный (57%),

Гарнитура	Эмоциональные качества	Эстетические качества
	грустный (16%), веселый (16%)	привлекательный (33%), красивый, неуклюжий (21%)
Souvenir*	Спокойный (30%), торжественный (26%), добрый (23%)	Привлекательный (35%), выразительный (28%), красивый (26%)
Granit*	Злой (23%), пугающий (23%), тревожный (16%)	Неуклюжий (40%), уродливый (35%), выразительный, строгий (16%)
Tractir	Тревожный (40%), пугающий (19%), торжественный, грустный, злой (11%)	Отталкивающий (38%), привлекательный (19%), уродливый (19%)
Bengaly*	Нейтральный (31%), спокойный (21%), торжественный (19%)	Выразительный (31%), привлекательный (29%), красивый (24%)

Таким образом, при восприятии той или иной ГШ у реципиентов способны возникнуть эстетически окрашенные эмоции. При этом возможно выявление определенного процента совпадений оценок у реципиентов, что позволяет говорить об актуальности эстетизированной эмоции как обусловленного структурными особенностями ГШ фактора регуляции восприятия печатного текста. Эмоции, как показали результаты экспериментального исследования, могут возникать в положительной и отрицательной модальности, а также амбивалентные (при сочетании положительных и отрицательных характеристик в рамках совокупности эмоциональных и эстетических свойств ГШ). При этом величина процентного показателя частотности закрепления за конкретной ГШ эмоционального либо эстетического маркера позволяет сделать практические выводы о функциональности анализируемых гарнитур с эмоционально-эстетической точки зрения. Так, относительно высокий процент негативных характеристик (Tractir — *тревожный, отталкивающий*; Granit* — *уродливый, Compact — отталкивающий*) или, напротив, положительных (Inform* — *веселый, Izhitsa — добрый, декоративный*; Souvenir* — *привлекательный*) делает названные гарнитуры чрезвычайно уместными в ряде случаев, но не позволяет говорить о функциональной универсальности

этих ГШ. Те из них, которые характеризуются скорее нейтральностью либо слабо выраженной эмоционально-эстетической маркированностью, следует считать обладающими более обширным диапазоном применения (Futuris*, Pragmatica*, Times New Roman Cyrillic*). Особенности проявления эстетизированной эмоции как фактора, регулирующего восприятие ГШ, в аспекте функционального потенциала близки к другому регулируемому фактору — ассоциативности, поскольку способствуют характеристике диапазона использования исследуемых гарнитур.

2.3 Выводы

Проведенное многоэтапное экспериментальное исследование было направлено на проверку регулирующего потенциала трех факторов, обусловленных внешними характеристиками ГШ и гипотетически выявленных на основании теоретического психолингвистического анализа: а с с о ц и а - т и в н о с т и , с о о т н е с е н н о с т и с г р а ф е м о й и э с - т е т и з и р о а н н о й э м о ц и и . Диапазон исследования был ограничен четырнадцатью ГШ, наиболее часто используемыми в статистически обработанных рекламных оригинал-макетах: названные факторы проверялись на основании свойств этих гарнитур. Полученные процентные показатели оценок реципиентов (как специалистов, деятельность которых связана с выбором той или иной ГШ, так и далеких от этой сферы людей) позволили:

- 1) признать наличие регулирующего потенциала у гипотетически выявленных факторов, т. е. об экспериментальном подтверждении гипотезы;
- 2) описать характер и степень проявления каждого из регулирующих компонентов ГШ при восприятии речевого произведения;
- 3) охарактеризовать избранные для анализа 14 ГШ в аспекте реализации трех факторов регуляции.

По итогам экспериментального психолингвистического исследования представляется возможным создание классификации ГШ, способной отразить их регулирующий потенциал. Соответственно количеству регулирующих факторов классифицировать ГШ можно по трем основаниям:

- по степени проявления ассоциативности;
- по степени соотнесенности с графемой;
- по характеру эстетизированной эмоции.

Классификация по степени проявления ассоциативности в психолингвистическом аспекте означает различение ГШ на основе их способности вызывать в сознании реципиента процесс сопоставления структурно-художественных особенностей гарнитуры с внешними по отношению к ней явлениями, в данном случае исследовалась связь ГШ с содержанием текста. Эксперимент, во-первых, показал наличие ассоциативной связи между формой и содержанием текста, а во-вторых, позволил определить диапазон ассоциаций, т. е. выявить те лексические единицы, которые соотносятся с конкретной ГШ наиболее часто. В случае ассоциативного соответствия следует говорить о полном участии ГШ в смыслообразовании при восприятии печатного текста; в подобном случае, как отмечает А. П. Журавлев, «гармония всех аспектов значения слова делает его более жизнеспособным, создает условия для активного функционирования, для приобретения словом эмоциональной окраски, добавляет ему выразительности, помогает лучше, полнее и ярче описать обозначаемый предмет, явление, действие или состояние. И напротив, дисгармония аспектов значения затрудняет функционирование, делает слово менее стабильным, заставляет его менять звучание или значение, а если этого не происходит, то оттесняет слово в специальные узкие сферы функционирования, либо в пассивный запас, либо вообще выводит из употребления» [Журавлев, 1987, с. 95–96].

В диапазон ассоциативности включены те КС из рекламных оригинал-макетов, которые соотносятся с каждой из ГШ наиболее часто. По степени

проявления ассоциативности ГШ дифференцируются на обладающие относительно *высоким* ассоциативным потенциалом (20 и более процентов совпадения оценок) — Futuris*, Cooper, Izhitsa, средним (от 19% до 10%) — Pragmatica*, Xenia, Compact, Adver Gothic, Cricket*, Inform*, Souvenir*, Granit* — и низким (менее 10% совпадения оценок) — Times New Roman Cyrillic*, Tractir, Bengaly*.

Классификация ГШ по степени соотнесенности с графемой обусловлена вероятностью распознавания ГШВ, т. е. способностью ГШВ быть возведенным к абстрактной языковой единице графеме и в силу этого способным различать смысл набранных данной гарнитурой слов. По результатам эксперимента исследуемые ГШ подразделены на обладающие высокой степенью соотнесенности с графемой (Futuris*, Pragmatica*, Times New Roman Cyrillic*), средней (Souvenir*, Xenia) и низкой (остальные проанализированные гарнитур). Степень соотнесенности с графемой является тем регулирующим фактором, который не только реализует смыслообразительную функцию, но и напрямую обуславливает удобочитаемость текста в целом.

Классификация ГШ по характеру эстетизированной эмоции базируется на способности ГШ своими структурно-художественными характеристиками вызывать у реципиента эстетически окрашенную эмоцию и в силу этого влиять на процесс перцепции в целом. Выявленные эмоции рассматриваются без отрыва от их эстетических качеств, т. е. каждая эмоция дополняется эстетическими нюансами, выполняющими регулирующую функцию в процессе перцепции. Эстетизированная эмоция может проявляться как *положительная* по своей модальности и по месту на шкале эстетических ценностей (Adver Gothic, Cricket*, Souvenir*, Bengaly*), *отрицательная* (Compact) и *амбивалентная*, т. е. содержащая и негативные, и позитивные характеристики (остальные проанализированные гарнитур).

В табл. 20 в комплексном виде представлена классификация проанализированных гарнитур в аспекте их регулирующих свойств, реализуемых каждым из названных регулирующих факторов.

Таблица 20

Классификация проанализированных гарнитур
по характеру проявления их регулирующих свойств

Гарнитура	Степень проявления и направление ассоциативности	Степень соотнесенности с графемой	Характер эстетизированной эмоции
Futuris*	Высокая (лом, мука, автозапчасти, канцелярские товары)	Высокая	Амбивалентный (нейтральный, спокойный, торжественный; строгий, выразительный, привлекательный)
Pragmatica*	Средняя (железнодорожные перевозки, автозапчасти, шины)	Высокая	Амбивалентный (нейтральный, спокойный, торжественный; строгий, выразительный, привлекательный)
Cooper	Высокая (яйцо, печенье, шины)	Низкая	Амбивалентный (добрый, веселый, спокойный; привлекательный, неуклюжий, декоративный)
Xenia	Средняя (железнодорожные перевозки, автозапчасти, печенье)	Низкая	Амбивалентный (спокойный, нейтральный, тревожный; строгий, выразительный, невзрачный)
Compact	Средняя (железнодорожные перевозки, пиво, канцелярские товары)	Низкая	Отрицательный (тревожный, нейтральный, грустный; отталкивающий, строгий, невзрачный)
Adver Gothic	Средняя (автозапчасти, яйцо, канцелярские товары)	Низкая	Положительный (нейтральный, веселый, беззаботный; декоративный, привлекательный, выразительный)

Гарнитура	Степень проявления и направление ассоциативности	Степень соотнесенности с графемой	Характер эстетизированной эмоции
Cricket*	Средняя (шины, сахар, автозапчасти)	Низкая	Положительный (спокойный, беззаботный, нейтральный; красивый, выразительный, изящный, привлекательный)
Inform*	Средняя (канцелярские товары, масло, яйцо, вино)	Низкая	Амбивалентный (веселый, беззаботный, добрый; декоративный, неуклюжий, привлекательный)
Times New Roman Cyrillic*	Низкая (железнодорожные перевозки, масло, сахар)	Высокая	Амбивалентный (нейтральный, торжественный, спокойный; строгий, выразительный, красивый)
Izhitsa	Высокая (вино, зерно, мука)	Низкая	Амбивалентный (добрый, грустный, веселый; декоративный, привлекательный, красивый)
Souvenir*	Средняя (печенье, вино, яйцо)	Средняя	Положительный (спокойный, торжественный, добрый; привлекательный, выразительный, красивый)
Granit*	Средняя (пиво, шины, лом)	Низкая	Амбивалентный (злой, пугающий, тревожный; неуклюжий, уродливый, выразительный, строгий)
Tractir	Низкая (железнодорожные перевозки, яйцо, сахар)	Низкая	Амбивалентный (тревожный, пугающий, торжественный, грустный, злой; отталкивающий, привлекательный, уродливый)
Bengaly*	Низкая (железнодорожные перевозки, печенье, сахар, яйцо, вино)	Низкая	Положительный (нейтральный, спокойный, торжественный; выразительный, привлекательный, красивый)

Таблица наглядно свидетельствует о разнообразии отношений между тремя регулируемыми факторами в рамках каждой из четырнадцати ГШ. Применение данных предложенной классификации должно проводиться с учетом специфики их сочетания.

В ходе теоретического психолингвистического исследования была отмечена возможность возникновения между регулируемыми факторами ГШ и языковыми единицами более высокого порядка отношений а) тождества; б) дополнения; в) противодействия; г) нейтрализации и т.д.

Подобные отношения касаются, во-первых, а с с о ц и а т и в н о - с т и , поскольку единицы более высокого, чем графема, языкового уровня способны вступать в собственные ассоциативные связи за счет наличия понятийного компонента, и эти связи могут не иметь отношения к ГШ, а во-вторых, э с т е т и з и р о в а н н о й э м о ц и и , так как эмоции могут быть вызваны понятийным компонентом, и они могут быть не связаны с ГШ.

В данной работе была предпринята попытка *изолированного* рассмотрения формы и содержания, которая реализована разработанной нами методикой экспериментального психолингвистического исследования. Для изучения взаимоотношений регулирующего потенциала ГШВ с регулирующим потенциалом понятийного компонента (изолированного от внешней формы), необходима разработка аналогичной методики, изолирующей понятийные компоненты печатного текста от их гарнитурно-шрифтовых наслоений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное психолингвистическое исследование регулирующего потенциала ГШ печатного текста, проявляющегося в процессе перцепции, является попыткой изучения реализации регулирующей функции речевого высказывания в единицах особого языкового уровня — графемного, представленного в печатном тексте в виде буквенных вариантов. Единицей регуляции восприятия выступает ГШВ — речевой представитель графемы, включающий структурно-художественные особенности ГШ.

В ходе теоретического анализа научного контекста проблемы (прагматико-эстетического, психологического и психолингвистического) были гипотетически выявлены факторы регулирующего воздействия ГШ на процесс восприятия текста: соотнесенность с графемой, эстетизированная эмоция и ассоциативность. Экспериментальный этап позволил проверить гипотезу на практике. Для проведения психолингвистического эксперимента потребовалось создание особой многоступенчатой методики, позволяющей исследовать регулирующую способность каждого из гипотетически выявленных факторов, причем сделать это изолированно от регулирующей функции понятийных наслоений единиц более высокого, чем графема, языкового уровня.

Путем экспериментального исследования была выявлена специфика влияния трех названных регулирующих факторов на процесс восприятия текста. Материалом исследования послужили 14 статистически выбранных ГШ.

На основании экспериментальных данных предложена классификация ГШ в психолингвистическом аспекте, т. е. с учетом их регулирующего восприятие потенциала. Основаниями для проведения классификации послужили степень проявления и характер регулирующего воздействия ассоциативности, соотнесенности с графемой и эстетизированной эмоцией. Предложенная классификация может представлять практическую ценность для всех об-

ластей деятельности, связанных с созданием, оформлением и восприятием текста.

Исследование ГШ как фактора регуляции восприятия печатного текста имеет ряд **научных перспектив**. Во-первых, возможно развитие исследования единицы регуляции восприятия — ГШВ — в аспекте иерархической системы языка, т. е. в качестве речевого представителя абстрактной языковой единицы — графемы. Во-вторых, большие возможности открываются для изучения характера собственных ассоциативных функциональных свойств ГШ и их эстетизированных эмоциональных качеств. Исследования в этой области можно проводить, отталкиваясь от метода семантического дифференциала (Ч. Осгуд, 1957), который позволяет установить аспекты значения, скрытые за формой. В качестве основы для исследования могут выступить и специально разработанные собственные методики анализа. В-третьих, перспективным является исследование наложения регулирующих факторов ГШ на регулирующий потенциал понятийного компонента единиц более высокого языкового уровня. В-четвертых, необходимо уделить внимание всему многообразию имеющих и постоянно создающихся ГШ, не ограничиваясь, как в данной работе, кругом наиболее частотных. В-пятых, весьма перспективным является развитие суггестивного аспекта исследования. Наконец, перспективным окажется дополнительное обращение к методам исследования, применяющимся в психологии, психо- и нейрофизиологии, психиатрии, привлечение методологии искусствovedения, эстетики, стилистики, лингвистики, а также теории и практики рекламной деятельности и шрифтового программирования.

Таким образом, разностороннее, многоаспектное решение проблемы регулирующего потенциала ГШ должно быть направлено как на материал исследования, так и на субъекта речевой деятельности — продуцента и реципиента печатного текста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аболин Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1987. — 261 с.
2. Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. — М.: Наука, 1988. — 286 с.
3. Адамов Е. Б. Ритмическая структура книги. — М.: Книга, 1974. — 94 с.
4. Адамов Е. Б., Бельчиков И. Ф., Быкова В. Я. и др. Художественное конструирование и оформление книги. — М.: Книга, 1971. — 248 с.
5. Азрикан Д. Информационность формы — необходимое условие ее эстетического совершенства // Техническая эстетика. — 1966. — №2. — С. 11–13.
6. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. — М.: Русский язык, 1986. — 600 с.
7. Аминев Г. А. Вероятностная организация центральных механизмов речи. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. — 159 с.
8. Амирова Т. А. К истории и теории графемики. — М.: Наука, 1977. — 191 с.
9. Амирова Т. А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. — М.: Наука, 1985. — 286 с.
10. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. В 2 т. — М.: Педагогика, 1980.
11. Ананьев Б. Г., Дворяшина М. Д., Кудрявцева Н. А. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. — М.: Просвещение, 1968. — 334 с.
12. Ананьев Б. Г., Рыбалко Е. Ф. Особенности восприятия пространства у детей. — М.: Просвещение, 1964. — 304 с.
13. Андреев О. А., Хромов Л. Н. Учитесь быстро читать. — М.: Просвещение, 1991. — 159 с.

14. Анохин П. К. Системные механизмы высшей нервной деятельности. — М.: Наука, 1979. — 454 с.
15. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы. — М.: Наука, 1980. — 197 с.
16. Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм. — М.: Стройиздат, 1984.— 193 с.
17. Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. — М.: Прометей, 1994. — 352 с.
18. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 127 с.
19. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 151 с.
20. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. — Воронеж: Институт практической психологии, 1996. — 768 с.
21. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 607 с.
22. Балаш М. А. Фоносемантическое содержание текста как фактор регуляции восприятия смысла // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. — С. 20–36.
23. Барышников Г. М., Бизяев Ю. А., Ефимов В. В. и др. Шрифты. Разработка и использование. — М.: Эком, 1997. — 270 с.
24. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1986. — 444 с.
25. Бельчиков И. Ф. Художественно-техническое и полиграфическое оформление печатной продукции. — М.: Высшая школа, 1965. — 159 с.
26. Белянин В. П. Введение в психолингвистику. — М.: ЧеРо, 1999. — 127 с.

27. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 121 с.
28. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
29. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. — М.: Медицина, 1966. — 494 с.
30. Беспалов Б. И. Действие (психологические механизмы визуального мышления). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 189 с.
31. Бехтерева Н. П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. — М.: Медицина, 1974. — 151 с.
32. Бодалев А. А. Личность и общение. — М.: Педагогика, 1983. — 199 с.
33. Бодуэн де Куртене И. А. Введение в языковедение // Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т.2. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 246–293.
34. Бодуэн де Куртене И. А. Об отношении русского письма к русскому языку // Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т.2. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 209–235.
35. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1992. — 309 с.
36. Большаков М. В. Книжный шрифт. — М.: Книга, 1964. — 311 с.
37. Бонгард М. М. Проблемы узнавания. — М.: Наука, 1967. — 320 с.
38. Борев Ю. Б. Эстетика. — М.: Политиздат, 1988. — 495 с.
39. Ботвинников А. Д., Ломов Б. Ф. Научные основы формирования графических знаний, умений и навыков школьников. — М.: Педагогика, 1979. — 255 с.
40. Брунер Д. Психология познания: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1977. — 412 с.
41. Буквицы древнерусского письма. 24 открытки. — М.: Изобр. искусство, 1984.

42. Буякас Т. М., Линде Н. Д. Эффект подавления саккадических движений глаз в процессе деятельности // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 68–86.
43. Валуенко Б. В. Выразительные средства набора в книге. — М.: Книга, 1976. — 128 с.
44. Вартамян Г. А., Петров Е. С. Эмоции и поведение. — Л.: Наука, 1989. — 144 с.
45. Вартамян Г. А., Пирогов А. А. Нейробиологические основы высшей нервной деятельности. — Л.: Наука, 1991. — 167 с.
46. Вартамян И. А. Физиология сенсорных систем. Руководство — СПб.: Лань, 1999. — 220 с.
47. Вартамян И. А., Галунов В. И., Дмитриева Е. С. и др. Восприятие речи. Вопросы функциональной асимметрии мозга. — Л.: Наука, 1988. — 175 с.
48. Василевич А. П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. — М.: Наука, 1987. — 138 с.
49. Васильев И. А., Поплужный В. А., Тихомиров О. К. Эмоции и мышление. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 192 с.
50. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 199 с.
51. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. — М.: Смысл, 1998. — 685 с.
52. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 336 с.
53. Величковский Б. М., Зинченко В. П., Лурия А. Р. Психология восприятия. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — 246 с.
54. Ветвицкий В. Г., Моисеев А. И., Иванова В. Ф. Современное русское письмо. — М.: Просвещение, 1974. — 144 с.

55. Вилюнас В. К. Перспективы развития психологии эмоций // Тенденции развития психологической науки. — М.: Наука, 1989. — С. 46–60.
56. Вилюнас В. К. Психология эмоциональных явлений. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 142 с.
57. Виноградов Ю. Е. Влияние аффективных следов на структуру мыслительной деятельности // Психологические исследования интеллектуальной деятельности / Под ред. О. К. Тихомирова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. — С. 52–55.
58. Винокур Г. О. Культура языка [Фрагменты из кн. 1929 г.] // Основы культуры речи: Хрестоматия / Сост. Л. И. Скворцов. — М.: Высш. шк., 1984. — С. 163–173.
59. Винокур Г. О. Футуристы — строители языка // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. — М.: Наука, 1990. — С. 14–22.
60. Витт Н. В. Эмоциональная регуляция речемыслительных процессов // Психологические и психофизиологические исследования речи / Под ред. Т. Н. Ушаковой. — М.: Наука, 1985. — С. 123–136.
61. Владимиров А. Д., Хомская Е. Д. Процессы экстраполяции в глазодвигательной системе. — М.: Наука, 1981. — 165 с.
62. Владимиров В. В. Перспектива и учебный рисунок // Изобразительное искусство / Под ред. Н. А. Павлова. — Л.: Изд-во Ленингр. пед. ин-та, 1968. — С. 127–164.
63. Волков Н. Н. Восприятие картины. — М.: Просвещение, 1976. — 32 с.
64. Волков Н. Н. Восприятие предмета и рисунка. — М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1950. — 508 с.
65. Волоцкая З. М., Молошная Т. Н., Николаева Т. М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. — М.: Наука, 1964. — 186 с.
66. Восприятие и действие / Под ред. А. В. Запорожца. — М.: Просвещение, 1967. — 323 с.

67. Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 318 с.
68. Восприятие пространства и времени / Под ред. Б. Г. Ананьева. — Л.: Наука, 1969. — 135 с.
69. Восприятие. Механизмы и модели: Пер. с англ. / Под ред. Н. Ю. Алексеенко. — М.: Мир, 1974. — 367 с.
70. Вулдридж Д. Механизмы мозга. — М.: Мир, 1965. — 378 с.
71. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1956. — 519 с.
72. Выготский Л. С. Проблема умственной отсталости. Опыт построения рабочей гипотезы // Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. — М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1956. — 519 с.
73. Выготский Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1986. — 572 с.
74. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. — М.: Изд-во АПН, 1960. — 500 с.
75. Галкин С. И. Оформление газеты и журнала: от элемента к системе. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — 152 с.
76. Гальперин П. Я. Введение в психологию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 150 с.
77. Гальперин П. Я., Кабыльницкая С. Л. Экспериментальное формирование внимания. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. — 101 с.
78. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 351 с.
79. Гегель Г. В. Ф. Эстетика. В 4 т. — М.: Искусство, 1969.

80. Гельмгольц Г. О восприятиях вообще // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — С. 61–87.
81. Георгиев Д. Основные тенденции в графической архитектуре болгарских газет // Оформление газет и журналов за рубежом / Под ред. А. П. Киселева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — С. 12–37.
82. Герасимович А. Шрифты и вы — кто кого? [Электронный ресурс] // www.nestor.minsk.by.kg.
83. Герчук Ю. А. Об искусстве шрифта // Искусство шрифта. Работы московских художников книги. 1959–1974. — М.: Книга, 1977. — С. 7–12.
84. Герчук Ю. Я. Об искусстве книги. — М.: Знание, 1977. — 48 с.
85. Герчук Ю. Я. Художественная структура книги. — М.: Книга, 1984. — 207 с.
86. Герчук Ю. Я. Художественные миры книги. — М.: Книга, 1989. — 238 с.
87. Герчук Ю. Я. Шрифт, знак, орнамент в художественной структуре книги // Советская графика. Сб. статей.— М.: Советский художник, 1983. — С. 235–244.
88. Гибсон Д. Д. Экологический подход к зрительному восприятию: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988. — 461 с.
89. Гипотеза в современной лингвистике / Под ред. Ю. С. Степанова. — М.: Наука, 1980. — 384 с.
90. Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 318 с.
91. Гиппенрейтер Ю. Б. Глаз как двигательный орган // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 28–54.
92. Гиппенрейтер Ю. Б. Движения человеческого глаза. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 256 с.

93. Гиппенрейтер Ю. Б., Романов В. Я., Самсонов И. В. Метод выделения единиц деятельности // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 55–67.
94. Гозман Л. Я. Психология эмоциональных отношений. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. — 174 с.
95. Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. — 147 с.
96. Голев Н. Д. Помехи письменной речи как проблема коммуникативной орфографии русского языка // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы / Под ред. Л. М. Босовой. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. — С. 58–65.
97. Гончарова Н. А. Композиция и архитектоника книги. — М.: Книга, 1977. — 96 с.
98. Гончарова Н. А. Композиция печатных изданий // Художественно-техническое оформление периодических изданий / Под ред. А. П. Киселева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — С. 13–17.
99. Горелик А. Л., Гуревич И. Б., Скрипкин В. А. Современное состояние проблемы распознавания: некоторые аспекты. — М.: Радио и связь, 1985. — 161 с.
100. Горелик А. Л., Скрипкин В. А. Методы распознавания. — М.: Высш. школа, 1989. — 231 с.
101. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. — М.: Лабиринт, 1997. — 221 с.
102. Грегг Дж. Опыты со зрением в школе и дома. — М.: Мир, 1970. — 199 с.
103. Грегори Р. Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1970. — 271 с.
104. Грегори Р. Л. Разумный глаз: Пер. с англ. — М.: Мир, 1972. — 209 с.

105. Гримак Л. П. Резервы человеческой психики. — М.: Политиздат, 1987. — 284 с.
106. Гротов И. Я., Ильина Г. Н. Некоторые психофизиологические характеристики зрения // Инженерная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1964. — С. 159–191.
107. Гуковский М. А. Механика Леонардо да Винчи. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 815 с.
108. Гусев Е. И. и др. Нервные болезни. — М.: Медицина, 1988. — 637 с.
109. Гусева Е. К. К вопросу о количественном подходе к анализу структурных особенностей буквенных знаков (на материале русских графем) // Проблемы грамматического моделирования / Под ред. А. А. Зализняка. — М.: Наука, 1973. — С. 222–228.
110. Данилова Н. Н. Психофизиология. — М.: Аспект Пресс, 1998. — 373 с.
111. Данилова Н. Н., Крылова А. Л. Физиология высшей нервной деятельности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. — 398 с.
112. Деркач М., Гумецкий Р., Мишин Л. и др. Восприятие речи в распознающих моделях. — Львов: Изд-во Львовск. ун-та, 1971. — 186 с.
113. Добрынин Н. Ф. О селективности и динамике внимания // Вопросы психологии. — 1975. — № 2. — С. 68–80.
114. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. — 519 с.
115. Жинкин Н. И. Механизмы речи. — М.: Изд-во АПН, 1958. — 370 с.
116. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. — М.: Наука, 1982. — 159 с.
117. Жуков М. Куда идет шрифт? Об универсальном характере шрифтового искусства, путях его развития и задачах художника // Советская графика-77. Сб. статей. — М.: Советский художник, 1979. — С. 179–190.
118. Журавлев А. П. Диалог с компьютером. — М.: Молодая гвардия, 1987. — 205 с.

119. Журавлев А. П. Звук и смысл. — М.: Просвещение, 1991. — 155 с.
120. Завалова Н. Д., Ломов Б. Ф., Пономаренко В. А. Образ в системе психической регуляции деятельности. — М.: Наука, 1986. — 172 с.
121. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. — Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1990. — 204 с.
122. Запорожец А. В. Восприятие и действие. — М.: Просвещение, 1967. — 323 с.
123. Запорожец А. В. Некоторые психологические вопросы сенсорного воспитания в раннем дошкольном возрасте // Сенсорное воспитание дошкольников / Под ред. А. В. Запорожца, А. П. Усовой. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. — С.30–56
124. Запорожец А.В. Избранные психологические труды в 2-х тт. Т.1. — М.: Педагогика, 1986. — 316 с.
125. Зенкин Г. М., Петров А. П. О механизмах константности зрительного восприятия пространства // Сенсорные системы. Механизмы зрения. — Л.: Наука, 1979. — С. 25–39.
126. Зиндер Л. Р. Очерк общей теории письма. — Л.: Наука, 1987. — 109 с.
127. Зинченко В. П., Величковский Б. М., Вучетич Г. Г. Функциональная структура зрительной памяти. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 271 с.
128. Злобин А. Т. К классификации эмоций // Вопросы психологии. — 1991. — №4. — С. 96–100.
129. Изард К. А. Психология эмоций: Пер. с англ. — СПб.: Питер, 2000. — 460 с.
130. Изард К. Э. Эмоции человека: Пер. с англ. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.— 439 с.
131. Иконников А. В. Архитектура города. Эстетические проблемы композиции. — М.: Стройиздат, 1972. — 215 с.

132. Иконников А. В. Функция, форма, образ в архитектуре. — М.: Стройиздат, 1986. — 286 с.
133. Иконников А. В. Эстетическая организация городской среды (серия «Искусство, среда, время»). — М.: Советский художник, 1985. — 159 с.
134. Иконников А., Степанов Г. Основы архитектурной композиции. — М.: Искусство, 1971. — 224 с.
135. История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.). Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. — 342 с.
136. Истрин В. А. Происхождение и развитие письма. — М., 1965. — 212 с.
137. Кантор К. М. Красота и польза. — М.: Искусство, 1967. — 279 с.
138. Капр А. Эстетика искусства шрифта: Пер. с нем. — М.: Книга, 1979. — 146 с.
139. Каптелинин В. Н. Экспериментальное исследование зрительного восприятия слов // Вопросы психологии. — 1983. — №1. — С. 147–152.
140. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 261 с.
141. Каров П. Шрифтовые технологии. Описание и инструментарий: Пер. с англ. — М.: Мир, 2001. — 453 с.
142. Каталог ручных и машинных шрифтов. — М.: Книга, 1966. — 615 с.
143. Каталог ручных шрифтов и наборных украшений. — Харьков: Прапор, 1973. — 221 с.
144. Кинцель А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. — 152 с.
145. Кисин Б. М. Графическое оформление книги. — М.: Гизлегпром, 1946. — 408 с.
146. Кислюк Г. А., Пеньковская Л. А. Изучение наличного уровня развития восприятия формы у детей дошкольного возраста // Сенсорное воспи-

- тание дошкольников / Под ред. А. В. Запорожца, А. П. Усовой. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. — С. 121–162.
147. Кликушин Г. Ф. Шрифты. — Минск: Высшая школа, 1964. — 134 с.
148. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. — М.: Просвещение, 1993. — 224 с.
149. Композиция в современной архитектуре. — М.: Стройиздат, 1973. — 148 с.
150. Корзакова Е. И. Овладение формой предмета и ее передача в лепке дошкольников // Сенсорное воспитание дошкольников / Под ред. А. В. Запорожца, А. П. Усовой. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. — С. 100–120.
151. Коффка К. Восприятие: введение в гештальттеорию // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — С. 96–114.
152. Красиков Ю. В. Алгоритмы порождения речи. — Орджоникидзе: Ир, 1990. — 239 с.
153. Кричевский В. Типографика в терминах и образах. В 2 т. Т. 1. — М.: Слово, 2000. — 158 с.
154. Кудин П. А., Ломов Б. Ф., Митькин А. А. Психология восприятия и искусство плаката. — М.: Плакат, 1987. — 208 с.
155. Кузнецов О. А., Хромов Л. Н. Техника быстрого чтения. — М. Книга, 1983. — 175 с.
156. Кузнецов Э. Взаимоотношения наборного и рисованного шрифта // Советская графика. Сб. статей. — М.: Советский художник, 1984. — С. 190–194.
157. Ладанов И. Д., Розанова В. А. Техника быстрого чтения. — М.: Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. — 139 с.

158. Ланген М., Моришат К., Вебер А. Восприятие типографских шрифтов // Каров П. Шрифтовые технологии. Описание и инструментарий: Пер. с англ. — М.: Мир, 2001. — С. 401–417.
159. Леонардо да Винчи. Избранные произведения. В 2 т. — М.: Ладомир, 1995.
160. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.
161. Леонтьев А. А. Психолингвистика // Тенденции развития психологической науки / Под ред. Б. Ф. Ломова, Л. И. Анцыферовой. — М.: Наука, 1989. — С. 144–155.
162. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. — М.: Наука, 1969. — 307 с.
163. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. — М.: Наука, 1965. — 128 с.
164. Леонтьев А. А. Эвристический принцип в восприятии, порождении и усвоении речи // Вопросы психологии. — 1974. — №5. — С. 53–62.
165. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. — М.: Просвещение, 1969. — 214 с.
166. Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии. — 1972. — № 12. — С. 129–140.
167. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1977. — 304 с.
168. Леонтьев А. Н. О путях исследования восприятия // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 3–27.
169. Лернер Г. И. Психология восприятия объемных форм (по изображениям). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. — 135 с.
170. Линдсей П. Х., Норман Д. А. Переработка информации у человека: Пер. с англ. — М.: Мир, 1974. — 550 с.

171. Лобок А. М. Писать раньше, чем читать // Первое сентября. — 1995. — № 13 (2 февр.).
172. Логвиненко А. Д. Зрительное восприятие пространства. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — 224 с.
173. Логвиненко А. Д. Перцептивная деятельность при инверсии сетчаточного образа // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 209–267.
174. Логвиненко А. Д. Чувственные основы восприятия пространства. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 223 с.
175. Локалова Н. П. О нейрофизиологическом механизме инвариантности перцептивного образа // Вопросы психологии. — 1975. — № 2. — С. 81–90.
176. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Наука, 1999. — 350 с.
177. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушение при локальных поражениях мозга. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 432 с.
178. Лурия А. Р. Мозг человека и психические процессы. В 2 т. Т. 2. Нейропсихологический анализ сознательной деятельности. — М.: Педагогика, 1970. — 495 с.
179. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 253 с.
180. Лурия А. Р. Роль речи в регуляции нормального и аномального поведения // Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка / Под ред. А. Р. Лурия. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. Т. 2. — С. 5–46.
181. Лурия А. Р. Язык и сознание. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 319 с.
182. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. — М.: Русский язык, 1984. — 384 с.

183. Марр Д. Зрение. Информационный подход к изучению представления и обработки зрительных образов. — М.: Радио и связь, 1987. — 399 с.
184. Маца И. Л. История эстетических учений. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 169 с.
185. Маца И. Л. Об эстетическом вкусе. — М.: Молодая гвардия, 1963. — 104 с.
186. Механизмы памяти (руководство по физиологии) / Под ред. И. П. Ашмарина и др. — Л.: Наука, 1987. — 431 с.
187. Милнер П. М. Физиологическая психология: Пер. с англ. — М.: Мир, 1973. — 647 с.
188. Минский М. Структура для представления знания // Психология машинного зрения / Под ред. П. Уинстона: Пер. с англ. — М.: Мир, 1978. — С. 249–338.
189. Москальчук Г. Г. Структурная организация и самоорганизация текста. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. — 240 с.
190. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. — Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1991. — 171 с.
191. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. — 106 с.
192. Нейрофизиологические механизмы внимания / Под ред. Е. Д. Хомской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 301 с.
193. Нейссер У. Зрительные процессы // Восприятие. Механизмы и модели: Пер. с англ. / Под ред. Н. Ю. Алексеенко. — М.: Мир, 1974. — С. 250–261.
194. Немировский Е. Л. Мир книги. — М.: Книга, 1986. — 219 с.
195. Немов Р. С. Психология: В 3 кн. Кн. 1: Общие основы психологии. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001. — 688 с.

196. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. — М.: Высшая школа, 1988. — 165 с.
197. Николаева Т. М. От звука к тексту. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 679 с.
198. Ноймар А. Художники в зеркале медицины. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. — 278 с.
199. Ноттон Д., Старк Л. Движения глаз и зрительное восприятие // Восприятие. Механизмы и модели: Пер. с англ. / Под ред. Н. Ю. Алексеенко. — М.: Мир, 1974. — С. 226–249.
200. Оптимизация речевого воздействия / Под ред. Р. Г. Котова. — М.: Наука, 1990. — 239 с.
201. Осгуд Ч. Перцептивная организация // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — С. 281–296.
202. Осгуд Ч. Точка зрения гештальттеории // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — С. 114–127.
203. Основы теории речевой деятельности / Под ред. А. А. Леонтьева. — М.: Наука, 1974. — 368 с.
204. Оформление книги. Конкурсы. Мнения. Проблемы / Под ред. Е. Я. Левашовой. — М.: Книга, 1988. — 143 с.
205. Очерки теории архитектурной композиции / Под ред. С. С. Алексеева, И. Н. Воейковой, В. И. Казариновой. — М.: Стройиздат, 1960. — 294 с.
206. Павиленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
207. Панов М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. — М.: Наука, 1964. — 167 с.
208. Парамонова Н. П. О формировании взаимодействия двух сигнальных систем у нормального ребенка // Проблемы высшей нервной деятель-

- ности нормального и аномального ребенка / Под ред. А. Р. Лурия. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. Т. 1. — С. 18–83.
209. Паркер Р. Как сделать красиво на бумаге. — СПб.: Символ — Плюс, 1998. — 312 с.
210. Патогенетическое обоснование коррекции нарушений системы гемостаза при геморрагическом васкулите у детей / Под ред. А. В. Федорова. — Барнаул: Изд-во Алт. мед. ун-та, 2001. — 23 с.
211. Переверзев Л. Б. Техническая эстетика и управление качеством. — М.: Знание, 1977. — 64 с.
212. Перельман Я. И. Занимательная механика. — М.: Гос. изд-во физико-матем. литературы, 1959. — 184 с.
213. Перцептрон — система распознавания образов / Под ред. А. Г. Ивахненко. — Киев: Наукова думка, 1975. — 431 с.
214. Петренко В. Ф. К вопросу о семантическом анализе чувственного образа // Восприятие и деятельность. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — 268–292.
215. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 207 с.
216. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Основы теоретической психологии. — М.: ИНФРА-М, 1998. — 526 с.
217. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М.: Междунар. пед. академия, 1994. — 680 с.
218. Пиаже Ж. Роль действия в формировании мышления // Вопросы психологии. — 1965. — №6. — С. 33–51.
219. Пищальникова В. А Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. — 59 с.
220. Пищальникова В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1992. — 73 с.

221. Пищальникова В. А. Психопоэтика. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. — 175 с.
222. Пищальникова В. А., Сорокин Ю. А. Введение в психопоэтику. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. — 209 с.
223. Понимание как логико-гносеологическая проблема / Под ред. М. В. Попович. — Киев: Наукова думка, 1982. — 272 с.
224. Пономарев Я. А. Психология творения. — М.: Моск. психолого-социальн. ин-т; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. — 475 с.
225. Пономарев Я. А. Психология творчества. — М.: Наука, 1976. — 303 с.
226. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М.: Искусство, 1976. — 614 с.
227. Притчард Р. Стабилизированные изображения на сетчатке // Восприятие. Механизмы и модели: Пер. с англ. / Под ред. Н. Ю. Алексеенко. — М.: Мир, 1974. — С. 194–203.
228. Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / Под ред. А. А. Леонтьева. — М.: Наука, 1974. — 147 с.
229. Психология машинного зрения / Под ред. П. Уинстона: Пер. с англ. — М.: Мир, 1978. — 344 с.
230. Психология эмоций. Тексты / Под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. — 304 с.
231. Птахова И. И. Простая красота буквы. — СПб.: Русская Графика, 1997. — 283 с.
232. Пузырей А. А. Смыслообразование в процессах перцептивной деятельности (на материале псевдоскопического зрения) // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 293–319.
233. Раевская В. А. Карманный русско-французский словарь. — М.: Русский язык, 1992. — 272 с.
234. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М. Просвещение, 1976. — 399 с.

235. Рубакин Н. А. Психология читателя и книги. — М.: Книга, 1977. — 264 с.
236. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. — СПб.: Питер Ком, 1999. — 712 с.
237. Рывчин В. И., Леонардова Е. И., Овчинников А. И. и др. Техническое редактирование. — М.: Книга, 1977. — 248 с.
238. Саттон А. Принципы оформления и макетирования // Оформление газет и журналов за рубежом. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. — С. 104–126.
239. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. — Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1989. — 180 с.
240. Селфридж О., Нейссер У. Распознавание образов машиной // Восприятие. Механизмы и модели: Пер. с англ. / Под ред. Н. Ю. Алексеенко. — М.: Мир, 1974. — С. 212–225.
241. Сенсорное воспитание дошкольников / Под ред. А. В. Запорожца, А. П. Усовой. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. — 228 с.
242. Сенсорные системы. Зрение / АН СССР; Ин-т физиологии им. И. П. Павлова. — Л.: Наука, 1982. — 208 с.
243. Сенсорные системы. Механизмы зрения / АН СССР; Ин-т физиологии им. И. П. Павлова. — Л.: Наука, 1979. — 168 с.
244. Сигман А. Психология восприятия шрифтов — социальный и эмоциональный контекст [Электронный ресурс] // www.osp.ru/publish/2001/10.
245. Симонов П. В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. — М.: Наука, 1975. — 175 с.
246. Симонов П. В. Мотивированный мозг. — М.: Наука, 1987. — 266 с.
247. Симонов П. В. Созидующий мозг. Нейрофизиологические основы творчества. — М.: Наука, 1993. — 108 с.
248. Симонов П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций. — М.: Наука, 1970. — 141 с.

249. Симонов П. В. Что такое эмоция? — М.: Наука, 1966. — 93 с.
250. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. — М.: Наука, 1981. — 215 с.
251. Словарь русского языка в 4 т. — М.: Русский язык, 1984.
252. Смирнов И. В., Безносюк Е. В., Журавлев А. Н. Психотехнологии. — М.: Прогресс, 1995. — 416 с.
253. Смирнов С. И. Шрифт в наглядной агитации. — М.: Плакат, 1990. — 190 с.
254. Смирнов С. И. Шрифт и шрифтовой плакат. — М.: Плакат, 1981. — 144 с.
255. Снарский О. В. Шрифт в наглядной агитации. — М.: Плакат, 1978. — 40 с.
256. Снарский О. В. Шрифты-алфавиты для рекламных и декоративно-оформительских работ. — Киев: Реклама, 1984. — 152 с.
257. Советская графика-78. Сб. статей. — М.: Советский художник, 1980. — 302 с.
258. Соколов А. Н. Внутренняя речь и мышление. — М.: Просвещение, 1968. — 248 с.
259. Сокольников Ю. Л. Шрифты (серия «Типографика»). — Новосибирск: Мангазея, 1994. — 102 с.
260. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. — М.: Наука, 1977. — 341 с.
261. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 598 с.
262. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977. — 695 с.
263. Степанищев А. Г. Читать можно быстрее. — М.: Московский рабочий, 1988. — 64 с.
264. Столин В. В. Исследование пророждения зрительного пространственного образа // Восприятие и деятельность / Под ред. А. Н. Леонтьева. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. — С. 101–208.

265. Стрэттон Д. М. Перевернутый мир // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 349–352.
266. Суворов Н. Ф., Таиров О. П. Психофизиологические механизмы избирательного внимания. — Л.: Наука, 1985. — 287 с.
267. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама. Теория и практика: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1989. — 628 с.
268. Табашников И. Н. Газета и дизайн. — Тюмень: Софт дизайн, 1994. — 160 с.
269. Тагиров Ф. Ш. Некоторые вопросы построения рисунков шрифтов // Сб. тр. Научно-исслед. ин-та полигр. машиностроения. — 1959. — №4. — С. 237–281.
270. Тагиров Ф. Ш. Язык, письменность, шрифт // Проблемы рукописной и печатной книги / Под ред. А. А. Сидорова. — М.: Наука, 1976. — С. 38–52.
271. Телингатер С. Б. Графика. Выставка работ. — М.: Советский художник, 1975. — 81 с.
272. Техническое зрение роботов / Под ред. А. Пью: Пер. с англ. / Под ред. Г. П. Катуса. — М.: Машиностроение, 1987. — 319 с.
273. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. — 304 с.
274. Тихомиров О. К. О формировании произвольных движений у детей дошкольного возраста // Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка / Под ред. А. Р. Лурия. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. Т. 2. — С. 72–130.
275. Толанский С. Оптические иллюзии. — М.: Мир, 1967. — 127 с.
276. Томилин В. В. Физиология, патология и судебно-медицинская экспертиза письма. — М.: Гос изд-во мед. литературы, 1963. — 235 с.

277. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. — М.: Наука, 1966. — 451 с.
278. Узнадзе Д. Н. Психология установки. — СПб. и др.: Питер, 2001. — 414 с.
279. Узнадзе Д. Н. Теория установки. — М.; Воронеж: Ин-т практической психологии; НПО «Модэк», 1997. — 448 с.
280. Ухтомский А. А. Доминанта. — М.–Л.: Наука, 1966. — 237 с.
281. Ушакова Т. Н. Проблема внутренней речи // Психологические и психофизиологические исследования речи / Под ред. Т. Н. Ушаковой. — М.: Наука, 1985. — С. 13–26.
282. Ушакова Т. Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. Психофизиологические механизмы внутренней речи. — М.: Наука, 1979. — 248 с.
283. Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А. Психологические исследования семантики речи // Психологические и психофизиологические исследования речи / Под ред. Т. Н. Ушаковой. — М.: Наука, 1985. — С. 45–66.
284. Фаворский В. А. О рисунке. О композиции. — Фрунзе: Кыргызстан, 1966. — 77 с.
285. Фаворский В. А. О художнике, о творчестве, о книге. — М.: Молодая гвардия, 1966. — 127 с.
286. Фанц Р. Восприятие формы // Восприятие. Механизмы и модели: Пер. с англ. / Под ред. Н. Ю. Алексеенко. — М.: Мир, 1974. — С. 338–350.
287. Федоров М. В., Короев Ю. И. Объемно-пространственная композиция в проекте и в натуре. — М.: Стройиздат, 1961. — 136 с.
288. Фотонаборные шрифты: Каталог-справочник. — М.: Книга, 1985. — 287 с.

289. Ханкер В. Точное зрительное восприятие пространства (микроанализ основной роли движения руки) // Восприятие пространства и времени / Под ред. Б. Г. Ананьева. — Л.: Наука, 1969. — С. 42–45.
290. Харитоновна Н. Художник и буква // Наука и жизнь. — 1981. — №9. — С. 115–122.
291. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 259 с.
292. Хомский Н. Язык и мышление. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 122 с.
293. Хорн Б. К. П. Зрение роботов: Пер. с англ. — М.: Мир, 1989. — 487 с.
294. Хорн Г. Память, импринтинг и мозг. Исследование механизмов: Пер. с англ. — М.: Мир, 1988. — 343 с.
295. Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. Б. Михалевской. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. — 400 с.
296. Хэссет Дж. Введение в психофизиологию: Пер. с англ. — М.: Мир, 1981. — 248 с.
297. Чихольд Я. Облик книги. — М.: Книга, 1980. — 239 с.
298. Шевелев И. Геометрическая гармония // Наука и жизнь. — 1965. — №4. — С. 72–77.
299. Шицгал А. Г. Русский рисованный книжный шрифт советских художников. — М.: Искусство, 1953. — 96 с.
300. Шицгал А. Г. Русский типографский шрифт. — М.: Книга, 1985. — 255 с.
301. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 157 с.
302. Шульмейстер М. В. Книжно-журнальная верстка. — М.: Книга, 1978. — 197 с.

303. Шуман Р., Райт Д., Льюис Л. Дизайн и компьютер: Пер. с англ. — М.: Издательский отдел «Русская редакция ТОО «Channel Trading Ltd.», 1997. — 214 с.
304. Яковлева С. В. Условия формирования простейших видов произвольного действия у детей дошкольного возраста // Проблемы высшей нервной деятельности нормального и аномального ребенка / Под ред. А. Р. Лурия. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. Т. 2. — С. 47–71.
305. Ярбус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения. — М.: Наука, 1965. — 166 с.
306. Ярмола Ю. А. Компьютерные шрифты. — СПб.: ВHV-Санкт-Петербург, 1994. — 203 с.
307. Ярошевский М. Г., Анцыферова Л. И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. — М.: Педагогика, 1974. — 303 с.
308. Alphabets classiques. — Paris: l'Aventurine, 1996. — 94 p.
309. Calligraphie. — Paris: l'Aventurine, 1997. — 96 p.
310. Pyke R. L. The legibility of print. Medical Research Council, Reports of the Commission on the Legibility of Type. — London: H. M. Stationary Office, 1926.
311. Wendt D. Semantic Differentials of Typefaces as a Method of Congeniality Research // The Journal of Typographic Research. — Vol. II. — № 1, 1968.